

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Голуб О. Ю.** Коммуникативная компетентность в условиях сетевых взаимодействий 126
- Бочарова Е. В.** Непрерывное образование как фактор повышения профессиональной компетенции работников сельского хозяйства 131
- Бегинина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В.** Профессиональное становление будущих специалистов в рамках вторичной занятости студентов 136
- Кремнева Н. Ю.** Трудовые ценности иностранного предприятия как фактор выбора в стратегии занятости молодых рабочих 141
- Немерюк Е. Е., Аникин Л. С.** Социальные аспекты поддержки здоровья населения на региональном уровне (на примере Саратовской области) 147
- Елютина М. Э., Колязина Л. В.** Пожилые люди: практики чтения 152
- Кузьмина Е. В., Гончарова Н. В.** Досуговые практики молодых рабочих промышленных предприятий 156
- Кантемирова Г. А.** Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России 162
- Ростовская Т. К., Кара-Мурза С. Г., Егорычев А. М.** От кризиса нравственности до возрождения традиционных семейных ценностей россиян 167
- Сомхишвили К. О.** Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин: опыт качественного исследования 172
- Гусев В. В., Милочихина О. А.** Формирование инновационных механизмов частно-государственного партнерства как часть реализации Национальной технологической инициативы в Российской Федерации 179

Слово молодым социологам

- Головина А. А.** Социологические принципы обустройства среды обитания крупных городов 183
- Понукалин И. А.** Трансформация потребительских практик в контексте воздействия новых медиа 186
- Фомин А. А.** Формирование информационного пространства в современной России: проблемы и перспективы 192

Политология

- Вилков А. А.** «Левый» сегмент партийной системы современной России: проблемы и перспективы 196
- Шестов Н. И.** «Исторический» и «ретроспективный» методы современного политического исследования: проблемы использования 203
- Коробов А. А., Серебряков С. А.** Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху 212
- Магомедов А. К., Соколова И. Н.** Этносистема Российской Арктики в контексте северной экосистемы: к пониманию особенностей этнополитики в полярном мега-регионе 218
- Арзуманян Р. В.** Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности 223
- Лукьянова Е. Л.** Стратегии занятости: в поисках концептуального обоснования инновационной политики 231

Слово молодым политологам

- Горская А. Н.** Влияние представителей правящей элиты Смоленской области на динамику отношений региона с Республикой Беларусь в рамках трансграничного сотрудничества 238

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 28.05.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 64-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Golub O. Y.** Communicative Competence in the Conditions of Network Interactions 126
- Bocharova E. V.** Continuing Education as a Factor of Agricultural Workers' Professional Competence Increase 131
- Beginina I. A., Ivchenkov S. G., Shahmatova N. V.** Professional Advancement of Future Experts in Terms of Secondary Employment 136
- Kremneva N. Yu.** Labor Values of a Foreign Enterprise as a Factor of Choice in Young Workers Employment Strategies 141
- Nemeryuk E. E., Anikin L. S.** Social Aspects of Health Support at the Regional Level (The Example of the Saratov Region) 147
- Elutina M. E., Kolyazina L. V.** Elderly People: Reading Practices 152
- Kuzmina E. V., Goncharova N. V.** Young Industrial Workers' Leisure Practices 156
- Kantemirova G. A.** Specific Features of Family Structure Dynamics Types in Russia 162
- Rostovskaya T. K., Kara-Murza S. G., Egorychev A. M.** From Morality Crisis to Traditional Family Values Revival of Russians 167
- Somkhashvili K. O.** Social Solidarity of Men's Trivial Concepts: The Experience of Qualitative Research 172
- Gusev V. V., Miliuchikhina O. A.** Formation of Public-Private Partnerships Innovative Mechanisms as a Part of National Technology Initiative Implementation in Russian Federation 179

New Voices: Young Sociologists' Research

- Golovina A. A.** Sociological Principles of Cities' Habitat Arrangement 183
- Ponukalin I. A.** Transformation of Consumer Behavior in the Context of New Media Impact 186
- Fomin A. A.** Formation of the Information Space in Modern Russia: Problems and Prospects 192

Politology

- Vilkov A. A.** The Left Segment of Party System in Modern Russia: Problems and Prospects 196
- Shestov N. I.** "Historical" and "Retrospective" Methods of Modern Political Research: Problems of Applying 203
- Korobov A. A., Serebryakov S. A.** Documentary Movie as a Mean of Political Propaganda: Classical and Innovative Approaches in a Digital Epoch 212
- Magomedov A. K., Sokolova I. N.** Ethnosystem of Russian Arctic in the Context of Northern Ecosystem: Understanding the Specific of Ethnopolitics in Polar Mega-Region 218
- Arzumanian H. V.** Velvet Revolution in Armenia: Challenges and Opportunities 223
- Lukyanova E. L.** Strategy of Employment: in Search of Conceptual Justification of Innovation Policy 231

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Gorskaya A. N.** Influence of Representatives of the Ruling Elite of the Smolensk Region on the Dynamics of Relations with the Republic of Belarus 238

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

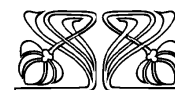
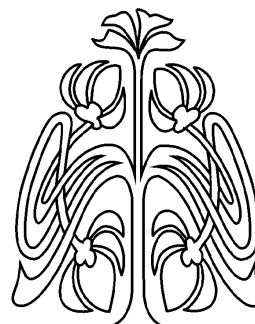
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

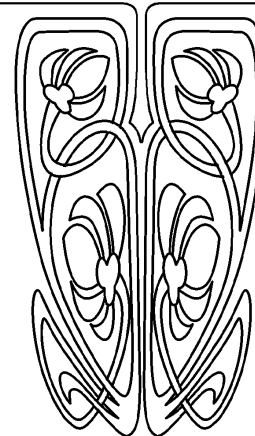
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354

Коммуникативная компетентность в условиях сетевых взаимодействий

О. Ю. Голуб

Голуб Ольга Юрьевна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, goloub@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с переосмыслением содержания и роли коммуникативной компетентности в информационном мире. Исследование специфики развития коммуникативной компетентности виртуального типа становится актуальной научной задачей. В современном обществе коммуникация является определяющим фактором для всех социальных процессов и, соответственно, коммуникативная компетентность личности – ведущим ее свойством, обеспечивающим базовый уровень взаимосвязей, необходимый для сохранения устойчивости и общественного воспроизводства данного типа развития. Возрастание объемов информации и расширение поля коммуникации, усиление манипулятивного воздействия современных массмедиа, иллюзия преимуществ виртуальной реальности над реальностью обычной формируют пространство, наполненное дезориентирующими символами и симулякрами, в котором представлены все информационно-коммуникативные патологии и их последствия. В статье описывается коммуникативная компетентность как одна из основополагающих характеристик личности и важный элемент процесса виртуальной коммуникации. Раскрывается потенциал коммуникативной компетентности при организации эффективных сетевых взаимодействий и формирования виртуальной культуры. Обоснована ключевая роль коммуникативной компетентности в процессах успешной социализации, социальной адаптации, реализации творческого потенциала и самовыражения личности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, сетевые взаимодействия, виртуальная культура, социальная адаптация.

Communicative Competence in the Conditions of Network Interactions

O. Y. Golub

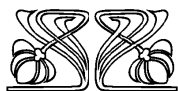
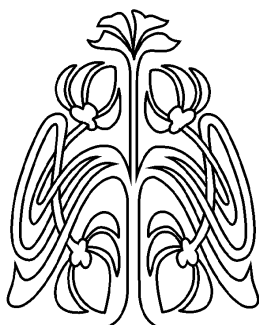
Olga Y. Golub, <https://orcid.org/0000-0002-6280-9011>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, goloub@inbox.ru

The article deals with the issues related to the rethinking the content and the role of communicative competence in the information world. The study of communicative competence development specifics of the virtual type becomes an urgent scientific task. In modern society, communication is a determining factor in all social processes, and accordingly, the individual communicative competence becomes its key property, providing the basic level of interrelations necessary to maintain sustainability and social reproduction of this type of development. The increase in the volume of information and the expansion of communication field, strengthening the manipulative effect of modern mass media, the illusion of the advantages of virtual reality over the usual one form a space filled with disorienting symbols and simulacra, in which all informational and communicative pathologies and their consequences are presented. The article describes communicative competence as one of the fundamental personality characteristics and an important element of the virtual communication process. The potential of communicative competence is revealed in the organization of effective network interactions and the formation of virtual culture. The key role of communicative competence in the processes of successful socialization, social adaptation, realization of individual creative potential and self-expression are substantiated.

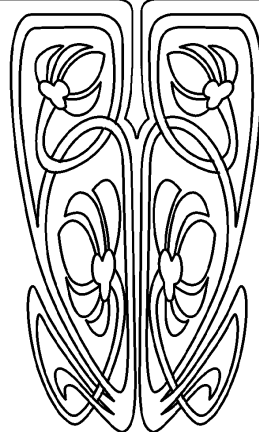
Keywords: communicative competence, network interactions, virtual culture, social adaptation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-126-130>

© Голуб О. Ю., 2019

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Революционное влияние информационно-коммуникационных технологий и Интернета на развитие человечества глубоко и убедительно обосновано одним из самых авторитетных современных социологов и исследователей информационного общества М. Кастельсом. Он подчеркивал, что «информационно-технологическая парадигма эволюционирует не к своему закрытию как системы, но к своей открытости как многосторонней сети. Она могущественна и импозантна в своей материальности, адаптивна и открыта в своем историческом развитии. Всеохватность, сложность и сетевой характер являются ее решающими качествами»¹. Подобные процессы приводят к технологической и информационной взаимосвязи цивилизации. Сетевая логика информационного общества, по мнению М. Кастельса, обусловлена «сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...»²

Распространение Интернета продолжается. По данным опроса, проведенного Левада-центром в октябре 2018 г., 76% россиян старше 18 лет являются интернет-пользователями, из них 57% опрошенных выходят в сеть ежедневно. Продолжает расти доля тех жителей России, которые выходят в сеть ежедневно или практически ежедневно³.

Функционирование электронного правительства, цифровой экономики, интернет-медицины, дистанционного образования, повсеместное распространение гибких связей и систем коммуникаций во всех сферах жизни современного общества – это объективная реальность. С одной стороны, огромен позитивный эффект, который проявляется в возрастании гибкости и адаптивности социальных акторов разного уровня (индивидов, организаций и целых государств), расширении возможностей более точного, оперативного и своевременного реагирования на потребности и решения практически любых вопросов. С другой стороны, расширение сетевых взаимодействий приводит к глубоким изменениям в общественном устройстве, социальных институтах, социокультурных механизмах функционирования общества, к трансформации этико-правовых норм, к изменению концептов частности и публичности, способов социальных интеракций. Инновационные информационно-коммуникационные технологии способны многократно расширять поле возможностей для манипуляций и симуляций в целях управления общественным мнением и массовым поведением.

Претерпевает принципиальные изменения собственно социальная коммуникация, понимаемая как коммуникативная деятельность, обусловленная совокупностью социально значимых ценностей, оценок, конкретных ситуаций, коммуникативных норм общения, принятых в данном обществе. Трансформируется социаль-

но-коммуникативное пространство, меняются основания, интенсивность, формы модели процессов социальной коммуникации. Исследователи фиксируют появление целого ряда новых явлений и практик: от изменений в досуговых ориентациях и социокультурных предпочтениях населения, культурном пространстве/времени, языковых практиках, типах коммуникации, мышления и сознания до трансформации способов и видов социализации и инкультурации индивида, поля традиционных типов идентификации и социальной стратификации, социальной структуры общества. Происходит активная виртуализация повседневной деятельности человека. По мнению А. В. Голубинской, это актуальный процесс. Практически любая повседневная практика коммуникации имеет виртуальный аналог, а события виртуального мира переживаются так же реально и лично, как и в материальной действительности. Система таких аналогов позволяет судить о виртуальной повседневной реальности как ее качественно новой форме⁴.

Особенно эти процессы заметны в молодежной среде. Для молодых людей формируемая новая виртуальная реальность во все большей степени становится новой сферой бытия. Среди информационных источников, к которым обращаются молодые люди для получения новостей, именно Интернет и социальные сети стоят на первых позициях. По данным Левада-центра, каждый второй участник опроса считает, что есть темы, которые освещаются в Интернете более объективно, чем на телевидении. Самые молодые регулярно пользуются сетью в 8 раз чаще пожилых россиян (74% против 9%). Среди молодежи практически не осталось никого, кто бы вообще не пользовался Интернетом. В социальные сети самые молодые заходят в 4 раза чаще пожилых (93% против 26%), для них особенно важны «ВКонтакте», Instagram и YouTube⁵.

Исследования ВЦИОМ также показывают, что чаще всего молодые россияне читают новости в социальных сетях, треть от числа опрошенных сообщили, что читали художественную, а еще треть – профессиональную и научную литературу. Если говорить о блогах, то молодые люди читают их чаще остальных. По мнению руководителя департамента исследований ВЦИОМ С. Львова, главная причина такой ситуации кроется в новом типе «информационного потребления, который можно назвать “субъектным”, когда человек сам формирует запрос на тексты для чтения исходя из собственных текущих интересов и получает на них легкий и быстрый ответ. Интерактив, который наилучшим образом обеспечивают социальные медиа и блогосфера, создает ореол их востребованности, видимость свободы выбора материала и массового внимания аудитории»⁶.

Виртуализация информационного потребления влечет за собой и виртуализацию зна-

чительной части социальных интеракций, что обусловлено не только опосредованностью акта взаимодействия техническими и технологическими средствами, но и искусственностью пространства этого взаимодействия. Взаимодействие посредством новых медиа, социальных сетей, блогов, тематических форумов, интернет-мессенджеров во все большей степени заменяет естественное общение. Коммуникативно-коммуникационная платформа Интернета позволяет моделировать и развивать инновационные модели поведения, формировать новые роли и статусы. Многие виды социальных практик по мере переноса в виртуальное пространство становятся естественным и неотъемлемым атрибутом повседневной жизни, сопровождают процессы социализации человека. Подобные формы виртуализации коммуникации приводят к искажению фактов и образов социальной реальности, границы между виртуальными реальностями и повседневным миром становятся все более размытыми, в результате чего реальность виртуального мира воспринимается как реальность подлинная.

Происходят процессы переноса в сферу виртуального атрибутов содержания и характеристик социального, в первую очередь – коммуникативных практик, типов, форм, моделей межличностного и межгруппового взаимодействия, ценностей и идентификационных ориентаций. Возрастание социализирующей функции нынешнего Интернета не в последнюю очередь обусловлено кризисом традиционных социальных институтов, а также тем доверием, которым он пользуется в обществе и особенно среди молодежи. Процессы первичной социализации, освоение норм и образцов поведения, формирование личностных ценностей и самосознания, адаптационных стратегий и моделей коммуникации зачастую происходят в новой виртуальной реальности. Привлекательность идеи самостоятельного конструирования собственного виртуального мира, возможность легкого его воплощения в собственных практиках, свобода, гибкость, упрощенный характер мобильности и формирования собственной идентичности зачастую служат компенсацией недостающего в реальности безусловной.

Усложнение процессов коммуникации и расширение сетевых взаимодействий обуславливает возрастание значения коммуникативных компетенций. Следует отметить, что навыки и умения устанавливать контакты, оценивать собеседника, преодолевать барьеры взаимопонимания и другое всегда рассматривались как необходимое условие эффективности практически любой предметной деятельности человека. В нынешних условиях значение коммуникативной компетенции как ключевого элемента адаптационного потенциала личности многократно возрастает.

Отметим, что представители различных научных направлений по-разному подходят к толкованию понятия «компетентность». Однако многие исследователи сходятся во мнении о том, что в его основе лежит сформированность единого комплекса знаний, умений, навыков, опыта, обеспечивающего выполнение определенных функций. Более того, обращается внимание на то, что «компетентность включает в себя не только интеллект... Она подразумевает также внутреннюю мотивацию, которая не входит в понятие способности как таковой»⁷.

В имеющейся литературе наряду с понятием «коммуникативная компетентность» широко используются такие термины, как «информационная компетентность», «цифровая компетентность», «медиакомпетентность». За отсутствием возможности подробного анализа их содержания и соотношения в рамках данной статьи подчеркнем лишь следующее. На наш взгляд, понятие «коммуникативная компетентность» является родовым по отношению к другим упомянутым терминам. В философской, психологической, педагогической, социологической литературе насчитываются десятки определений этого понятия. В наиболее общем виде под коммуникативной компетентностью понимается такая характеристика личности, которая вбирает в себя коммуникативные знания, умения, навыки и способности, проистекающие из социального и чувственного опыта⁸.

Основными компонентами структуры коммуникативной компетентности являются: мотивационный, когнитивный, личностный и поведенческий. Мотивационный компонент включает потребности в позитивных контактах, смысловые установки на успешное взаимодействие, ценности и цели общения. Содержание когнитивного компонента составляют социальное восприятие, воображение и мышление, рефлексивные, оценочные и аналитические способности, а также знания о психологии личности. Личностные характеристики, перцептивные способности раскрывают личностный компонент коммуникативной компетентности. Поведенческий компонент – это индивидуальная система оптимальных моделей межличностного взаимодействия, а также субъективный контроль коммуникативного поведения.

В реальных практиках социальных взаимодействий коммуникативная компетентность реализуется в форме умений и навыков инициировать и вступать в контакт; формировать благоприятное первое впечатление; задавать вопросы и отвечать на них; поддерживать беседу, кратко и точно выражать свои мысли; стимулировать собеседника к прояснению его позиции, высказываний; слушать, услышать и понять то, что имел в виду собеседник; осуществлять обратную связь; выравнивать эмоциональное напряжение в беседе; считывать и грамотно интерпретиро-

вать невербальные сигналы собеседника; управлять собственными экспрессивными сигналами в процессе общения; эффективно взаимодействовать с другими, осуществляя сотрудничество; владеть моделями общения; использовать в процессе взаимодействия разнообразные стили общения; понимать специфику речевых жанров и коммуникативных средств достижения цели при взаимодействии⁹.

Коммуникативная компетентность как элемент адаптационного потенциала личности отражает отношение человека к самому себе и окружающей действительности путем саморефлексии, способности гибко реагировать на ту или иную ситуацию взаимодействия за счет владения подвижными нормами и ценностями коммуникации, пластичными способами коммуникативного поведения. Некоторые исследователи в содержание понятия «коммуникативная компетентность» вкладывают, помимо прочего, способность личности сохранять свою социальность посредством конструирования гибкой индивидуальной социокультурной нормы коммуникации. В основе формирования коммуникативной компетентности, и в этой части мы солидарны с Е. В. Чанковой, лежат процессы интериоризации изменчивости как имманентной характеристики пространства коммуникативной реальности, опознавания и типизации ожиданий акторов, рационализации собственных ожиданий и действий с учетом изменяющихся норм и ожиданий других, рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий, выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик, самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима¹⁰.

Экспансия Интернета и информационно-виртуальных технологий в различных сферах человеческой жизнедеятельности существенно влияет на содержание и характеристики социокультурного пространства современности. Инновационные формы и способы социальных практик заменяют традиционные технологии и средства коммуникации. Происходит замещение реального мира опосредованной виртуальной реальностью, в свою очередь, порождающей более изощренные технологии управления общественным мнением и массовым поведением. Трансформируются культура личностного восприятия и субъективные представления человека о самом себе, самопрезентация субъективно-личностных моделей жизни. Нарушения в функционировании и ослабление интегрирующей функции реальных социальных институтов, развивающиеся виртуальные практики самоконструирования приводят к появлению новых культурных и социальных регуляторов коммуникационного процесса.

Виртуальные взаимодействия, в процессе которых коммуниканты, представленные своим

виртуальным представителем в виде электронной почты, скайп-имени, ника в блогах, чатах, сетях, твиттере, номера телефона в мессенджерах и т. п., создают новую реальность и соответствующие модели социальных практик. Выработка индивидуальных норм и способов коммуникации опирается на ситуационные потребности с учетом базовых, заложенных в культурной памяти, образцов, традиций, ритуалов, стереотипов. Однако виртуальная среда предполагает большую степень свободы от заданных рамок и рефлексивное отношение к социокультурной норме взаимодействия и конструирования индивидуальной нормы коммуникации. Условия, диктуемые логикой Интернета, трансформируют жизненный мир человека, формируют новые ценности, нормы, средства и способы коммуникативного поведения, приводят к изменениям в механизме формирования и характеристиках коммуникативной компетентности как интегрального личностного качества, обеспечивающего ситуационную адаптивность. А. В. Соловьева обращает внимание на новый феномен, связанный с тем, что в Интернете в результате физической непредставленности партнеров по коммуникации друг другу теряет свое значение целый ряд вербальных (например, резкое сокращение словарного запаса) и невербальных (причем в наибольшей степени) коммуникативных характеристик¹¹.

На наш взгляд, коммуникативная компетентность выступает своего рода метакомпетентностью, вбирающей в себя другие, более специализированные компетенции. Важным компонентом коммуникативной компетентности является медиакомпетентность.

Медиакомпетентность личности понимается как способность личности взаимодействовать с медиатизированной информацией, адекватно воспринимать и объективно оценивать ее, осуществлять поиск, отбор и передачу сведений, а также противостоять манипулятивному влиянию средств массовой информации и коммуникации. Знания, умения и навыки критического осмысления публикуемых сведений позволяют человеку в полной мере воспринимать и понимать разнообразную информацию, осознавать последствия ее воздействия на психику, поддерживать свою конкурентоспособность, противостоять эскалации информационной зависимости в условиях информационно перегруженного мира и адаптироваться в глобальном информационно-коммуникационном пространстве. Медиакомпетентность, как характеристика активного пользователя и субъекта виртуальных интеракций, подразумевает овладение способами взаимодействия на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств и современных информационных технологий, свободное пользование современными коммуникативными технологиями и инструментами.

По сути, неограниченные возможности любого количества индивидов создавать свои собственные социальные миры радикально меняют структуру коммуникационного пространства. Обладание умениями и навыками фильтрации и объективной оценки публикуемой информации, владение техниками защиты и противодействия манипуляциям со стороны массмедиа составляют ключевой элемент механизма социальной адаптации, способствующий уверенному ориентированию во всех коммуникативных сферах современного информационного пространства.

Таким образом, можно заключить, что коммуникативная компетентность является необходимым условием успешной социализации, адаптации, способом реализации творческого потенциала и самовыражения личности.

Примечания

- ¹ Кастельс М. Информационная эпоха : Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 156.
- ² Там же. С. 505.
- ³ См.: Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/category/press/page/4/> (дата обращения: 12.01.2019).
- ⁴ См.: Голубинская А. В. Социальное конструирование виртуальной реальности // Studia Humanitatis. 2016. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/golubinskaya-av-socialnoe-konstruirovanie-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 12.01.2019).
- ⁵ См.: Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/10/chem-rossijskaya-molodezh-otlichaetsya-ot-svoih-roditelej/> (дата обращения: 12.01.2019).
- ⁶ ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9317> (дата обращения: 12.01.2019).
- ⁷ Равен Дж. Компетентность в современном обществе : выявление, развитие и реализация. М. : Когито-Центр, 2002. С. 396.
- ⁸ См.: Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в постиндустриальном обществе (теоретико-методологическое исследование). М. : Изд-во РГСУ, 2016. С. 84.
- ⁹ См.: Соловьева А. В. Специфика коммуникативной компетентности современной молодежи // Человеческий капитал. 2014. № 5 (65). С. 53–54.
- ¹⁰ См.: Чанкова Е. В. Указ. соч. С. 33.
- ¹¹ См.: Соловьева А. В. Указ. соч. С. 54.

Образец для цитирования:

Голуб О. Ю. Коммуникативная компетентность в условиях сетевых взаимодействий // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-126-130>

Cite this article as:

Golub O. Y. Communicative Competence in the Conditions of Network Interactions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Poliology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 126–130 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-126-130>

УДК 316.334.55:316.344.3

Непрерывное образование как фактор повышения профессиональной компетенции работников сельского хозяйства

Е. В. Бочарова

Бочарова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, kirill1979may@mail.ru

В статье на основе статистических данных проведен анализ социально-демографических характеристик занятого в сельском хозяйстве населения. Исследована система непрерывного образования в отрасли, которая обеспечивает человеку долгосрочные профессиональные компетенции, позволяющие ему на протяжении трудовой жизни оставаться широко востребованным работодателями. На основании проведенного исследования делается вывод, что развитие системы непрерывного образования среди работников сельского хозяйства повышает их профессиональные компетенции, а также способствует эффективной адаптации к постоянно изменяющимся условиям рынка.

Ключевые слова: сельское хозяйство, профессиональная компетенция, непрерывное образование, дополнительное профессиональное образование.

Continuing Education as a Factor of Agricultural Workers' Professional Competence Increase

E. V. Bocharova

Elena V. Bocharova, <https://orcid.org/0000-0002-1757-5623>, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, kirill1979may@mail.ru

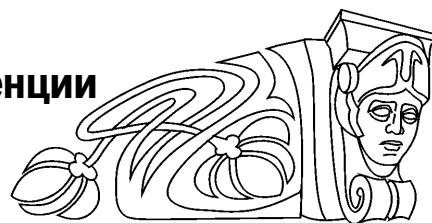
The article, on the basis of statistical data, analyzes the socio-demographic characteristics of the population engaged in agriculture. The system of continuous education providing workers with long-term professional competencies allowing them to remain widely sought after by employers during their working life, is studied. Based on the conducted research, the conclusion is drawn that the development of continuous education system for agricultural workers increases their professional competencies.

Keywords: agriculture, professional competency, continuing education, additional vocational education.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-131-135>

Главное условие работы специалистов агропромышленного комплекса во всех государствах с рыночной экономикой – конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках и способность обеспечить продовольственную безопасность страны. Современный агропромышленный комплекс РФ в полной мере такому требованию не отвечает.

Большинство работников сельскохозяйственной отрасли по-прежнему обладают традиционными знаниями и набором квалификацион-

ных требований, в то время как необходимость развития аграрного производства формирует особый общественный запрос на исследования¹, направленные на широкое внедрение компетентностного подхода. В современных условиях для руководителей сельхозпредприятий важна не только квалификация работников как умение проводить те или иные производственные процессы, а компетенция, рассматриваемая как определенный набор знаний, умений и навыков, присущих специалисту.

Проведем анализ соотношения понятий «квалификация», «компетентность» и «компетенция», близких по значению, но не тождественных.

В советский период для того, чтобы определить соответствие занимаемой должности, использовалось понятие «квалификация» как официально признанный и нормативно зафиксированный уровень подготовки к профессиональной деятельности, который соответствует предъявляемым требованиям к выполнению трудовых обязанностей.

Профессиональная компетенция является объективным требованием, условием для успешной профессиональной работы. Компетентность понимается как субъективное качество личности, обладание необходимыми профессиональными компетенциями.

Профессиональная компетенция работников сферы сельского хозяйства – это наличие взаимодополняемых качеств, а именно полученных знаний, дополнительных умений, профессиональных навыков, способов выполнения трудовой деятельности, характеристик личности, как психологических, так и мотивационных по отношению к определенному кругу производственных процессов, необходимых для эффективного выполнения поставленных трудовых задач.

Современное общество характеризуется усилением конкуренции на рынке труда, в том числе между работниками разных возрастных категорий. Основные демографические характеристики можно определить на основе данных статистических обследований.

Ежегодно сокращается количество работников сферы сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства. По данным Росстата, доля занятых в отрасли в 2007 г. составляла 8,9%. За десять лет этот показатель уменьшился на 3,1% и в 2017 г. находился на уровне 5,8%². Внедрение современ-

ных технологий, постепенное уменьшение доли ручного труда, оптимизация производственных процессов вынуждают руководство сельскохозяйственных предприятий сокращать количество работников. В данной ситуации сохранение социально-трудовой активности работников является весомым фактором обеспечения сельского хозяйства и экономики страны в целом трудовыми ресурсами. Рассмотрим возрастную структуру занятости в сельском хозяйстве (таблица)³.

Около трети занятых в сельскохозяйственной отрасли составляют сотрудники предпенсионного возраста (от 50 до 59 лет). Как видно из данных таблицы, на протяжении последнего десятилетия происходит ежегодное увеличение работников старших возрастных категорий в сельском хозяйстве (от 50 до 72 лет), а также постепенное уменьшение количества активной части занятых трудоспособного возраста (от 40 до 49 лет). В 2010 г. в сельском хозяйстве работали около 27% сотрудников среднего возраста, в 2017 г. произошло снижение их количества до 24%.

Если в 2010 г. в сельскохозяйственной отрасли трудились 7,1% возрастных специалистов (старше 60 лет), то в 2017 году их количество возросло до 8,1%. Почти каждый десятый работник в сельском хозяйстве перешагнул шестидесятилетний рубеж. В профессионально-трудовой сфере происходит усиление конкуренции между представителями различных возрастных групп, где количество рабочих мест весьма ограничено⁴. Темп роста старшего населения опережает темп прироста всего населения, происходит изменение соотношения между группой старше

трудоспособного возраста и трудоспособным населением. В связи с этим тенденция продолжения трудовой деятельности после выхода на заслуженную пенсию является вполне закономерной⁵.

Молодые люди (до 30 лет) не проявляют должного интереса к сельскохозяйственной деятельности. Несмотря на проводимые государством мероприятия по привлечению молодежи в отрасль, число молодых кадров ежегодно уменьшается.

Количество работников мужского пола превышает количество женщин во всех возрастных категориях кроме самой младшей (15–19 лет), средней (40–49 лет) и старшей (60–72 года) (рис. 1)⁶. Преобладание женщин в самой старшей возрастной группе связано с более высокой продолжительностью жизни среди них. Кроме того, они стремятся оказать посильную помощь своим детям и внукам. Более широкое распределение по занятиям может означать большее разнообразие выбора профессий у молодых мужчин, что в том числе объясняет более высокий уровень занятости молодых женщин в сельском хозяйстве по сравнению с молодыми мужчинами. Юные сотрудники и мужчины среднего возраста стремятся в отрасли, где заработная плата выше, чем в сельском хозяйстве. Среднемесячная заработная плата работников в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2017 г. находилась на уровне 25 671 руб. Этот показатель на 10,8% выше, чем в 2016 г., однако в 1,5 раза меньше среднего показателя по всем отраслям экономики Российской Федерации (39 167 руб.)⁷.

Структура численности занятых в сельском хозяйстве по возрастным группам, %

Годы	Возраст, лет						Всего
	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72	
2006	4,1	15,7	19,1	32,3	21,6	7,2	100
2008	2,5	16,5	21,8	28,5	23,9	7,0	100
2010	3,4	18,3	20,0	26,9	24,4	7,1	100
2012	2,7	16,5	19,9	24,2	27,1	9,5	100
2014	2,4	15,8	19,8	23,1	27,9	10,9	100
2017	2,1	15,7	22,2	24,2	27,6	8,1	100

Рис. 1. Структура занятого в сельском хозяйстве населения по полу и возрасту в 2017 г.

В сельскохозяйственной отрасли лучшей защитой сотрудника от потери работы является его профессиональная компетенция. Это связано с тем, что трудовой процесс претерпевает постоянное усложнение. Таким образом, повышается спрос на работников, обладающих высокими профессиональными знаниями и навыками. В условиях современных вызовов и угроз сельскохозяйственное производство нуждается в профессионалах, которые не просто выполняют определенные функции по заданному алгоритму, но смогут решить сложные задачи, найдут достойный выход из неординарных производственных ситуаций. Подготовка специалистов, где критерием является владение необходимыми профессиональными знаниями, предполагает их высокую конкурентоспособность на рынке труда. В этой связи необходимо построение новой структуры непрерывного образования с учетом поставленных руководством целей. Система непрерывного образования способствует формированию у сотрудника профкомпетенций и квалификаций, что значительно повышает его трудовую мобильность.

В России Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ впервые законодательно закреплено понятие непрерывного образования⁸. Министерством образования и науки РФ в 2015 г. разработана Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 г., которая предусматривает предоставление возможности всем гражданам на получение образования в течение всей жизни⁹. Согласно документу, непрерывное образование взрослых осуществляется через:

- формальное образование в учреждениях, оказывающих образовательные услуги;
- обучение по месту работы (стажировка, наставничество, тренинг, инструктаж, обмен опытом и т. д.);
- самообразование.

В 2016 г. прошли обучение, получили образование 7,9% работников сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства. По категориям персонала: среди специалистов – 11,5%, среди рабочих – 6,7%.

Более 90,0% работников почти всех возрастных категорий не испытывают потребности в обучении, получении новой специальности. Численность работников, прошедших обучение, получивших образование, по возрасту в сельском хозяйстве выглядит следующим образом: до 29 лет – 20,4%; 30–49 лет – 17,4%; 50–59 лет – 5,8%; старше 60 лет – 8,6%¹⁰. С возрастом люди становятся более инертны в вопросах переобучения. Можно предположить, что основными причинами отказа от непрерывного образования являются недопонимание работниками сферы его применения, а также нехватка средств для оплаты обучения.

В нашей стране система дополнительного профессионального образования выступает как часть системы непрерывного образования взрослых. Этот вид образования направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей личности в интеллектуальном, духовно-нравственном, профессиональном совершенствовании. Роль дополнительного профессионального образования заключается в осуществлении непрерывного образования руководителей, специалистов, рабочих кадров, повышении их социальной защищенности и экономической стабильности. К дополнительным профессиональным образовательным программам относятся программы профессиональной переподготовки и программы повышения квалификации.

В нашей стране количество участвующих в дополнительном профессиональном образовании в настоящее время не превышает 9,4%. Из общей численности работников списочного состава организаций дополнительное профессиональное образование в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве получили 2,5%, или 26 241 человек, из них 6,6% специалистов, 1,2% рабочих¹¹. Данные о реализации дополнительных профессиональных программ в разрезе возрастных категорий обучаемых выглядят следующим образом: до 29 лет – 5,8%; 30–49 лет – 5,5%; 50–59 лет – 1,8%; старше 60 лет – 3,5%.

Такая плачевная картина складывается, главным образом, из-за сокращения кадров в сельскохозяйственной отрасли. Значительное влияние оказывают слабая заинтересованность руководителей сельхозпредприятий в технологической модернизации, сокращение бюджетного финансирования, отток высококвалифицированных кадров.

В сельскохозяйственной отрасли 28,3% от общего количества обучающихся по дополнительным профессиональным программам прошли профессиональную переподготовку, цель которой – освоение компетенций, необходимых для выполнения качественно иного вида профессиональной работы, а также для приобретения новой квалификации. Программы повышения квалификации освоили около 74% работников от общего числа дополнительно обучающихся. Они направлены на совершенствование имеющихся или получение новых профкомпетенций, необходимых в процессе работы. Обучение за рубежом прошли 0,4% сотрудников.

Данные о реализации дополнительного профессионального образования для различных категорий персонала представлены на рис. 2.

Специалисты, повышающие свою квалификацию, составляют около половины всего контингента слушателей (46,4%). Целью их обучения является обновление имеющихся теоретических знаний, развитие практических навыков и умений. Около 30% – рабочие, совершенству-

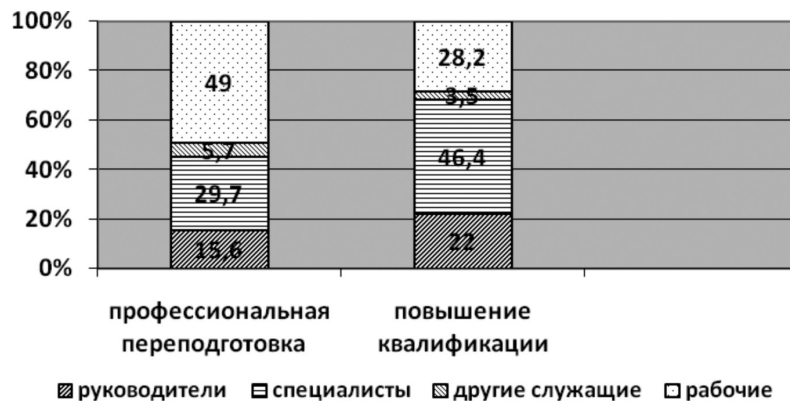

Рис. 2. Доля работников, получивших дополнительное профессиональное образование в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2016 г.

ющие свое мастерство. Для повышения их квалификации не реже 1 раза в пять лет в течение трудовой деятельности организуются курсы бригадиров, производственно-экономические курсы, курсы целевого назначения, школы передовых приемов и методов труда. Пятая часть – это руководители сельскохозяйственной отрасли.

Около половины слушателей по программам профессиональной переподготовки – представители рабочих специальностей. Цель их обучения – освоение компетенций для осуществления новой профессиональной деятельности, а также приобретения новой квалификации. Профессиональная переподготовка является для рабочих удобным, недорогим и довольно коротким по времени способом получения новой специальности, а также дополнительного образования. Доля специалистов среди обучающихся в учреждениях и на курсах профессиональной переподготовки достаточно велика – 29,7%, но заметно уступает программам повышения квалификации. На руководителей сельскохозяйственных предприятий приходится 15,6%.

Рассмотрим возрастную структуру обучающихся по программам дополнительного профессионального образования в сельскохозяйственной отрасли (рис. 3).

Во всех типах учреждений дополнительного образования обучаются сотрудники любых

возрастных категорий. Структура обучающихся по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации характеризуется наибольшей долей опытных сотрудников в возрасте 30–39 лет. Более четверти из числа получивших дополнительное образование по направлению организации или своими силами в 2016 г. составляли работники, находящиеся в расцвете физических сил (40–49 лет). Работники старшего возраста (50–59 лет), повышающие свою квалификацию либо проходящие профессиональную переподготовку, составляли пятую часть контингента. Самая многочисленная доля обучающихся – сотрудники старше 60 лет, что и неудивительно. Люди третьего возраста соглашаются более охотно заниматься на курсах, которые относятся к их увлечениям, хобби, позволяют расширить возможности общения. Обращает на себя внимание тот факт, что доля молодых сотрудников (до 29 лет), повышающих свою профессиональную квалификацию, достаточно невелика – 17,0%, но уступает курсам профессиональной переподготовки – 21,6%.

В сельском хозяйстве отсутствует заинтересованность руководителей организаций в непрерывном профессиональном образовании специалистов и представителей рабочих специальностей. Такая ситуация связана с неустойчивым финансовым положением многих

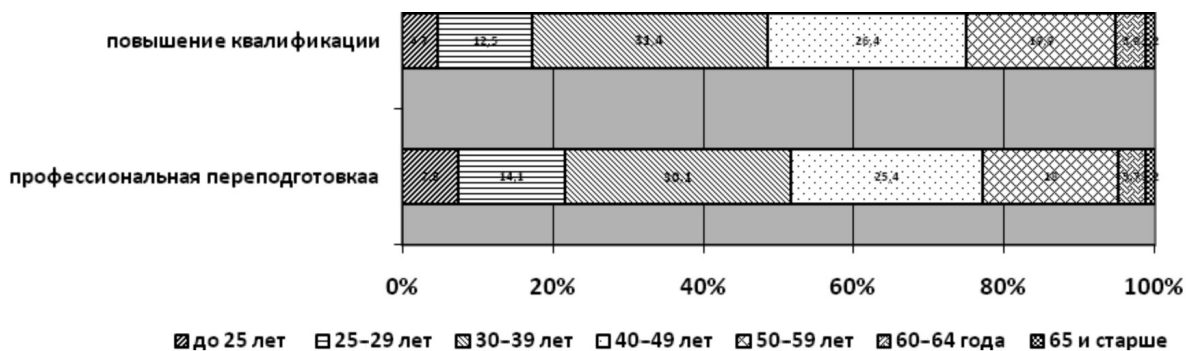

Рис. 3. Возрастная структура обучающихся по программам дополнительного профессионального образования в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2016 г.

сельхозтоваропроизводителей в современных социально-экономических условиях, слабым распространением инновационных технологий, требующих привлечения высокообразованных сотрудников, а также с нестабильностью государственного регулирования системы профессионального образования.

Развитие сельского хозяйства в современных экономических условиях выдвигает на первый план проблему обеспечения сотрудниками, обладающими высоким уровнем профкомпетенций. Именно профессиональная компетенция является ключевым фактором повышения конкурентоспособности работников. Однако решить вопрос обеспеченности сельского хозяйства компетентными сотрудниками только за счет развития системы непрерывного образования невозможно. Стратегия повышения профессиональных компетенций должна включать: улучшение качественных показателей работников; развитие системы материального и нематериального поощрения; создание эффективной системы господдержки приоритетных программ подготовки и переподготовки кадров в отрасли; финансирование мероприятий социального обеспечения работников; развитие внутрихозяйственного страхования.

Примечания

- ¹ См.: Нечаева И. В. Условия и факторы формирования предпринимательского потенциала сельского социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 28–33. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-28-33
- ² См.: Структура занятых в возрасте 15–72 лет по видам экономической деятельности // Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 49.
- ³ Рассчитано по : Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 56 ; Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018. С. 54.
- ⁴ См.: Бочарова Е. В. Условия поддержания социального потенциала работников старшего возраста в сельской местности // Региональные агросистемы : Экономика и социология. Ежегодник. Саратов : ИАГП РАН, 2014. № 3. URL: <http://www.iagran.ru> (дата обращения: 10.11.2017).
- ⁵ См.: Великий П. П., Бочарова Е. В. Созидательный потенциал старшей возрастной группы в сельском социуме // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1, ч. 2. С. 81. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-79-96
- ⁶ См.: Структура занятых по возрастным группам и видам экономической деятельности в 2017 году // Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018. С. 54–55.
- ⁷ См.: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Российский статистический ежегодник. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 147.
- ⁸ См.: Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁹ См.: Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095 (дата обращения: 12.11.2017).
- ¹⁰ См.: Повышение квалификации и профессиональная подготовка работников организаций в 2016 году : стат. бюлл. Т. 1 / Росстат. М., 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/bbd2da8043f81ba38a78cbd9211eac8 (дата обращения: 12.11.2017).
- ¹¹ Там же.

Образец для цитирования:

Бочарова Е. В. Непрерывное образование как фактор повышения профессиональной компетенции работников сельского хозяйства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 131–135. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-131-135>

Cite this article as:

Bocharova E. V. Continuous Education as a Factor of Agricultural Workers' Professional Competence Increase. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 131–135 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-131-135>

УДК 316.334.22–057.857

Профессиональное становление будущих специалистов в рамках вторичной занятости студентов

И. А. Бегинина, С. Г. Ивченков, Н. В. Шахматова

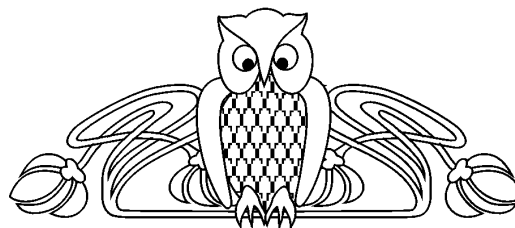
Бегинина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, begininaia@yandex.ru

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivchenkovsg@mail.ru

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

По результатам социологического исследования методом анкетирования и данным статистики анализируются динамика вторичной занятости студентов, род их деятельности, способы трудоустройства, стаж работы, доход и прочие характеристики. Акцентируется внимание на степени соответствия вторичной занятости будущей специальности студентов, особенно в ракурсе трудовых ценностей. В условиях экономического кризиса в адаптивных стратегиях студентов в большей степени проявляется желание найти работу, подавляющее большинство из них хотели бы подрабатывать, однако только каждому пятому удается реализовать свои профессиональные цели. Это во многом является следствием дефицита вакансий и низкого уровня заинтересованности работодателей. Они не готовы предоставить высокую заработную плату, хорошую должность, особенно по специальности, и гарантии по трудовому кодексу. Работающая часть студенческой молодежи в целом удовлетворена своей работой, их устраивают условия, предоставляемые работодателем, заработная плата, должностной статус, но большое количество респондентов задерживаются на определенном рабочем месте не более трех месяцев. Возможно, это обусловлено непостоянством взглядов и целей при выборе сферы трудовой деятельности. Наблюдается постепенный спад вторичной занятости студентов по сравнению с предыдущими годами. Увеличилась доля тех респондентов, которые не работают и не желают трудоустроиться, так как их обеспечивают родители. Они достаточно высоко оценивают материальное положение своей семьи и не считают необходимым зарабатывать деньги самим. Сегодня студенты рассматривают работу как средство достижения материальных ценностей и удовлетворения своих потребностей. Одной из главных ценностей они считают хорошее материальное благополучие и реализацию себя как личности, а это – свидетельство того, что прагматические ценности вышли на первый план, роль же профессионализма, творчества, известности постепенно утрачивается.

Ключевые слова: профессиональное становление студентов, вторичная занятость, трудовые ценности, способы трудоустройства студентов.

Professional Advancement of Future Experts in Terms of Secondary Employment

I. A. Beginina, S. G. Ivchenkov, N. V. Shahmatova

Irina A. Beginina, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, begininaia@yandex.ru

Sergey G. Ivchenkov, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivchenkovsg@mail.ru

Nadezhda V. Shakhmatova, <https://orcid.org/0000-0003-2413-1534>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

The dynamics of secondary employment of students, their occupations, ways of employment, work experience, income and other characteristics are analyzed by means of the sociological research based on questionnaire and statistics. The special emphasis is put on the extent of correspondence of secondary employment with students' future profession, labor values in particular. In the context of economic recession more students applying adaptive strategies tend to find a job, most of whom aspire to find a part time job. However, not everyone manages to achieve his/her professional goals. This is largely due to the vacancy shortfall and low employers' interest who are not able to provide high wages, good posts (especially in correspondence to professional education) and labor code insurance. In general, the working students are satisfied with their jobs, terms provided by employers, wages, job title. But many respondents occupy the exact same post for not more than three months. Perhaps it partly accounts for inconsistent views while choosing the area of occupation. A gradual decline in secondary education compared with previous years is observed. The percentage of those who do not work and do not want to be employed increased because of the parents who provide money for them. They view their financial status as being quite high and do not consider it necessary to work themselves. Nowadays students regard work as means of fulfilling material values and satisfying their own needs. They consider material welfare and personal fulfillment to be one of the key values. It proves the fact that pragmatic values come into forefront. The role of professionalism, creativity, popularity is gradually decreasing.

Keywords: professional advancement of students, secondary employment, labor values, ways of employment.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-136-140>

Молодежь – это особая социально-демографическая группа, обладающая присущими ей потребностями и интересами и занимающая специфическое место в воспроизводстве трудовых отношений. Именно она наиболее полно и

остро отражает проблемы в сфере экономики, политики, общественных отношений и уровень развития каждой из этих сфер, является энергичной, работоспособной, быстро обучаемой группой. Успешный старт на рынке труда – ключевое условие, которое определяет участие молодежи в жизни общества и ее влияние на общественное развитие. Этот старт способен заложить прочный фундамент для формирования личности и профессионального роста в дальнейшем, и, напротив, последствия неудач в начале трудовой деятельности могут быть самыми серьезными. Старт зависит, в первую очередь, от того, насколько правильно молодые люди смогли определиться с выбором профессии в период их профессионального становления, с выбором специальности для обучения в вузе.

Наличие работы у вторично занятых студентов является основной характеристикой, которая может отражать картину трудоустройства студентов г. Саратова. Социологическое исследование, выявляющее отношение студенчества к профессиональному становлению, было проведено в июле – сентябре 2013 г. В исследовании была использована квотно-районированная выборка по критерию обучения респондента в определенном вузе. В опросе участвовали 469 респондентов, из которых 32% – студенты Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 25% обучаются в Саратовском государственном техническом университете, 24% – в Саратовском государственном аграрном университете, 19% получают высшее образование в Саратовском государственном социально-экономическом институте (филиале) РЭУ имени Г. В. Плеханова.

Не имеют работы, но стремятся различными способами ее найти 63% студентов. Имеют постоянное место работы 19% от общего числа опрошенных. Не работают и не имеют желания ее искать 18% студентов. В 2007 году в г. Саратове количество работающих студентов равнялось 34%, что почти в два раза больше, чем в настоящее время. По данным социологов, число работающих студентов в период с 1995 по 2006 г. колеблется в пределах 40–45%¹. По данным Росстата, в июне 2010 г. лица моложе 25 лет составляли 27,8% от всех безработных. В среднем из россиян в возрасте 15–24 не имел работы примерно каждый шестой². Наблюдается постепенный спад вторичной занятости, на что, вероятнее всего, повлиял экономический кризис в стране, что поставило под удар в первую очередь не имеющих стажа и опыта работы студентов.

Данные исследования показали, что 57,0% студентов трудятся рабочими, 24,0% – специалистами, 16,0% – служащими и 3,0% имеют свой бизнес. Подавляющему большинству работающих студентов (более 50,0%) работу подсказали друзья. При помощи родителей, родственников нашли рабочее место 39,5% опрошенных, 5,3%

смогли трудоустроиться через объявление на улице, а 2,6% – через газетное объявление. Только 2,6% студентов смогли зарекомендовать себя на рабочем месте в период прохождения практики, после чего их приняли на постоянную должность. Это свидетельствует о том, что производственная практика студентов должна больше ориентироваться на рынок труда.

Использование эффективных источников информации при трудоустройстве увеличивает шансы нахождения высокооплачиваемой и интересной работы (таблица). Наиболее эффективным источником информации, по мнению студентов, являются личные связи, знакомства (78,6%), на втором месте – средства массовой информации (50,8%). Также популярностью пользуется и Интернет (39,7%). В службу занятости, кадровые агентства хотят обратиться 20,6% студентов. При помощи факультета, кафедры планируют искать работу 15,9% респондентов. Хотят посетить ярмарки вакансий, карьерные форумы 3,2% опрошенных. Затруднились с ответом 4,0% студентов.

Эффективные для студентов источники информации при поиске работы, % к ответам

Источники информации при поиске работы	%
Факультет, кафедра	15,9
СМИ	50,8
Интернет	39,7
Личные связи, знакомства	78,6
Служба занятости, кадровые агентства	20,6
Ярмарки вакансий, карьерные форумы	3,2
Затрудняюсь с ответом	4,0
Итого	212,7*

Примечание. * Сумма ответов не сводима к 100%, так как респондент мог предложить несколько вариантов ответа.

По сравнению с исследованием, проведенным московскими учеными в 2000 г., можно заметить, что в настоящее время частично утратили свое значение в нахождении работы для студентов специализированные государственные институты рынка труда. Помощь государственных структур по трудоустройству, молодежных, студенческих бирж труда, кадровых отделов вузов практически не оказывается современному студенту. Но возросла роль средств массовых коммуникаций, Интернета³.

Наличие у респондента работы по специальности говорит о правильности выбора факультета, на котором он обучается. Работа по специальности помогает ему приобрести практические навыки, которые облегчат понимание теоретических знаний. Однако данные исследования показывают, что большинство студентов (76,3%) реализовали себя совершенно в других областях,

никак не относящихся к получаемой ими специальности в вузе, и лишь 23,7% респондентов работают по специальности.

В ходе исследования был выявлен личный доход работающего студента в месяц. Так, 13,2% респондентов получают 1000–3000 рублей, 26,3% – 3001–5000 рублей. У 28,9% студентов личный доход составляет 5001–10 000 рублей, у 13,2% – 10 001–20 000. Зарабатывают 25 000–30 000 рублей в месяц 2,6% опрошенных. 15,8% не смогли ответить на данный вопрос. При этом от 1 часа до 5 работают 39% студентов, от 6 часов до 10 – большая часть респондентов – 56%, и свыше 11 часов – 5% от общего числа опрошенных.

Трудовой стаж является одной из характеристик, отражающих стратегические мотивы поиска и наличия работы. Однако у большинства респондентов стаж менее 3 месяцев (31,0%), что подчеркивает преобладание тактических мотивов – с целью заработка, и невысокую заинтересованность работодателей в трудоустройстве студентов в своей организации. 24,0% работают от 3 месяцев до полугодия; от полугодия до года – 21,0% студентов; более года – 24,0% опрошенных. При таких условиях работы полностью удовлетворены своим рабочим местом лишь 26,3% опрошенных. Скорее довольны, чем недовольны 34,2% респондентов. Затруднились с ответом 26,3%. Частично недовольны занимаемой должностью и условиями труда 2,6% и совсем не устраивает рабочее место 10,5% студентов.

Существуют определенные факторы, законы, положения Трудового кодекса, которые должны соблюдаться работодателем при найме на работу. Однако далеко не всегда это правило соблюдается. Наиболее часто работодатель оформляет трудовой договор с записью в трудовой книжке (68,6%). Полная официальная заработная плата с учетом всех налогов у 45,7% респондентов. Такое положение Трудового кодекса, как отпуск в полном объеме, соблюдается у 34,3% опрошенных. Оплата больничных листов производится у 25,7% работающих студентов. Работодатель предоставляет услуги по медицинскому страхованию и производит выплату отпускных в полном объеме и в установленный ТК срок 17,1% респондентов. Своевременно выплачивают зарплату 5,7% от общего числа опрошенных. Работают неофициально 5,7% студентов.

Таким образом, работающая часть студенческой молодежи в целом удовлетворена своей работой, довольна условиями, предоставляемыми работодателем, заработной платой, должностным статусом, но большое количество респондентов задерживаются на определенном рабочем месте не более трех месяцев. Возможно, это обусловлено непостоянством взглядов и целей при выборе сферы трудовой деятельности.

Самую большую часть опрошенных (63,0%) составляют неработающие студенты, которые

хотят найти работу, но по тем или иным причинам пока не смогли реализовать себя в трудовой сфере. Основным мотивом поиска работы является желание иметь свои собственные деньги (56,2%); 19,0% респондентов необходимо обеспечить себе средства для существования, а для 14,0% работа является основным способом реализации себя как личности. Для 9,9% опрошенных работа позволяет устанавливать контакты и налаживать связи, которые могут пригодиться в будущем, а 0,8% студентов приходится материально поддерживать родителей.

Наиболее важными для респондента причинами совмещения работы и учебы выступают: желание иметь свои личные деньги (52,4%), желание улучшить материальное положение своей семьи (44,9%), приобрести опыт по будущей специальности (39,5%). Рассматривают работу как способ собственной самореализации 37,8% респондентов, а 25,4% таким образом стремятся обрести независимость от родителей. Работа позволяет устанавливать контакты и налаживать связи, которые могут пригодиться в будущем, 25,4% студентов. Желание иметь, расширить свой круг общения при помощи трудоустройства есть у 17,8% респондентов. Необходимо обеспечить собственную семью 8,1% студентов, а платить за учебу – 6,5%. Хотят заработать необходимые деньги для оплаты жилья 5,4%, работать в свободное от занятий время – 0,5% опрошенных.

В отличие от уже работающих, многие незанятые студенты рассчитывают в будущем трудиться по специальности, что говорит о правильно сделанном выборе специализации в высшем учебном заведении (57,9%). Еще не определились с выбором будущей профессии 25,4% респондентов; 16,7% опрошенных категорически отказываются работать в своей сфере. Можно сделать вывод, что для современного студента основными мотивами поиска работы являются сиюминутные установки на получение дополнительных денег на карманные расходы или средств к существованию. И лишь 14,0% респондентов имеют стратегический мотив – стремление приобрести репутацию, стаж и опыт работы. Также многие еще не представляют, с какими трудностями им придется столкнуться, устраиваясь по специальности, так как лишь небольшое количество студентов смогло уже найти работу по своей специализации.

Не работают и не желают искать работу 18,0% от общего числа опрошенных. У подавляющего большинства респондентов есть возможность не спешить с работой, так как их обеспечивают (52,8%); 19,4% студентов решают другие, более важные вопросы; 8,3% хотят отдохнуть, набраться сил. Обладают пессимистичным взглядом на трудоустройство, считая, что все равно нет вакансий по своей специальности, 5,6% опрошенных. Не хотят устраиваться на ра-

боту, так как не желают совмещать ее с учебой; копят деньги, чтобы в будущем заняться своим делом; просто боятся искать работу – по 2,8% соответственно. Затруднились с ответом 5,6%. Данные исследования показывают, что у большинства студентов, не имеющих желания к поиску работы, нет необходимости устраиваться на нее, у них отсутствует мотив, поскольку уровень жизни достаточно высок.

Изучение синхронизации учебы и работы – важный момент вторичной занятости. Негативный характер влияния студенческой занятости на академическую успеваемость студентов является общепризнанным фактом и проявляется, прежде всего, в пропусках занятий и отсутствии возможности или желания активного участия в учебном процессе. Снижение дисциплинированности студентов пропорционально росту их занятости, что подтверждается данными других исследователей: «Посещаемость занятий заметно меняется в зависимости от наличия работы у студентов всех вузов и специальностей – те, кто занят на более или менее постоянной работе, в основном появляются в начале и конце семестра»⁴. По данным нашего исследования, 79,0% опрошенных не пропускают занятий, а 21,0% имеют неоднократные прогулы. Но при этом частота пропусков занятий из-за работы невысока: 1–3 пары в неделю пропускают 40,0% респондентов, 4–6 пар – 27,5%, 7–9 пар – 15,0% студентов, не ходят на занятия вообще 5,0% опрошенных, затруднились с ответом 12,5%.

Роль ценностных ориентаций в выборе жизненного пути, профессиональной и социальной ориентации очень высока. Все люди имеют различные ценности в жизни и вследствие этого ставят перед собой разные цели. Работа для одних является смыслом жизни, а для других – просто средством удовлетворения своих потребностей. Так, 52,0% респондентов рассматривают работу как способ заработка, а для 18,9% студентов – это реализация своих идей, творческого потенциала. Для 16,8% опрошенных работа является возможностью карьерного роста, а для 5,6% важно получение престижа посредством этого вида деятельности. Таким образом стремятся повысить свой социальный статус 6,5% респондентов. Рассматривают работу как способ заработка, возможность карьерного роста и получение при этом удовольствия 0,5% респондентов и столько же включают в понятие «работа» все вышеперечисленное.

При расчете среднего взвешенного значения жизненных ценностей было выявлено, что наибольшую ценность в жизни у студенческой молодежи составляют хорошее материальное благополучие (90,04) и самореализация себя как личности (89,76), что говорит о прагматическом взгляде на жизнь. На третьем месте по популярности – теплые, заботливые отношения с людьми (86,52), а на четвертом – физическая привле-

кательность, внешность (84,44). Также имеют значение уважение и помощь людям, отзывчивость (83,28) и высокое социальное положение в обществе (82,96). Гораздо ниже по популярности любовь к природе и бережное отношение к ней (75,4), эта ценность находится на седьмом месте. Практически не имеют значения в этой цепочке ценностей творчество (73,94) и известность, популярность (62,04). Несколько иные данные были выявлены в ходе опроса в Латвии. Основными критериями трудовой деятельности респондентов стали «возможность самореализации в труде» (60%), «поддержка и уважение других людей» (54%) – т. е. более половины рассматривают профессиональную трудовую деятельность как способ самореализации личности, а не только как средство заработка⁵.

Наличие ценности труда в жизни респондента отражает его отношение к будущей или уже имеющейся работе. Большинство студентов воспринимают труд как способность человека зарабатывать деньги и обеспечивать себя и рассматривают его как удовлетворение своих потребностей (39,8%). Это говорит о прагматическом взгляде на вещи, во главу угла студенты ставят материальные ценности. Труд как умственная и физическая деятельность, работа, требующая специальных навыков и сил, затрата времени и физическая нагрузка рассматривается 17,3% респондентов. По 11,0% опрошенных считают, что это определенный способ реализации себя как личности, при помощи труда можно достичь вершин успеха и совершить карьерный рост, а также что работа – это общественно полезная деятельность, направленная именно на благо своей страны и общества. Для 8,6% респондентов труд является смыслом жизни, без которого он не мог бы существовать и при реализации которого происходит самообразование. Зато 3,1% студентов рассматривают труд как тяжелую необходимость, а 1,6% – как способ уйти от скуки. Затруднились ответить на данный вопрос 4,7% от общего числа опрошенных.

Образование как социальный институт способствует интеграции и адаптации студента в общественную жизнь, достижению определенных целей. Однако в последнее время ценность образования не занимает лидирующих позиций в плане профессионального становления и самоопределения: 40,7% респондентов рассматривают образование как необходимое, но не главное условие успеха, для них важнее полезные связи, поддержка родителей, друзей, удача, лишь 32,8% рассматривают хорошее образование как главное условие успеха в жизни. Что образование желательное, но не обязательное условие успеха, что добиться успеха можно, не имея образования, считают 21,2% студентов. По мнению 2,6% респондентов, образование мешает добиваться успеха, успех приходит к тем, кто забывает о полученном образовании. 0,5% от общего числа опрошенных считают, что хорошее

образование необходимо, но чтобы добиться успеха, нужна дополнительная инициатива. Затруднились с ответом 2,1% студентов.

Иные данные приведены в работе М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги. В ходе исследования было выявлено: большинство молодых людей считают, что получить хорошую работу помогает в первую очередь наличие высокой квалификации и знаний (50,4%), и лишь второе требование – наличие связей и знакомств (39,7%). Причем отмечается тот факт, что в течение последних 15 лет значительно уменьшилась доля тех, кто считает важными для получения хорошей работы опору на связи и знакомства: с 62% в 1997 г. до 53% в 2007 г. и до 40% в 2009 г.⁶

Можно сделать вывод, что сегодняшние студенты обладают прагматическим мировоззрением. Они рассматривают работу, труд, образование с точки зрения выгоды для себя. При помощи работы они хотят добиться вершин успеха и обеспечить свою жизнь и жизнь своей семьи в материальном плане. Для них огромную роль играют хорошее материальное благополучие, а также реализация себя как личности. Однако гипотеза о том, что высшее образование является одним из главных факторов успеха, не подтвердилась – большинство респондентов считают, что важнее полезные связи, и только это поможет им в будущем трудоустроиться и добиться высокого социального положения.

Таким образом, эмпирическое исследование позволило выявить ряд особенностей, характерных для студенческой молодежи в ракурсе профессионального становления в регионе. В условиях экономического кризиса в адаптивных стратегиях респондентов в большей степени проявляется желание найти работу, подавляющее число студентов высших учебных заведений хотели бы подрабатывать, однако только каждому пятому удается реализовать свои профессио-

нальные цели – 19% от общего числа опрошенных смогли устроиться. Это во многом является следствием дефицита вакансий и низкого уровня заинтересованности работодателей. Они не готовы предоставить высокую заработную плату, хорошую должность, особенно по специальности, и гарантии по Трудовому кодексу. Наблюдается постепенный спад вторичной занятости студентов по сравнению с предыдущими годами. Но увеличилась доля респондентов, которые не работают и не желают трудоустроиться, так как их обеспечивают. Они достаточно высоко оценивают материальное положение своей семьи и не считают необходимым зарабатывать деньги самим. Сегодня студенты рассматривают работу как средство достижения материальных ценностей и удовлетворения своих потребностей. Одной из главных ценностей они считают хорошее материальное благополучие и реализацию себя как личности, что говорит о том, что прагматические ценности вышли на первый план, а роль профессионализма, творчества, известности постепенно утрачивается.

Примечания

- 1 См.: Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социс. 2008. № 8. С. 107.
- 2 См.: Глобальные тенденции молодежного рынка труда – 2010 : МОТ от 15 августа 2010 г. // Ведомости. 2010. С. 12.
- 3 См.: Ворона М. А. Указ. соч. С. 111.
- 4 Герчиков В. И. Феномен работающего студента вуза // Социс. 1999. № 8. С. 35.
- 5 См.: Воронов В. В. Экономическое сознание и ценностные ориентации выпускников вузов Латгалии // Социс. 2010. № 2. С. 66.
- 6 См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Е. Молодежь России : социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. С. 169.

Образец для цитирования:

Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Профессиональное становление будущих специалистов в рамках вторичной занятости студентов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 136–140. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-136-140>

Cite this article as:

Beginina I. A., Ivchenkov S. G., Shahmatova N. V. Professional Advancement of Future Experts in Terms of Secondary Employment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 136–140 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-136-140>

УДК [316.334]

Трудовые ценности иностранного предприятия как фактор выбора в стратегии занятости молодых рабочих

Н. Ю. Кремнева

Кремнева Наталья Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии, Ульяновский государственный университет, kremneva_n@inbox.ru

В центре статьи – результаты качественного исследования молодых рабочих Ульяновска, проведенного в 2017–2018 гг. На их примере показываются особенности восприятия молодежью работы на иностранном предприятии. Проводится анализ практик управления персоналом в разрезе ценностей традиционной российской производственной культуры. Выделяются такие аспекты привлекательности иностранного предприятия, как стабильность, партнерство, личная свобода и прагматизм. В статье оспаривается взгляд на иностранные предприятия как на образец инновационной культуры, принципиально отличной от ценностей традиционной российской производственной культуры.

Ключевые слова: молодежь, рабочие, трудовые ценности, производственная культура.

Labor Values of a Foreign Enterprise as a Factor of Choice in Young Workers Employment Strategies

N. Yu. Kremneva

Natalia Yu. Kremneva, <https://orcid.org/0000-0003-0111-4459>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, kremneva_n@inbox.ru

This article focuses on the results of young workers qualitative research, which was carried out in 2017–2018 in Ulyanovsk. The differences in the young workers' perception of work at the foreign enterprise are shown. The analysis of human resource management practices in the context of the values of traditional Russian production culture was undertaken. Stability, partnership, personal freedom and pragmatism are highlighted as aspects of the attractiveness of a foreign enterprise. This article contested the way of looking at foreign enterprise as an example of innovative culture which is fundamentally different from the values of traditional Russian production culture.

Keywords: youth, workers, labor values, production culture.

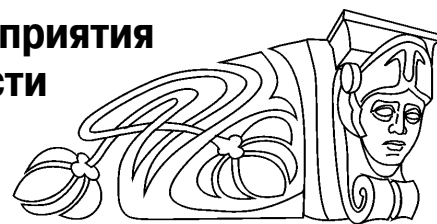
DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-141-146>

Что ищет он в стране далекой?

Что кинул он в краю родном?

«Парус». М. Ю. Лермонтов

С 2009 г. в Ульяновске формируется особая экономическая зона, направленная на реформирование экономики региона, в том числе через привлечение иностранных инвесторов. На территории города открыли свои производства «Эфес», «Марс», «Шеффлер», «Бриджстоун» и

другие иностранные компании, которые сегодня ассоциируются в первую очередь с инновационным развитием региона. Эти предприятия демонстрируют принципиально иную, отличную от традиционной российской, бизнес-культуру, которую принято называть инновационной.

Обсуждение традиционного и инновационного в трудовой культуре российских предприятий имеет свою историю¹. В общем смысле под инновационной культурой понимается система принятых в компании норм и ценностей, обеспечивающая высокий уровень восприятия, инициации и реализации инноваций. Ценности дисциплины, ответственности и стабильности чаще рассматриваются как консервирующие качества предприятия, свойственные традиционной трудовой культуре. А новаторство, инициативность, творческие наклонности определяются в качестве основы инновационной культуры. Более широкий набор инновационных ценностей предполагает свободу труда и ориентацию на предпринимательство, риск, мобильность занятости и вторичную занятость, партнерство с руководством и ценности контракта, индивидуализм в труде и ценности конкуренции и личной выгоды². Однако среди отечественных исследователей по-прежнему распространено мнение, что для рабочей молодежи не характерны такие базовые ценности инновационной экономики, как ориентация на успех и достижения в работе³.

Отличительной чертой новых для региона иностранных предприятий является их ориентированность на привлечение и закрепление молодых кадров, способных обеспечить компаниям стратегические задачи развития. Поэтому появление принципиально новых предприятий, построенных «с нуля», демонстрирующих не только новые корпуса и технологии, но и иную работу с персоналом, стало своеобразным вызовом для местного рынка труда. В первую очередь, речь идет о количественных показателях (дефицит области в квалифицированных рабочих оценивается в 4 тысячи человек⁴). Но не менее важным аспектом готовности рынка труда являются качественные характеристики рабочей силы, которые затрагивают не только квалификацию, но и мотивационный потенциал, трудовые ценности молодых работников.

Сегодня популярными инструментами социальной политики промышленных предприятий, ориентированных на молодежь, являются

адаптационные программы, повышение квалификации и образования, карьерные механизмы, социальная поддержка, включенность в инновации и развитие компании⁵. Но корпоративная работа может быть результативной только при условии соответствующей мотивации трудовых ресурсов, готовности самих молодых рабочих к предлагаемым условиям и характеру труда. В связи с этим встает вопрос об инновационной мотивации работников, которую принято интерпретировать как устойчивое преобладание желания позитивных изменений во всех сферах жизнедеятельности над желанием сохранения стабильности, как готовность принятия вызовов и перемен и осознание издержек этого процесса.

Целью статьи является обсуждение привлекательности иностранных предприятий как образцов инновационной культуры для молодых рабочих региона, их ориентированности на трудоустройство в эти компании через оценку соответствия трудовых ценностей рабочих и предлагаемой производственной культуры компаний.

Что же привлекает молодежь в работе на иностранных предприятиях, какие трудовые ценности, декларируемые менеджментом, находят отклик у молодых рабочих? И как ценности этих предприятий воспринимаются молодыми рабочими провинции?

Представляется, что ответы на эти вопросы лежат не только в плоскости дихотомии традиционная/инновационная культура. Когда речь идет о производственной культуре низовых уровней работников, невозможно игнорировать национальные особенности трудовой культуры. Поэтому интерпретация качественных данных исследования проводилась в логике измерений деловой культуры по методике Г. Хофстеда⁶: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности, мужественность/женственность, долгосрочная/краткосрочная ориентация. В отечественной социологии реализовано несколько прикладных количественных исследований национальных особенностей культуры российских предприятий по этой методике (А. И. Наумов⁷, В. А. Пушных⁸, Е. Данилова⁹). Нами предпринята попытка соотнести восприятие ценностей иностранных компаний молодыми рабочими Ульяновска с типичными признаками российской производственной культуры, выявленными другими исследованиями. Такая логика анализа позволит получить представление, насколько специфична производственная культура иностранных предприятий в провинции по сравнению с традиционной российской и соответствуют ли практики менеджмента персонала этих предприятий ценностям инновационной культуры. Для задач нашего анализа валидными являются данные, полученные на базе четырех машиностроительных предприятий¹⁰.

Статья базируется на результатах проекта «Повседневная культура рабочей молодежи в

стратегиях жизни и занятости», направленного на выявление особенностей культурной интернализации молодежью рабочего труда и рабочих профессий. Среди задач исследования – изучение ценностей и норм культуры рабочей молодежи, определение векторов ее направленности, в том числе в разрезе традиционных/инновационных характеристик. Исследование носило качественный характер. Была реализована серия глубинных интервью с молодыми рабочими различных предприятий Ульяновска, разных специальностей, в возрасте от 18 до 30 лет, а также полуструктурированных экспертных интервью с представителями HR-служб предприятий и руководителями региональных министерств, центров и агентств, курирующих экономическое развитие региона. В данной статье привлечены к анализу интервью с рабочими промышленных предприятий города разных сфер производства, как традиционных, так и инновационных. Выделение последних – отдельная методологическая задача. Региональные эксперты чертами инновационных предприятий называют способность быстрой «перенастройки» технологий работы под новые задачи. Причем подчеркивается, что инновации могут охватывать отдельные направления, участки деятельности компаний, и не обязательно это вопрос производственных инноваций. В качестве примера могут быть рассмотрены практики работы с персоналом на иностранных предприятиях региона. Именно это направление деятельности имеет выраженную специфику на так называемых инновационных предприятиях региона по сравнению с традиционными предприятиями.

Итак, какие требования к работнику декларирует менеджмент иностранных предприятий и как молодые рабочие воспринимают их.

Партнерство: «мне говорят спасибо за работу». Низкий уровень индекса «дистанция власти», характерный для российской производственной культуры, интерпретируется как баланс жестких методов менеджмента и необходимости уважения к работникам, который выражается в диалоге, объяснении управленческих решений, поддержке инициативы снизу, соблюдении норм партнерства¹¹.

Для молодых рабочих данный аспект трудовой ситуации является крайне чувствительным. На бывших советских предприятиях не приживаются те, кто не готов мириться с «заводской» культурой, построенной на ненормативной лексике и панибратстве: *...я оттуда убежала прям, потому что мат... ни спасибо, ни до свидания, ни здравствуйте, там между собой вот этот мат слушаешь, это не очень приятно... Там если подойдешь, спросишь, а тебе: эй, отвали, мне некогда (жен., 30 лет).* Запрос на иной культурный контекст трудовой деятельности находит свое удовлетворение на иностранных промышленных предприятиях, где ценность партнерства

проявляется в том числе и в культуре общения как между рабочими, так и между рабочими и руководителями. Формирование партнерской среды – важная демонстрация производственной культуры иностранных предприятий. Короткая дистанция с руководством, его физическая и символическая доступность, наглядность уважительного отношения к работникам со стороны начальства, обращение на «ты» – все это маркеры привлекательной для молодежи рабочей среды: *Даже с Москвы приезжает высшее руководство, можно с ними подойти, поздороваться, сказать: «Как дела у тебя, друг?». Он скажет: «Все отлично»* (муж., 30 лет). Особое значение участники исследования придавали моральному поощрению работников: *...мне постоянно говорят спасибо за работу* (жен., 29 лет). Ценность партнерства выражается не только в культуре общения, но и в активном включении рядовых рабочих в обсуждение и решение производственных проблем, в стимулировании инициативности рабочих на местах. Для этого на предприятиях выработаны механизмы стимулирования, оценки, реализации инициатив «снизу»: *За какие-то предложения, повышения эффективности, что-то еще новаторское постоянно предлагают* (жен., 29 лет). В то же время надо отметить, что установка на партнерство уравновешивается высокими требованиями к самоорганизации, самодисциплине, личной ответственности и исполнительности каждого на своем рабочем месте: *...мы хотим, чтобы люди были сами по себе, по большому счету, и каждый мог себя организовать* (руководитель HR-службы предприятия). То есть дисциплина декларируется как признак уважения партнерского соглашения между компанией и работниками, как необходимое условие баланса интересов в традициях классической школы управления. Для молодых рабочих атмосфера соучастия и диалога, с одной стороны, является признаком прогрессивности производства, а с другой, важным условием комфортности рабочей среды. Таким образом, HR-менеджмент иностранных предприятий предлагает рабочим систему управления, построенную на неформальных отношениях при сохранении сильного авторитета формальной власти, что в целом соответствует признакам традиционной производственной культуры в России.

Прагматизм: «Ты мне – я тебе». Средние показатели индекса «индивидуализм/коллективизм» говорят о стремлении к балансу частных и общих интересов в трудовом процессе¹². Проведенные интервью подтверждают эти выводы и показывают, что включенность молодых рабочих в общекорпоративные задачи базируется на удовлетворении личных потребностей в профессиональном и карьерном росте.

В частности, ориентированность молодых рабочих на взаимную выгоду с компанией проявляется в претензиях к подбору кадров на тра-

диционных предприятиях – не берут без опыта: *Я не знаю, где этот опыт брать, если вы не берете на работу. Вы возьмите человека, вы его обучайте... и все – человек научится* (муж., 29 лет). Сегодня для молодежи важно, чтобы предприятие открывало вакансии стажеров и готовило работника к требованиям рабочего места самостоятельно, чем и занимаются иностранные предприятия региона. Сначала компания вкладывает в работника, а затем ожидает (и получает) от него отдачу по принципу «ты мне – я тебе». Таким образом демонстрируется ценность прагматизма в отношениях компании и работника. Кроме того, такая практика найма рабочих привлекает молодежь, готовую учиться с нуля, переучиваться, не боящуюся осваивать новое. То есть иностранные предприятия, реализуя такой подход к комплектованию кадров, отбирают молодежь, потенциально обладающую той самой инновационной трудовой мотивацией.

В целом программы профессионального и служебного развития, реализуемые на иностранных предприятиях, являются хорошей демонстрацией баланса корпоративных и личных интересов работников. Именно непрозрачность карьерных перспектив, распространенность неформальных отношений в управлении персоналом оказывается неприемлемым условием работы на традиционных предприятиях региона. Рабочие, ориентированные на карьеру, хотят видеть пути и способы роста и не готовы работать на предприятиях, не имеющих ясно выраженных карьерных механизмов: *На государственном предприятии тяжело. Там на руководящие должности обычно своих берут... ушла, потому что дальнейшего развития никакого нет... вообще ужас какой-то* (жен., 29 лет). Системы развития персонала на иностранных предприятиях, включающие повышение квалификации, тренинги, стимулирование инициативы, внутрифирменную мобильность, работают не только на решение корпоративных задач. В конечном итоге инвестиции компании в профессиональное развитие персонала повышают рыночную стоимость рабочих, что сегодня прекрасно осознается и ценится молодежью, готовой активно выходить на рынок труда и искать лучшие условия: *...оно [предприятие] тебя еще и развивает... тебя стараются постоянно обучать, повышать твою квалификацию и, так сказать, твою цену на рынке оно повышает* (муж., 30 лет). Ценность взаимовыгодных отношений с работодателем лежит в основе прагматической лояльности молодых рабочих своему предприятию: компания создает условия для развития работника, работник вкладывается в развитие компании.

Данная система отношений «предприятие – рабочий» повышает самооценку, степень свободы выбора на рынке труда, а значит, обеспечивает чувство автономности работника, что соответствует потребностям современной молодежи,

для которой сегодня важно чувствовать свою причастность к большому делу и в то же время сохранять свою независимость.

Баланс личной жизни и работы. Низкие показатели индекса «мужественность/женственность» характеризуют российскую производственную культуру как ориентированную на процесс и патернализм¹³. Установка «работа ради жизни» в полной мере соответствует ожиданиям молодых рабочих от работодателя. Красной нитью в интервью с рабочими иностранных предприятий проходит тема заботы компании о персонале. Безусловно, такие аспекты, как бесплатный транспорт, бесплатные обеды, дополнительное медицинское страхование, компенсации на занятия спортом, ценятся персоналом очень высоко. Такой невиданный для провинции социальный пакет выступает мощным стимулом корпоративной лояльности в лучших советских традициях.

Также на первый план выходят вопросы качества трудового процесса, условий и организации труда, гигиены и безопасности производства. Современный молодой рабочий предъявляет достаточно высокие требования к приемлемому уровню «комфорта» на рабочем месте: *Там [на традиционных предприятиях] формы нет, ходишь в своем, та же гигиена, безопасность, никто не контролирует ничего, нет никаких правил, инструкций* (жен., 29 лет). Молодежь не готова мириться с отсутствием элементарных, по ее представлениям, кондиций рабочего места. Принимая свой статус «синих воротничков», молодые рабочие не хотят быть «грязными» воротничками. А на иностранном предприятии *так чисто, ... нигде такой чистоты, конечно, нет, что все в белой форме. Обычно все грязные, а здесь нет* (жен., 29 лет).

Особое внимание рабочие уделяют высоким требованиям к безопасности производственного процесса, культивируемым менеджментом иностранных предприятий. Контроль безопасности воспринимается рабочими как важное преимущество перед традиционными промышленными предприятиями региона, поскольку она интерпретируется как проявление заботы компании о жизни и здоровье персонала, а значит, обеспечивает их будущее: *У нас каждый день чистая форма... Средства индивидуальной защиты каждый день выдаются... То есть с точки зрения именно заботы о сотрудниках, с точки зрения безопасности очень большой* (муж., 30 лет). Можно сказать, что жесткий контроль за соблюдением техники безопасности, бытовыми и санитарными условиями труда выступает одним из пунктов партнерского соглашения между компанией и рабочими: *Здесь ты нарушишь, то тебя уволят сразу* (муж., 24 года).

Сменный график работы, который предлагают иностранные предприятия, удовлетворяет потребности молодых рабочих в балансе тру-

дового и свободного времени: *Я пятидневку не люблю, при графике «2 через 2» больше свободного времени* (муж., 24 года). Отсутствие привязки жизни к традиционным будням и выходным дает молодежи дополнительную степень свободы, возможность гибко распоряжаться своим временем, планировать свою внеурочную занятость и досуг. Такой график работы формирует более динамичный стиль жизни, позволяющий быть социально активнее, больше успевать, и в конечном итоге это способствует поддержанию чувства личной свободы: *Это гораздо удобнее, чем пятидневка. В пятидневку невозможно какие-то дела сделать, в плане в банк сходить там, какую-то заявку оформить, в тот же самый ЖКО, еще что-то. Все же не работает... И вот в этом плане сменный график очень удобен* (муж., 30 лет).

Таким образом, молодые рабочие провинции ориентированы на ценности «женственной» культуры, которую успешно культивируют иностранные предприятия.

Стабильность в движении. Российская производственная культура ориентирована на определенность. Высокий показатель индекса «избежание неопределенности» говорит о стремлении работников к безопасности и спокойствию на рабочем месте, потребности в правилах и сопротивлении новациям и нестандартным решениям¹⁴.

Результаты нашего исследования показывают, что ценность стабильности в трудовом поведении молодых рабочих осознается и поддерживается менеджментом иностранных компаний. По словам руководителя HR-службы предприятия, *идут за стабильностью соискатели... хотят стабильную работу, стабильную зарплату, работодателя с нормальным именем... хочется в хорошей компании работать... Люди говорят про стабильность, про белую зарплату и там дальше уже где-то после этого возможность развития, карьерного роста. То есть стабильность, зарплата, карьерный рост. Более того, при найме работников на иностранные предприятия одним из важных критериев отбора является как раз стабильность занятости кандидата как гарантия его надежности: Если он каждые три-четыре месяца меняет работу, мы, наверно, человека по анкете точно не будем приглашать к себе, все-таки важно, чтобы понятно было, что человек держится за работу, он при первой возможности не прыгает с места на место. То есть уже на входе компании отбирают работников, заинтересованных в постоянном месте работы с перспективой развития на одном месте, а значит, разделяющих ценность стабильности. Как интерпретируют эту ценность сами молодые рабочие, в каких аспектах деятельности предприятия она для них проявляется?*

Важным индикатором стабильности для молодежи является наличие определенности в

организации рабочего процесса и пространства, которая достигается жестким контролем дисциплины и исполнительности. В интервью молодые рабочие отмечают, что чувствуют себя более спокойно в условиях четких правил, инструкций, стандартов деятельности, регламентирующих их трудовую ситуацию. Поэтому позитивно воспринимают обязательность системы обучения, контроля и даже экзаменов, необходимых для занятия той или иной рабочей позиции: *Если я перехожу на новую должность, нужны какие-то специальные навыки, организуют обучение. То есть я перешла на склад, меня сразу записали на тренинги, курсы по вождению погрузчика, потом экзамен, все как положено* (жен., 29 лет). Однако стабильность обеспечивается не только средствами менеджерского контроля, но и декларацией требований к личной ответственности и дисциплине как основе партнерского соглашения между компанией и работником. Данные исследования позволяют говорить об интериоризации молодыми рабочими корпоративных представлений об условиях стабильности.

Еженедельный режим выплаты заработной платы, принятый на иностранных предприятиях, выступает еще одной демонстрацией ценности стабильности. Регулярное поступление денежных средств становится для рабочих залогом гарантии их финансового благополучия (причем независимо от размера заработной платы), поскольку позволяет планировать личные и семейные бюджеты, а значит, снижает финансовые риски: *У нас каждый четверг зарплата приходит. Я знаю, что вечером определенная сумма у меня всегда будет... то есть всегда есть такая стабильность, уверенность, что у тебя эта сумма в четверг будет, и ты уже свои расходы рассчитываешь* (жен., 30 лет). Эта практика еженедельных выплат молодежью воспринимается как удобное средство контроля расходов, поскольку обеспечивает плановые платежи по кредитам и ипотеке, что является для большинства важнейшими задачами развития на данном этапе жизни.

В то же время условием «договора» между рабочими и предприятием, гарантирующим стабильность, являются высокие требования компании к мотивации работников: *Желание расти дальше, неудовлетворенность текущим статусом кво, да, желание что-то изменить, свою жизнь улучшить, если это в человеке есть... этот человек нам интересен. И это один из скажем так, критериев отбора* (руководитель HR-службы предприятия). Таким образом, менеджмент иностранных предприятий декларирует инновационную мотивацию в качестве важнейшего требования к молодым рабочим, что существенно трансформирует ценность стабильности в традиционной производственной культуре. Инновационность трудового поведения рабочих интерпретируется здесь как мера,

стабилизирующая развитие предприятия. Иностранные предприятия предлагают стабильность не как неизменность рабочего места на годы вперед, а как гарантию работы в компании при условии готовности человека к постоянному изменению и развитию своего рабочего места. И молодежь с готовностью откликается на такие условия стабильности. Такая стабильность привлекает, поскольку она хорошо сочетается с потребностью молодежи в движении и развитии: *В течение пяти лет, наверное, не было ни одной смены, ни одного дня, чтобы я чего-то нового не узнал. Ну, может быть, один, когда было капец как скучно... когда ты выполняешь одну и ту же работу каждый день, это скучно и работа надо-едать начинает. Нужно для себя искать какие-то вызовы, какие-то проблемы искать, искать решение этих проблем* (муж., 30 лет). Молодежь испытывает насущную потребность в новизне во всех сферах жизнедеятельности (отношения, потребление, досуг), трудовая сфера не является исключением. Новые знания и навыки, новые рабочие позиции, новые задачи – все это вызов и драйв, которые столь необходимы сегодня для разрушения стереотипов о рабочих профессиях, снижающих их социальный статус. Внутрифирменная мобильность с одного рабочего места на другое, командировки на другие предприятия компании, стажировки в разных подразделениях – все это удовлетворяет потребность молодежи в движении: *...меня все устраивает. Я не на одном месте сижу, у меня четвертая должность. Нет необходимости искать другую работу... За семь лет я ездила, наверное, раз семь. И тренинги были какие-то специальные, и командировки* (жен., 29 лет). Иностранные компании создают среду профессионального и карьерного развития, в которой молодежь видит свое будущее на 5–10 и более лет вперед. В условиях глобально низкого горизонта планирования это залог стабильности и компании, и персонала. В интервью рабочие говорили, что готовы всю жизнь работать на одном предприятии, пока ясно видят свою перспективу. И компании эту перспективу показывают на конкретных примерах карьерного роста работников на основе индивидуальных усилий: *Все начальники участков, которые есть на фабрике, они выросли из операторов, то есть никто к нам не пришел извне, мы их сами выращиваем на заводе... мы на это нацелены, чтобы ведущих специалистов, руководителей выращивать самим* (руководитель HR-службы предприятия).

Подводя итог, следует отметить, что исследование носило качественный характер, поэтому не претендует на обобщающие выводы, однако дает представление о типе корпоративной культуры иностранных предприятий в провинции и о ее восприятии молодыми рабочими. Результаты исследования в целом подтверждают, что для молодой рабочей провинции характер-

ны типичные для российской производственной культуры трудовые установки и ценности. И поскольку иностранные промышленные предприятия в российской провинции удовлетворяют таким ожиданиям работников, можно утверждать, что в своей системе менеджмента персонала они не предлагают рынку принципиально новых трудовых ценностей, а воспроизводят черты традиционной трудовой культуры. В то же время HR-менеджмент иностранных предприятий пытается встраивать ценности инновационной культуры в систему базовой производственной культуры. Например, идеи новаторства и инициативы как качества инновационной культуры здесь работают в поддержку ценностей прагматизма и партнерства. Профессиональное развитие, мобильность и личная свобода поддерживают ценности стабильности и баланса интересов. Таким образом, компаниям удается соответствовать современным признакам инновационности и в то же время сохранять базовые ценности российской производственной культуры.

Кроме того, адаптация системы управления персоналом к ценностям молодежи позволяет иностранным компаниям привлекать наиболее активных молодых рабочих на эти предприятия. Здесь им предлагается набор средств и механизмов стимулирования труда, позволяющий удовлетворять требованиям молодежи к рабочему месту и связанному с ним статусу. Инновационность иностранных промышленных предприятий в управлении персоналом есть фактически соответствие современным запросам молодых рабочих, ориентированных на стабильность, партнерство, личную свободу и прагматизм. В этом состоит привлекательность производственной культуры иностранного предприятия как специфического работодателя для местного рынка труда.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00716-ОГН18 «Повседневная культура рабочей молодежи в стратегиях жизни и занятости»).

Автор благодарит коллектив Научно-исследовательского Центра «Регион» за собранный эмпирический материал и конструктивное обсуждение темы статьи.

Примечания

- 1 См.: *Кремнева Н. Ю.* Инновации и традиции в корпоративной культуре перспективных российских предприятий // Практики управления персоналом на современных российских предприятиях / под ред. В. И. Кабашиной. М. : ИСИТО, 2005. С. 158–177.
- 2 См.: *Темницкий А. Л.* Традиционные и инновационные практики в трудовой культуре российских рабочих // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008. С. 132–195.
- 3 См.: *Бессокирная Г. П.* Трудовая этика и трудовое поведение рабочей молодежи // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 113–118.
- 4 См.: Отчет о реализации стратегии развития трудовых ресурсов в соответствии с потребностями социально-экономического развития Ульяновской области на период до 2030 года (за 2017 год). Ульяновск : Агентство по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области, 2018.
- 5 См.: *Чеглакова Л. М.* Корпоративная социальная политика промышленных предприятий в отношении молодежи : результаты кейс-стади // Трудовые отношения : состояние и тенденции развития в России : сб. науч. ст. / отв. ред. В. А. Ядов. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2013. С. 236–246.
- 6 См.: *Hofstede G.* Culture's consequences : international differences in workrelated values. Beverly Hills : Sage Publications, 1980.
- 7 См.: *Наумов А. И.* Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3. С. 70–104.
- 8 См.: *Пушных В. А., Струкова О. С.* Деловая культура России : измерение по Г. Хофстиду // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 2. 2004. С. 71–78.
- 9 См.: *Данилова Е., Тарарухина М.* Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2003. № 3 (65). С. 53–64.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.

Образец для цитирования:

Кремнева Н. Ю. Трудовые ценности иностранного предприятия как фактор выбора в стратегии занятости молодых рабочих // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-141-146>

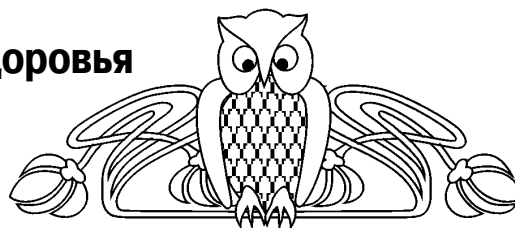
Cite this article as:

Kremneva N. Yu. Labor Values of a Foreign Enterprise as a Factor of Choice in Young Workers Employment Strategies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 141–146 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-141-146>

УДК 316:61

Социальные аспекты поддержки здоровья населения на региональном уровне (на примере Саратовской области)

Е. Е. Немерюк, Л. С. Аникин

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельсского муниципального района, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельсского муниципального района, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anikinls@rambler.ru

В статье рассматриваются основные современные тенденции здоровья населения и его социальная поддержка в Саратовской области. Обращается внимание на то, что особую значимость приобретают вопросы изучения региональных показателей здоровья, которые должны лежать в основе планирования приоритетных для данного субъекта Федерации мероприятий в сфере здравоохранения и поддержки здоровья населения.

Ключевые слова: здоровье, профилактика, заболевания, качество жизни, здравоохранение, медицинская помощь.

Social Aspects of Health Support at The Regional Level (The Example of the Saratov Region)

E. E. Nemeryuk, L. S. Anikin

Evgeniya E. Nemeryuk, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Leonid S. Anikin, <https://orcid.org/0000-0002-3787-011X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, anikinls@rambler.ru

The article discusses the main current trends in the population health and its social support in Saratov region. The attention is drawn to the issues of studying regional health indicators, which should be the basis for the priority activities planning in the field of health and public health support for this Federation subject, being the matters of particular importance.

Keywords: health, prevention, diseases, quality of life, health care, medical care.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-147-151>

Острый демографический кризис в России, сопровождающийся негативными тенденциями в состоянии здоровья населения, определяет особое внимание государства к состоянию здоровья граждан. На сегодняшний день обеспечение здо-

ровья нации является актуальной темой политического дискурса как в Российской Федерации, так и за рубежом. Интересы национальной безопасности России диктуют необходимость сокращения прямых и косвенных потерь общества за счет снижения заболеваемости, инвалидности, смертности, прежде всего в трудоспособном возрасте. В связи с этим здоровье населения должно быть признано высшим приоритетом государства.

Согласно данным инициативного общероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник»¹, проведенного в апреле 2017 г., хорошим состоянием здоровья на сегодняшний день может похвастаться только треть взрослого населения России. В опросе принимали участие россияне в возрасте от 18 лет. Каждый второй респондент охарактеризовал свое здоровье как удовлетворительное, 15% – как слабое.

Самоощущения людей заметно меняются в кризисные периоды. Ситуация с экономикой страны, с личными доходами, с текущим состоянием системы здравоохранения привела к тому, что страх россиян получить серьезные проблемы со здоровьем заметно усиливается. Доля наших соотечественников, считающих себя здоровыми, уменьшилась. Связано это с настроением в обществе в целом, с финансовыми затруднениями, негативно сказывающимися на возможности проходить лечение, отдыхать и покупать лекарства, с доступностью и качеством медицины. На состоянии здоровья отражаются, в первую очередь, необходимость слишком много работать, повышенный уровень тревоги, нехватка средств на лечение и предупреждение болезней. Причем если денежные трудности на протяжении последних лет не входили в ряд наиболее значимых причин, то в 2017 г. этот фактор впервые фигурирует в тройке лидеров.

Выросла заболеваемость по следующим классам: болезни крови, кровяных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм; болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ; врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения; новообразования; болезни органов дыхания; болезни системы кровообращения; некоторые инфекционные и паразитарные болезни.

Категория пациентов, употребляющих наркотики инъекционным способом, является груп-

пой риска распространения ВИЧ-инфекции и других парентеральных инфекций. Несмотря на неуклонное снижение обращаемости потребителей инъекционных наркотиков в наркологические учреждения, уровень ВИЧ-инфекции среди зарегистрированных потребителей инъекционных наркотиков растет.

Качество жизни человека зависит от его здоровья, от образа жизни, который он ведет. Здоровый человек в полной мере способен реализовывать свои планы, справляться с трудностями. Здоровье зависит от множества факторов: наследственности, экологии, медицины, но в первую очередь оно зависит от самого человека, от того, как он относится к себе, к своему здоровью.

1 марта 2018 г. Президент России Владимир Путин выступил с Посланием к Федеральному Собранию, в котором подчеркнул, что медицинская помощь должна быть доступна всем, и если кто-то не может попасть к врачу из-за оптимизации или по другим причинам, необходимо решать этот вопрос, поликлиники должны быть в шаговой доступности. Президент также говорил о важности профилактики и регулярных медицинских осмотров, уточнив, что такие осмотры нужно проходить не реже раза в год. Еще одна тема, которой он коснулся, – это онкологические заболевания, для борьбы с которыми, по мнению Владимира Путина, необходимо создавать отдельную государственную программу. В целом на здравоохранение, по словам президента, необходимо направлять дополнительное финансирование и довести расходы на эту сферу до 5% ВВП².

Здравоохранение является одним из важнейших направлений деятельности государства, при этом каждый человек должен иметь бесплатный доступ к основным медицинским услугам. Такое мнение высказал Президент РФ Владимир Путин на встрече с делегатами XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов (ВФМС) в Сочи. По его мнению, «одно из основных направлений, куда в современном мире должны вкладываться ресурсы государства, – это здравоохранение... Поскольку жизнь человеческая бесценна, то, наверное, все-таки здравоохранение где-то выше других направлений деятельности сегодняшнего дня»³.

При поддержке регионального министерства здравоохранения и Приволжской региональной дирекции железнодорожных вокзалов в филиале ГАУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения г. Саратова в Кировском районе» Саратовский областной центр медицинской профилактики совместно с Центром здоровья Саратовской городской поликлиники № 17, в администрации Фрунзенского района г. Саратова специалистами Саратовского областного центра медицинской профилактики совместно со специалистами Центра здоровья Саратовской городской клинической больницы № 2, а также в торгово-развлекательном центре

«Триумф Молл» и на железнодорожном вокзале г. Саратова 9 сентября 2017 г. была организована работа «Островка здоровья». «Островки здоровья» призваны повысить информированность населения о способах профилактики различных заболеваний. Работа осуществляется ежегодно. В 2019 г. данное мероприятие прошло в новогодние каникулы.

Специалисты Центра здоровья провели скрининговое обследование жителей с целью ранней диагностики заболеваний. Более 300 человек смогли оценить состояние своего здоровья, получить информацию по профилактике заболеваний и важности прохождения профилактических медицинских осмотров и диспансеризации.

Посетители Центра получили консультацию специалистов по профилактике хронических неинфекционных заболеваний, рекомендации по здоровому образу жизни, измерили артериальное давление, вес, рост, уровень глюкозы и холестерина крови, провели исследования с помощью пульсоксиметра – прибора для определения пульса и показателя уровня насыщенности кислородом, смониторинга для определения концентрации угарного газа в выдыхаемом воздухе. Медики напомнили женщинам: профилактика заболеваний заключается в основных принципах здорового образа жизни – отказ от вредных привычек, здоровое питание, контроль холестерина и глюкозы крови, артериального давления, борьба с избыточным весом, занятия физкультурой. Также рекомендуется регулярно проходить диспансеризацию в поликлинике по месту жительства. Специалисты Центра медицинской профилактики отмечают, что успешность лечения зачастую зависит от своевременного обращения к врачу⁴.

Всем посетителям «Островка здоровья» раздавали информационные материалы по профилактике хронических неинфекционных заболеваний и здоровому образу жизни⁵.

Активное участие в мероприятиях приняли волонтеры – студенты Саратовского областного базового медицинского колледжа. С целью выявления приверженности населения к здоровому образу жизни они провели анкетирование, раздали информационные материалы по профилактике хронических неинфекционных заболеваний и здоровому образу жизни.

Важно донести до населения, что регулярная диспансеризация позволяет выявить факторы риска хронических неинфекционных заболеваний. Чтобы свести к минимуму риск развития заболеваний, каждый человек должен знать факторы риска, устранение которых позволит увеличить продолжительность жизни и сделать ее более комфортной. Выявить эти факторы проще, чем впоследствии диагностировать и лечить уже развившееся заболевание.

Факторы риска, способствующие развитию заболевания, – это неправильное питание, избы-

точный вес, отсутствие физической активности, хронический стресс, высокий уровень артериального давления, глюкозы и холестерина крови, вредные привычки. Для предупреждения развития сердечно-сосудистых заболеваний особого внимания заслуживает измерение артериального давления, так как его повышение увеличивает риск развития инсульта и инфаркта миокарда в несколько раз⁶.

В Саратовской области в ноябре 2017 г. прошел II этап межведомственной комплексной оперативно-профилактической операции «Дети России 2017». В ней приняли участие учащиеся школ Фрунзенского района Саратова. Проведение акции направлено на предупреждение распространения наркомании среди несовершеннолетних, выявление фактов вовлечения в преступную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, а также повышение уровня осведомленности населения о последствиях потребления наркотиков и об ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации за их незаконный оборот.

В рамках акции специалисты Саратовского областного центра медицинской профилактики совместно с наркологами Областной клинической психиатрической больницы Святой Софии и Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Саратовской области провели ряд профилактических мероприятий с учащимися старших классов Фрунзенского района г. Саратова.

Подросткам рассказали о пагубном влиянии психоактивных веществ на физическое и психическое здоровье, о том, как выйти из ситуации, когда предлагают попробовать данные вещества, юридической ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Медики подчеркнули, что немедицинское потребление наркотических средств представляет значительную общественную опасность. Под действием наркотиков многие наркоманы агрессивны и опасны, склонны к физическому насилию. При неконтролируемом потреблении психоактивных веществ наркотики оказывают резко негативное воздействие на человеческий организм, приводят к быстрой деградации личности, физическому и психическому истощению и даже к смерти. Участники акции обсудили вопросы профилактики наркомании и аспекты здорового образа жизни⁷.

В школах г. Энгельса и социально-реабилитационном центре «Надежда» специалисты Саратовского областного центра медицинской профилактики в феврале 2018 г. провели занятия с учениками по профилактике зимнего травматизма, ОРВИ и гриппа. Акции состоялись при поддержке регионального минздрава в рамках комплекса мероприятий, посвященных профи-

лактике различных заболеваний среди детей и молодежи Саратовской области⁸.

В регионе при поддержке регионального минздрава в феврале 2018 г. были проведены акции, направленные на профилактику и раннее выявление неинфекционных заболеваний среди населения. С этой целью Центр здоровья Саратовского областного центра медицинской профилактики акция «Шаг к здоровью» прошла в городе Энгельсе. Медики организовали выезды в трудовые коллективы, где проводились осмотры специалистами Центра здоровья. Акция проходила под девизом: «Болезнь легче предупредить, чем лечить».

Профилактические акции в феврале 2018 г. прошли в Управлении Пенсионного фонда России г. Энгельса, Музыкально-эстетическом лицее имени А. Г. Шнитке, Энгельсской городской стоматологической поликлинике. Одна из главных целей проведения акции – раннее выявление факторов риска заболевания, мотивация к формированию здорового образа жизни.

Выездная форма работы Центра здоровья удобна для работающего населения. В силу занятости работающие люди не всегда находят время на посещение врача с целью профилактики хронических неинфекционных заболеваний и факторов риска их развития.

Во время акции проводилось обследование по трем целевым показателям: определение уровня глюкозы и холестерина крови, индекса массы тела, измерение артериального давления. В результате обследования выяснилось: у каждого четвертого выявлен повышенный уровень холестерина, у каждого третьего – избыточный вес, цифры артериального давления выше нормы у каждого четвертого обследуемого. Все жители получили рекомендации врачей по снижению факторов риска и предупреждению развития хронических неинфекционных заболеваний⁹.

В рамках реализации «майских» указов Президента РФ В. В. Путина в Саратовской области продолжается развитие направления профилактической медицины. В частности, в регионе проводится диспансеризация взрослого населения в целях раннего выявления заболеваний, являющихся основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения, прежде всего сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний.

В целом по области в 2017 г. диспансеризацию прошли 402,2 тыс. человек. Обследования взрослого населения проводились в 70 медицинских организациях во всех муниципальных районах региона.

В ходе проведения диспансеризации табачная зависимость выявлена у 19,5% лиц, прошедших диспансеризацию, у 26,0% – нерациональное питание, у 22,0% – недостаточная физическая активность, у 24,0% – избыточная

масса тела. При проведении диспансеризации в 39,5% случаях выявлены заболевания или отклонения в здоровье. На дополнительное обследование были направлены 100% лиц с подозрением на злокачественные новообразования.

По результатам диспансеризации 30,4% от прошедших обследования взяты под диспансерное наблюдение участковыми терапевтами и медицинскими работниками кабинетов и отделений профилактики по поводу различных заболеваний и факторов риска (нарушений липидного обмена, избыточной массы тела)¹⁰.

С июня 2017 г. на базе Саратовского областного клинического кожно-венерологического диспансера на функциональной основе создана Университетская клиника дерматовенерологии и косметологии. Оказание кожно-венерологической помощи больным с социально-значимыми, заразными кожными заболеваниями и инфекциями, передаваемыми половым путем, а также профилактическая работа в рамках государственных социальных гарантий являются приоритетными и проводятся сетью специализированных лечебных учреждений области¹¹.

ГУЗ «Саратовский областной клинический кожно-венерологический диспансер» не только оказывает высококвалифицированную, специализированную, в том числе высокотехнологичную медицинскую помощь пациентам дерматовенерологического профиля и организационно-методическое руководство борьбой с этими болезнями, осуществляемую учреждениями общей сети здравоохранения и подведомственными профильными учреждениями в обслуживаемой территории, но также проводит профилактические мероприятия по предупреждению венерических и кожных заболеваний в целях поддержки здоровья населения: проводит по области лекции и беседы по профилактике ИППП, межведомственные комиссии, выпускает санитарные бюллетени, подготавливает и проводит круглые столы для пациентов, получающих лечение в стационаре СОККВД. Только за 2018 г. по области прочитана 1821 лекция по профилактике ИППП (подлежало – 35 499 чел., прослушали 99,9%), проведено 13 810 бесед (подлежало – 43 636 чел., прослушали – 99,9%), выпущено 323 санбюллетеня, проведена 51 межведомственная комиссия¹².

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что, прежде всего, в сохранении своего здоровья кроется секрет долголетия. Для того чтобы быть активным, вести полноценную жизнь, необходимо соблюдать правила здорового образа жизни, регулярно проходить профилактические медицинские осмотры и диспансеризацию. В понятие здорового образа жизни входят также отказ от вредных привычек, рациональное питание, физическая активность, правила личной гигиены, закаливание. Своевременное проведение диспансеризации и профилактических

медицинских осмотров играют важную роль в сохранении здоровья, помогают выявить факторы риска, способствующие развитию заболевания.

Примечания

- 1 См.: Национальный мониторинг здоровья россиян // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=922> (дата обращения: 03.04.2018).
- 2 См.: Владимир Путин рассказал о достижениях и планах в сфере здравоохранения. URL: <https://med.vesti.ru/novosti/obshhestvo-i-zakonodatelstvo/vladimir-putin-rasskazal-o-dostizheniyah-i-planah-v-sfere-zdravoohraneniya/> (дата обращения: 26.03.2018).
- 3 Путин назвал медицину среди главных сфер, куда государство должно вкладывать средства. URL: <http://tass.ru/wfys2017/articles/4647637> (дата обращения: 24.03.2018).
- 4 См.: В центре социального обслуживания населения Кировского района специалисты центра медицинской профилактики организовали «Островок здоровья» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/6510-v-tsentre-sotsialnogo-obsluzhivaniya-naseleniya-kirovskogo-rayona-spetsialisty-tsentra-meditsinskoy-profilaktiki-organizovali-ostrovok-zdorovya (дата обращения: 03.04.2018).
- 5 См.: В Саратове продолжают свою работу «Островки здоровья» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/7307-v-saratove-prodolzhayut-svoyu-rabotu-ostrovki-zdorovya (дата обращения: 03.04.2018).
- 6 См.: В преддверии новогодних праздников в администрации Фрунзенского района начал работу «Островок здоровья» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/6738-v-preddverii-novogodnih-prazdnikov-v-administratsii-frunzenskogo-rayona-nachal-rabotu-ostrovok-zdorovya (дата обращения: 03.04.2018).
- 7 См.: В Саратовской области прошел II этап межведомственной комплексной оперативно-профилактической акции «Дети России 2017» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/6492-v-saratovskoy-oblasti-proshel-ii-etap-mezhvedomstvennoy-kompleksnoy-operativno-profilakticheskoy-aktsii-deti-rossii-2017 (дата обращения: 04.04.2018).
- 8 См.: В Энгельсе прошли акции по профилактике детского зимнего травматизма // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/7190-v-engelse-proshli-aktsii-po-profilaktike-detskogo-zimnego-travmatizma (дата обращения: 04.04.2018).
- 9 См.: В Энгельсе проходит акция «Шаг к здоровью» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/7145-v-engelse-prohodit-aktsiya-shag-k-zdorovyu (дата обращения: 04.04.2018).

- ¹⁰ См.: В 2017 году более 400 тысяч жителей Саратовской области прошли диспансеризацию // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/regional_news/7005-v-2017-godu-bolee-400-tysyach-zhiteley-saratovskoy-oblasti-proshli-dispanserizatsiyu (дата обращения: 05.04.2018).
- ¹¹ См.: Альманах истории. 90 лет Саратовскому областному кожно-венерологическому диспансеру / А. Н. Данилов, Д. А. Шнайдер, Л. А. Шерстобитова, С. А. Решетникова, Е. Н. Горных. Саратов : Печатный мир, 2013. С. 37.
- ¹² Официальный сайт Государственного учреждения здравоохранения «Саратовский областной клинический кожно-венерологический диспансер». URL: <http://engsokvd.medportal.saratov.gov.ru/contacts/> (дата обращения 17.03.2019)

Образец для цитирования:

Немерюк Е. Е., Аникин Л. С. Социальные аспекты поддержки здоровья населения на региональном уровне (на примере Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 147–151. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-147-151>

Cite this article as:

Nemeryuk E. E., Anikin L. S. Social Aspects of Health Support at The Regional Level (The Example of the Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 147–151 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-147-151>

УДК 316.733

Пожилые люди: практики чтения

М. Э. Елютина, Л. В. Колязина

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elutina133@mail.ru

Колязина Лариса Викторовна, аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kolyazina_larisa@mail.ru

Статья посвящена важной и актуальной, но недостаточно изученной проблеме чтения в пожилом возрасте, что важно для выработки новых эффективных стратегий реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в России. Обсуждается общее состояние дел в области изучения практик чтения в возрастном аспекте. Статья основана на результатах эмпирического социологического проекта, посвященного изучению таких аспектов проблемы чтения пожилых людей, как мотивы обращения к чтению, книге, круг чтения, пути получения книги. Представлены содержание и смыслы чтения в пожилом возрасте, проанализированы линии аргументации самих пожилых людей.

Ключевые слова: практики чтения, смыслы чтения, мотивы чтения, круг чтения.

Elderly People: Reading Practices

M. E. Elutina, L. V. Kolyazina

Marina E. Elutina, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, elutina133@mail.ru

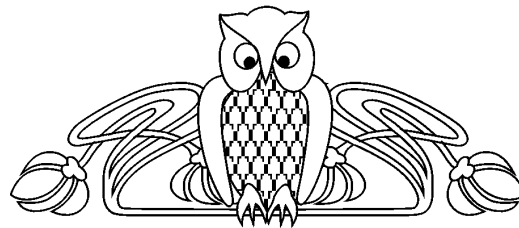
Larisa V. Kolyazina, <https://orcid.org/0000-0001-7628-612X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kolyazina_larisa@mail.ru

The article is devoted to an important but insufficiently studied, problem of reading in old age. The problem is important for developing new effective strategies of implementing the National Reading Program in Russia. The article discusses the overall state of affairs in the field of studying reading practices in the age aspect. The article is based on the results of an empirical sociological project devoted to the study of such aspects of elderly people reading problems as: motives for reading, a book, reading circle, ways of getting a book. The content and reading senses in elderly age are presented as well as elderly people arguments are analyzed

Keywords: practices of reading, meanings of reading, motives of reading, reading circle.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-152-155>

Актуальность данной темы обусловлена следующими содержательными моментами. Во-первых, социологические исследования чтения

– малоизученное направление социологии. В фокусе немногочисленных публикаций по проблеме чтения находятся, главным образом, три момента: 1) восприятие и интерпретация различного рода текстов; предметом изучения социологии чтения второй половины XX в. становится феномен массовой культуры; 2) социальный background чтения – книжный рынок, распространение литературы, успех у публики; 3) различия в практиках книжного чтения, экранного чтения и аудиочтения, взаимопроникновение книжной и электронной коммуникаций. Анализ вкусов, предпочтений читателей сконцентрирован в определенных социальных группах, а именно детях и молодежи. Особую важность приобретают исследования «рациона» детского чтения. Практики чтения в старших возрастных группах практически не исследуются. Во-вторых, современная социология все чаще обращается к конкретному живому человеку, социальный портрет которого не может быть полным и законченным без учета его читательских интересов, вкусов и практик. Ряд автор отмечает наличие кризиса чтения, под которым понимается, как правило, не культурная практика чтения, а кризис в социально-историческом, институциональном плане. Недаром принята и реализуется Национальная программа поддержки и развития чтения в России до 2020. В-третьих, старость, как и болезнь, в ряде случаев считается «серьезным недостатком» и непосредственно связана с вынесением за скобки, в том числе и потребности в культурном развитии («старость – этап дожития»). Подобная точка зрения является следствием широко распространенного в постсоветском контексте медикалистского дискурса, в рамках которого старость рассматривается как дефект, который ограничивает жизнь человека, делая ее неполноценной, ущербной. В настоящее время разрабатывается иной подход, анализирующий старость в качестве социального конструкта, а не как объективное следствие функционирования организма. В рамках данного подхода активно разрабатываются проблемы социального конструирования неравенств и пересечения различных форм социальных идентичностей¹. В-четвертых, положения теории социальных практик П. Бурдьё² выступают как инструмент анализа практик чтения в социальной группе пожилых людей как непрерывного, развивающегося всю жизнь и никогда полностью не завершающегося процесса «вечного чтения» (Чехов), так как у настоящего чтения нет конца, ибо всегда будет человек чита-

ющий. Возрастной аспект предполагает анализ генезиса чтения, его изменений в зависимости не только от социокультурных, экономических условий, но и от возрастных этапов жизненного пути личности. В центре нашего внимания находятся такие аспекты проблемы чтения пожилых людей, как мотивы обращения к чтению, книге, круг чтения, пути получения книги.

С целью идентификации смыслового пространства читательских практик в представлениях пожилых людей нами было проведено качественное исследование – 28 глубинных интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием, 60–75 лет, пенсионерами, основным источником дохода которых является государственная пенсия. Опрашивались жители г. Саратова в мае–сентябре 2018 г. Рекрутинг информантов осуществлялся методом «снежного кома» с помощью родственников и знакомых исследователей. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Все интервью с респондентами проводились по месту их жительства.

Смыслы чтения

По результатам нашего исследования, многообразие определений практик чтения может быть сведено в следующие смысловые группы: как высокоинтеллектуальная духовная практика, как руководство для хозяйственных дел, как механизм организации повседневной жизни, как фундаментальный проект созидания и обретения себя, как источник релаксации. Подчеркнем, наши респонденты в качестве *само собой разумеющегося* говорили именно о бумажном варианте чтения книг, который они, за редким исключением, предпочитают электронному или аудиоформату (новые форматы требуют от читателя приобретения определенных навыков).

1. *Как высокоинтеллектуальная духовная практика.* А. В. Артюшенкова, анализируя отношение к чтению как многомерному понятию, приходит к выводу о том, что разные исторические эпохи формируют свое к нему отношение, одно неизменно – чтение остается основой развития личности, ее мыслительной деятельности. Происходит лишь конкретизация смыслового наполнения чтения³. Приведем некоторые наиболее типичные фрагменты интервью, демонстрирующие высокое понимание чтения:

С детства нас приучали, если есть свободная минутка, надо почитать книгу. И не просто прочитать, а проанализировать, обсудить, взять на вооружение. Я не представляю свою жизнь без чтения. Это для меня – приобщение к духовному опыту поколений (жен., 67 лет).

Не хочу, чтобы мое время поедалось телевизором или было заполнено пустой болтовней;

когда читаешь хорошую книгу, сам становишься лучше (муж., 69 лет).

Респонденты полагают, что человек читающий – *homo legens* – от нечитающего человека отличается интеллектуальным развитием, а его читательские интересы – это лакмусовая бумажка, критерий культуры личности, на основании которого формируется определенный круг общения:

Как я радовалась, если находила родственные души, таких же книжных червей. Сидели и говорили, говорили о книгах, авторах, героях (жен., 72 года).

Разделяемый интерес к книге в данном случае выступает маркером подходящего для общения человека, человека своего круга.

2. *Как полезная в хозяйстве вещь*, которую можно использовать для существенных нужд. По результатам нашего исследования, книга воспринимается не только как «знак культуры» и символ духовной мудрости, а возникают более обыденные, прагматичные смыслы чтения: «полезное чтение» как средство для решения повседневных проблем (рецептурная литература по воспитанию детей, поваренная книга, словари), «развлекательное чтение» как средство дистанцирования от рисков и проблем современной жизни, «достижительное чтение», связанное с распространением многочисленных руководств (как стать богатым, как стать счастливым, как научиться притягивать к себе деньги):

Я часто смотрю в «Большую поваренную книгу», это полезная подсказка для приготовления блюд, и повседневных, и праздничных. Наше поколение любит, когда и друзья, и знакомые собираются за одним столом. Мы и шутим, и общаемся. Когда еще всех вместе увидишь (жен., 71 год);

Сколько живешь, столько и надо учиться. Я всю жизнь занимаюсь сельским хозяйством, и все равно многого не знаю. Я покупаю книги по уходу за садом, огородом (муж., 73 года).

3. *Как механизм организации повседневной жизни*, реализующийся в определенной модели поведения, включающей в качестве обязательного элемента практики чтения (в настоящее время доминируют практики поддержания здоровья посредством спорта):

Я росла в семье, где не было какой-то роскошной мебели, по периметру комнаты находились полки с книгами. Подходи, бери и читай. Я и сейчас не представляю себе жизнь без книг. Это целый мир (жен., 65 лет).

Для многих респондентов чтение превратилось в неотъемлемый компонент образа жизни. Они делились своими впечатлениями, фиксирующими тот факт, что их дети и внуки *редко берут книгу в руки; не проявляют должного интереса к чтению*:

Я в отчаянии, происходит неуволнимое, неустановимое отползание от книги как источника мудрости, и надо во что бы то ни стало этот источник защитить и сохранить (жен., 62 года).

Человек нечитающий воспринимается представителями данной возрастной группы в основном как выход за границы принятого, как подрыв устоявшихся норм. Однако напомним, что наиболее ценными для человека оказываются вещи, которые сложнее всего заполучить. Согласно Г. Зиммелю, субъективные желания трансформируются в ценность вещи благодаря наличию препятствий, разделяющих человека с ней. Были времена, когда за то, что человек стремился научиться читать, его предавали казни. Наличие препятствий для чтения в настоящее время инициирует ряд авторов говорить о кризисе чтения, под которым имеется в виду, как правило, не культурная практика чтения, а кризис в социально-историческом, институциональном плане. Это выводит обсуждение данного феномена на макроуровень – на уровень анализа социального неравенства, поляризации населения по уровню доходов и качеству жизни, коммерциализации книжного дела, на уровень анализа различных социальных институтов, имеющих отношение к чтению.

4. Как источник релаксации:

Читаю, когда есть время. Отвлекаюсь от повседневных проблем, которые все прибавляются. Когда читаю, не вижу обветшавшей мебели, забываю о денежном дефиците, о конфликтах с родными и близкими. На душе становится тихо и спокойно (муж., 67 лет).

Респонденты обратили внимание на предварительную селекцию книг в направлении исключения тех, которые могут негативно повлиять на их настроение, чувства:

Не хочу читать об убийствах, насилии, извращениях и других безобразиях (жен., 72 года).

5. Как способ выражения субъективности: мыслей, чувств, эмоций. В этом смысле чтение – фундаментальный проект созидания и обретения себя:

Звучит какой-то требовательный голос внутри тебя, ты просто не можешь ему противиться. Когда читаешь, мысли становятся более четкими, ты начинаешь понимать как надо поступать (жен., 74 года).

Источники книг

По результатам нашего исследования, источниками книг для людей третьего возраста служат, главным образом, собственная библиотека, покупка книг (редкая), посещение библиотек (редкое). Респонденты указали на негативную культурную историю, которая связана с финансовыми трудностями. Приходится экономить на инвестициях в свой культурный капитал, так как финансирование собственного развития идет из личных средств, которые весьма ограничены. Немногие скачивают книги из Интернета. И, тем не менее, их выбор в пользу книги основывается не только на доходе, но и на вкусах, предпочтениях, усвоенных с детства практиках чтения.

Круг чтения

Респонденты испытывали трудности при указании на современные произведения. Наиболее традиционным оказалось предпочтение классики, произведения отечественных и зарубежных авторов (А. Чехов, Ф. Достоевский, И. Тургенев, Д. Джером, Д. Сэлинджер, Д. Стейнбек, сказок (фольклорные и литературные) и «печатное телевидение» («Семнадцать мгновений весны», «Мисс Марпл», «Унесенные ветром», «Сага о Форсайтах», «Шерлок»)):

Я с удовольствием перечитываю русскую классику. С возрастом многое по другому воспринимаешь. Кроме того, это и мои воспоминания, я помню когда я первый раз этот рассказ прочла, с кем поделилась впечатлением. Это еще и разговор с ушедшим временем (жен., 67 лет).

Книги, помимо прочего, заключают в себя символическую информацию, связанную с историей и биографией людей. Особое значение наши респонденты придавали книгам, связанным с историей поколений – тем, которые они получили в наследство и которые не просто хранятся, а демонстрируются как объекты особой ценности и гордости. Еще одна группа книг – полученные в подарок. Респонденты в качестве преимущества своего поколения называли тщательный подбор книги для подарка. Действительно, «книга – лучший подарок» – важный культурный код для представителей этого поколения:

Сейчас все по-другому. Мне дарили книгу, я радовался. А моя внучка еще за несколько месяцев до своего Дня рождения нам с женой приносит список вещей, из которого мы должны выбрать ей подарок. Очень конкретно, в соответствии с указанными в списке вещами (муж., 74 года).

Интерес к сказкам объясняется наличием внуков и необходимостью прочтения им сказок:

Я и сама, и внукам с удовольствием читаю сказки, они необходимы для развития чувств и моральных качеств. Там много жизненных ситуаций, над которыми надо задуматься, например, тема о детях, оставшихся без внимания родителей, о детстве, полном огорчения и боли. Мы жалеем таких детей, мне кажется, именно чувства жалости и не хватает современным людям (жен., 69 лет).

В зону актуальности и интересов респондентов попали и биографии известных людей:

Я люблю читать биографии писателей, мне интересны их вкусы, сожаления, их радости, их страдания. Мне хочется знать, насколько согласована их жизнь с их книгами (жен., 71 год).

Мотивы чтения

1. Помогает преодолеть сложную жизненную ситуацию: *дает новые силы; оживляет надежды; увеличивает мужество.*

Я тяжело болел, мой друг принес книгу Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Не помню, была ли она обязательной, когда мы учились в школе. Не помню. Но в тот раз я ее прочел. Сильная вещь, действительно, у каждого человека, в какую бы сложную ситуацию он не попал, есть шанс выжить, и он зависит только от тебя самого. Это я усвоил на всю жизнь. В сложной ситуации должны быть ориентиры (муж., 63 года).

Благодаря чтению актуализируется процесс самосохранения: спасение человека в себе от разрушения, деградации, самоуничтожения.

2. Меняет отношение ко времени, позволяет перенестись в иное временное измерение, когда нет дифференциации на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое и будущее «втягиваются» в настоящее сознанием читателя, находящегося в своем времени и одновременно пребывающего с автором и героями его книг. Читатель воспринимает настоящее, содержащее в себе полноту всех времен. Человек читающий преодолевает экзистенциальный страх смерти⁴, в общении с книгой ищет убежище от ужаса бытия, «черпает в чтении свою долговечность» (Л. Фейербах). Старшее поколение дистанцировано от публичного душевного эксгибиционизма, характерного для молодежи, когда все тайны выкладываются в социальных сетях. Чтение книги позволяет пожилому человеку избавиться от ощущения одиночества, сбросить с себя груз тревожных ожиданий, компенсирует образующиеся пустоты (утраченные или угасающие чувства):

Книга помогает мне найти забытые островки детства. Ведь, несмотря на возраст, мы в определенной степени остаемся детьми (жен., 67 лет).

3. Представляет возможность пообщаться с умным человеком, так как книга вводит в избранное общество мудрых и умных людей:

Ты можешь общаться с величайшими умами. Доброе и великое не умирает, живет вечно и передается из поколения в поколение. Есть книги, которые со мной с раннего детства. Это лучшие мои друзья, они никогда не бросят и не подведут, с ними я и смеюсь, и плачу (жен., 73 года).

4. Помогает отстраниться от рутины повседневности, от обыденных разговоров, приспособленчества, заглянуть в себя. По мнению респондентов, чтение книг расширяет возможности человека, обогащает его интеллектуальный и эмоциональный мир, в процессе чтения человек сам конструирует смыслы, имеет возможность отделять свои подлинные переживания, мысли, смыслы от навязанных ему извне:

Мне нравятся и подвижные формы отдыха, я много гуляю. Но никогда не откажусь от чтения хорошей книги. Для меня – это лучшее лакомство (жен., 68 лет).

Иначе говоря, чтение, по мнению наших респондентов, не терпит никакой внешней детерминации, навязанности. Чтение – это, прежде всего, переживаемый, а не рефлексивный процесс. Нередко чтение становится совместной рекреационной активностью, когда, к примеру, пожилые супруги попеременно читают книгу вслух:

Мы часто с женой читаем вслух – то она, то я. Можно обмениваться мнениями, комментариями по ходу чтения, и глаза не устают (муж., 74 года).

В этом возрасте в обращении к практикам чтения определяющее значение имеет внутренняя мотивация, снимается диктат необходимости.

Таким образом, практики чтения являются востребованными в организации повседневной жизни пожилых людей. В усложняющихся стрессовых обстоятельствах они становятся источником восстановления, средством компенсации напряжения. Однако в многочисленных публикациях, посвященных людям пожилого возраста, традиционные проблемы сохранения их здоровья и творческого долголетия рассматриваются, главным образом, с точки зрения физической культуры, сбалансированной двигательной активности. Как показывают результаты нашего исследования, для положительного и стойкого результата этих практик недостаточно. Современное высокообразованное старшее поколение нуждается в разнообразных духовных практиках, в том числе в практиках чтения, которые идентифицируются пожилыми людьми как неотъемлемый компонент их повседневной жизни.

Примечания

- 1 См.: Елютина М. Э. Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2017.
- 2 См.: Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алтейя, 2001.
- 3 См.: Артюшенкова Е. В. Философское осмысление феномена «чтения» // Учен. зап. ЗабГГПУ. Сер. Философия, культурология, социология, социальная работа. 2010. № 4 (33). С. 10–16.
- 4 См.: Стефановская Н. А. Экзистенциально-коммуникативная мотивация чтения как предмет социологического анализа // Вестн. ТГУ. 2008. Вып. 3 (59). С. 369–374.

Образец для цитирования:

Елютина М. Э., Колязина Л. В. Пожилые люди: практики чтения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-152-155>

Cite this article as:

Elutina M. E., Kolyazina L. V. Elderly People: Reading Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 152–155 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-152-155>

УДК [316.728+316.353]

Досуговые практики молодых рабочих промышленных предприятий

Е. В. Кузьмина, Н. В. Гончарова

Кузьмина Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии, Ульяновский государственный университет, lenastar@mail.ru

Гончарова Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии, Ульяновский государственный университет, nata_gonch@mail.ru

В статье описываются досуговые практики рабочей молодежи промышленных предприятий г. Ульяновска. Они рассматриваются в контексте их трудовой деятельности, семейных практик, потребительского стиля. Выделяются факторы, связанные с режимом труда и отдыха на промышленных предприятиях, материальным положением, наличием собственной семьи и детей, прочими биографическими событиями. Характеризуются места проведения свободного времени.

Ключевые слова: молодежь, досуг, молодые рабочие, досуг рабочей молодежи.

Young Industrial Workers' Leisure Practices

E. V. Kuzmina, N. V. Goncharova

Elena V. Kuzmina, <https://orcid.org/0000-0002-0498-9034>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, lenastar@mail.ru

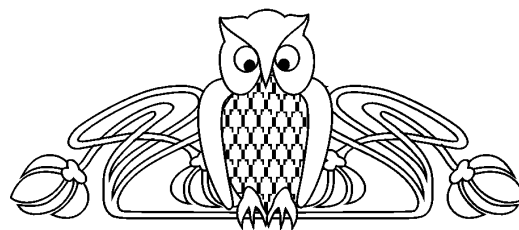
Natalia V. Goncharova, <https://orcid.org/0000-0002-6958-9701>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, nata_gonch@mail.ru

The paper describes industrial enterprises young workers leisure in Ulyanovsk. They are considered in the context of their working activity, family and consumer style. The factors connected with a work-rest schedule at the industrial enterprises, material well-being, family and children, and other biographic facts are highlighted. Leisure places of free time are characterized.

Keywords: youth, leisure, young workers, leisure of young workers.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-156-161>

Социологические исследования досуга начались еще до Второй мировой войны и активизировались в 1960-е гг. (хотя вопросы трансформации повседневности и связанные с ними представления о свободном времени рассматривались учеными и ранее). Интерес к этой теме неслучаен и связан с общим увеличением количества свободного времени населения. С появлением теорий постиндустриального и информа-

ционного общества, развитием представлений об обществе потребления обнаружилось их влияние на концепции и подходы к изучению досуга. Процессы массового потребления товаров, услуг (в том числе в их символической форме), продукции массмедиа, несомненно, сказались на практиках его проведения и заполнения. В социологической среде распространяются представления о том, что досуг превращается в самостоятельную ценность. Это позволяет говорить о формировании «цивилизации досуга»¹, «общества досуга», «посттрудоовом обществе»², происходит переход в стадию развития досуговой сферы, индустрии досуга, которая играет важную роль в жизни всего социума и отдельного индивида³.

В последние годы интерес исследователей к изучению досуговых практик по-прежнему высок⁴. В первую очередь изучаются культурные стили и досуговые практики молодежи⁵. При этом само понятие «досуг», «свободное время» претерпевает существенные трансформации в контексте развития общества потребления и перехода к информационной эре: «...досуг как таковой можно рассмотреть для современной эпохи посредством специфической деятельности, определяемой как досуговые практики. Именно досуговые практики связывают воедино сферу повседневного опыта современного человека, ориентированного на интерактивное поведение»⁶. По оценкам специалистов, в информационном обществе соотношение досуг/труд становится более гибким⁷. А свободное время рассматривается как ресурс, пространство, предоставляющее возможности для адаптации к изменяющимся условиям жизни, в том числе кризисным⁸.

Эмпирической базой для данной статьи послужили материалы исследовательского проекта «Повседневная культура рабочей молодежи в стратегиях жизни и занятости» (грант РФФИ № 17-03-00716-ОГН\18, рук. Е. Л. Омельченко), реализованного в 2017–2018 гг. Информантами были молодые юноши и девушки, трудоустроенные по рабочим специальностям на промышленных предприятиях г. Ульяновска и непосредственно занятые в сфере производства. Всего было проанализировано 48 качественных полуструктурированных интервью с юношами и девушками в возрасте от 20 до 29 лет. Практически все респонденты имели начальное и среднее профессиональное образование. Несколько че-

ловек или уже получили высшее образование или совмещали работу на заводе с обучением в вузе. Несмотря на то что основной фокус исследования был направлен на изучение стратегий занятости рабочих, они рассматривались в более широком контексте биографии респондентов, семейных, образовательных, досуговых и потребительских практик молодежи⁹.

Следует выделить ряд факторов, определяющих досуговые практики современной рабочей молодежи.

В первую очередь, следует отметить специфическое структурирование времени молодых рабочих промышленных предприятий. Его можно рассмотреть более широко как выстраивание жизненного проекта, планирование трудового пути, карьеры, личной и семейной жизни, родительства и проч. В более узком смысле время может структурироваться в контексте годичного или дневного цикла труда и отдыха, домашних форм занятости и прочего распорядка дня. Нас интересует сейчас именно этот аспект упорядочения времени повседневности.

Стратегии потребления времени, в свою очередь, также определяются рядом факторов. Это режим работы промышленных предприятий, который фактически задает дневной и даже годичный ритм жизни, того, когда и сколько люди могут работать и отдыхать. В связи с этим можно отметить, что жизнь работников промышленных предприятий характеризуется стабильностью и четким выстраиванием границ между рабочим и свободным временем, между буднями и выходными. Поскольку график на официальной работе фиксирован, то и свободное время структурируется исходя из повседневных, бытовых задач, происходящих событий (дней рождений, встреч с друзьями, родственниками), дополнительной или самозанятостью, имеющихся увлечений, интересов. Наконец, следует отметить еще факт равномерной гарантированной занятости в годовом разрезе (исключая периоды официальных отпусков).

Перечисленные факторы формируют у информантов конкретный стиль потребления времени, определяющий их ритм жизни.

На основе анализа интервью следует отметить, что само свободное время у юношей и девушек, трудоустроенных на промышленных предприятиях по рабочим специальностям, не только обусловлено четким графиком работы, но и в ряде случаев носит сменный характер. Если молодые рабочие трудятся во вторую или третью смены, это во многом «сдвигает» их досуг. Работающие в первую смену на заводах начинают свой трудовой день, как правило, раньше, чем, например, служащие, и, соответственно, рано вынуждены начинать свою активность в суточных ритмах. Как не раз отмечали информанты, такое раннее начало рабочего дня бывает проблематичным, причем у многих это сопровожда-

ется «хронической» невозможностью выспаться в течение рабочей недели. Соответственно, часть выходных (как правило, утро субботы) отводится именно на восстанавливающий сон. Собственно же свободное время у молодых рабочих во многом сдвигается к выходным. Время после работы тратится на решение бытовых задач, после чего, по словам самих информантов, свободного времени почти не остается или его очень мало.

В состав наших респондентов вошли и те, кто трудиться по так называемому графику «два через два». В этом случае свободное время структурировано совершенно иначе. За двумя рабочими днями (один – в дневную, другой – в ночную смену) следует два нерабочих. И один из них – так называемый «отсыпной». Чередование свободного и трудового времени в описании информантов выглядит следующим образом: *То есть первый день, первая смена идет дневная: с 8 утра до 8 вечера. Потом идет, то есть до 8 вечера я дома, могу делать абсолютно все дела... потом с 8 вечера до 8 утра. Прихожу домой, у меня этот весь день отсыпной...и следующий день еще выходной. И потом опять: день, ночь, отсыпной, выходной (жен., 29 лет)*. Причем такие респонденты, стремясь провести свой досуг совместно с членами семьи или друзьями, знакомыми, с теми, кто трудится в режиме «пятнадцатидневки», вынуждены подстраиваться под них.

Данные исследования показывают, что ориентации в сфере досуга и культурного потребления зависят от того, каким временем молодежь располагает, и того, как оно распределяется между различными видами работ, какие приоритеты расставляются. Дж. Р. Келли в свое время ввел понятие «стиль досуга», который проявляется в выборе той или иной сферы досуговой деятельности исходя из временных, финансовых и личных ресурсов и приоритетов¹⁰.

В. И. Ильин, рассматривая работу и досуг как две части единого образа жизни, отмечал, что специфика содержания одной сказывается и на другой¹¹. Тяжелый и интенсивный труд отнимает силы, и желание активно отдыхать пропадает. И наоборот, если активный досуг представляется значимым в системе потребительских ценностей человека, то и работа выбирается с учетом этого запроса.

Невозможность самому регулировать свой рабочий день, необходимость решать повседневные домашние дела (особенно с появлением собственной семьи и детей) ведут к сокращению свободного времени и минимизации публичного культурного потребления, которое переносится в приватное пространство (домашнего времяпрепровождения и ближнего круга общения с друзьями и родственниками, домашнего хобби и проч.). Специалисты говорят о тенденции «одомашнивания» досуга (что связано с общими институциональными изменениями институтов семьи). Анализ полученных интервью показал,

что в подавляющем большинстве наши информанты также предпочитают домашние и дачные выходные. Они, как правило, связаны со встречами с друзьями, телевизором, застольем, Интернетом и др. При этом разнообразие повседневного уклада жизни не столь велико.

Рутинный, зачастую физически тяжелый рабочий день приводит к тому, что в выборе досуга, увлечений, готовности тратить на это время предпочтение отдается тому, что не заставит прилагать уже особых усилий, но при этом будет доставлять удовольствие.

Очевидно, что у разных возрастных групп молодежи временные инвестиции могут иметь отличительные черты, заметные при анализе интервью. Так, чем младше наши информанты, тем больше у них инвестиций в себя и друзей. С возрастом увеличиваются временные инвестиции в семью, быт, поддержание родственных связей.

Другим значимым фактором, определяющим досуговые практики рабочей молодежи, объем свободного времени, его количество и формы заполнения, стало наличие собственной семьи (причем речь идет как об официально зарегистрированном браке, так и о совместном проживании с партнером). Так как в интервью нашли отражение определенные периоды жизни и моменты биографии информантов до и после вступления в брак (или до начала совместного проживания с партнером), в их рассказах можно проследить и то, как менялись их досуговые практики. Так, до начала совместной жизни с партнером гораздо больше времени отводилось встречам с друзьями, компаниям, общению в различных кругах знакомых. Некоторые респонденты даже рефлексируют по поводу того, как изменилось проведение их свободного времени до и после начала семейной жизни и появления детей: *Ну, конечно, все сменилось. Когда в то время, ни детей, ничего, ни забот. Как бы везде ходили, молодыми были, гуляли по всему городу (муж., 29 лет, женат, двое детей).*

С созданием семьи значительно больше внимания уделяется общению с партнером, совместным занятиям. Кроме того, среди новых обязанностей появляются те, которые связаны с обустройством жилища и ведением совместного хозяйства. Результаты интервью подтвердили, что наименьшее количество свободного времени, которое «тратят на себя», его дефицит в подлинном его понимании испытывают молодые родители, особенно те, у кого двое или более детей, и/или младший ребенок в возрасте до года или чуть старше (типичная фраза для них: *в выходные – отдохнуть, выспаться*).

Еще один немаловажный фактор, от которого, естественно, зависят возможности проведения досуга и практики заполнения свободного времени, – это материальный уровень респондента и/или его семьи. Часть информантов, чьи доходы сократились после последнего кризиса

и зарплата на период проведения исследования составляла порядка 15–18 тыс. руб., высказывались подобным образом про траты на развлечения и досуг: *Да, сейчас не погуляешь-то больно (муж., 25 лет).* Причем здесь необходимо отметить, что значение имеет не только величина заработной платы (в абсолютном выражении), но и то, сколько средств у информанта или молодой семьи остается после «вычета» затрат на все текущие нужды, и особенно выплат по ипотеке (или как вариант – оплаты съемного жилья). В нашем исследовании многие информанты успели приобрести собственное жилье, как правило, в ипотеку (тем более что сами промышленные предприятия это активно стимулируют, предлагая своим работникам ее льготные форматы).

Например, в числе респондентов были такие рабочие, которые получают достаточно высокую для региона зарплату (35–40 тыс. руб.), но после ежемесячной оплаты ипотечного кредита за квартиру, по их же собственной оценке, финансовых средств (в том числе и на проведение досуга) у них остается примерно столько же, сколько у более низкооплачиваемых категорий рабочих. Таким образом, не только низкая/высокая зарплата, но и наличие/отсутствие ипотечного кредита (или съемного жилья) во многом определяют финансовые ресурсы семьи (или отдельного информанта), которые выделяются для проведения досуга. Особенно сильно это сказывается на месте проведения отпуска и возможности поехать куда-то на отдых за пределы региона, скажем, на море.

Ключевым этапом биографии оказывается уход из родительской семьи, начало самостоятельной (отдельной от родителей, в том числе в финансовом плане) жизни, появление собственной семьи. Для тех, кто пользуется родительской помощью, основной статьей расходов являются развлечения. Если же они начинают жить отдельно от родительской семьи, меняется и структура основных расходных статей. Первоочередными становятся оплата квартиры и бытовые повседневные траты.

Повседневные расходы, как правило, сложно поддаются контролю. В целом вопросы о структуре трат вызывали затруднение у информантов, а во многих случаях расчеты проводились прямо во время интервью. При этом деньги по большей части уходят на повседневные расходы, которые интерпретируются по-разному. Для кого-то это – минимальная еда, транспорт, оплата телефона и Интернета, а для кого-то – «посидеть с друзьями».

По мере взросления и появления собственной семьи именно так называемые нужды семьи становятся основными статьями расходов. В это словосочетание информантами вкладывается подчас разный смысл. Так, к примеру, в качестве «семейных нужд» определяются расходы на детей, которые становятся частью повседневных бытовых расходов. Отдельным пунктом денежных трат может идти забота о родителях.

При этом мы наблюдали специфические режимы экономии средств: способность к планированию своего бюджета, рациональное расходование ресурсов, наличие дополнительных источников финансовой помощи. С одной стороны, особенно в ситуации с ипотекой, это ограничения себя в досуге, потреблении. Режим экономии может пониматься по-разному, например, кто-то предпочитает сэкономить на модной одежде, но не отказывать себе в качественных и дорогих продуктах питания и наоборот.

Таким образом, сам факт наличия или отсутствия времени, материальных ресурсов не является тотально определяющим для досуга. Его необходимо рассматривать более широко – в контексте потребительских практик современной молодежи.

В целом досуговые практики определяются не только уровнем дохода. Очевидно, что большая их часть зависит от культурного, социального капитала и стиля жизни человека в целом. Ценностное отношение к свободному времени в этих условиях, по мнению специалистов, становится «социальным маркером принадлежности к тем или иным социальным группам»¹².

Необходимо отметить, что в описании респондентов досуговые и потребительские практики тесно переплетаются. Причем речь идет не только о потреблении продукции массмедиа, сериалов, кинофильмов и проч. (в домашних условиях и в кинотеатрах), но и непосредственно о прогулках по торговым центрам (с целью шопинга, встреч с друзьями и прочих видов досуга). Если же оценивать типичные занятия как часть повседневных практик, особенно в течение рабочей недели, то информанты тратят определенное время дома, как правило вечером, на просмотр кино- и телесериальной продукции, причем как той, что транслируется на эфирных или кабельных телеканалах, так и из Сети по своему собственному запросу.

На досуговые практики и места их проведения определенным образом оказывает влияние и то, из какой семьи происходят молодые рабочие, являются ли они выходцами из сельской местности или городскими жителями. Как показали высказывания в рамках интервью, первые тяготеют к проведению выходных в деревнях или селах, где проживают их родители или родственники (и особенно праздничных, которые длятся более двух дней). Также несколько отличаются досуговые практики у тех, кто сами (или их родители) владеют дачными участками. Таким образом, они не только наполняются различными занятиями (работа на земле, обустройство частного или дачного домика), но разведены территориально на городские или пригородные зоны (или городские и сельские территории). Кроме длинных праздничных выходных, эти различия особенно заметны в отпускной период.

Еще одним весьма значимым фактором является то, предоставляют ли предприятия, на

которых заняты юноши и девушки, возможности для совместного коллективного проведения досуга. Речь идет в большинстве случаев об оплаченных предприятием так называемых корпоративах, приуроченных к различным праздничным дням, а также (что встречалось реже) занятиях в спортивно-оздоровительных комплексах или спортивных залах. Но это, конечно, уже специфические корпоративные досуговые практики, которые инициированы сверху, однако находят поддержку у опрошенной молодежи. Подобные корпоративные практики в нашем исследовании были свойственны новым инновационным предприятиям, иностранным производствам, международным компаниям.

Также интересно отметить, что у высококвалифицированных молодых рабочих таких предприятий обсуждение «производственных вопросов» переносится за пределы рабочего времени (в поездках на природу, посиделках дома или в кафе при встрече с коллегами-друзьями и т. д.). На таких предприятиях с развитой и четко определенной корпоративной культурой, хорошо разработанной системой мотивации и карьерного роста рабочие настолько мотивированы на выполнение производственных задач, что продолжают решать их в свое свободное время. Можно предположить, что развитие новых инновационных предприятий может стать фактором изменений не только ценностного отношения к труду, но и пространством солидаризации молодежи.

Фактические досуговые практики информантов определяет и то, в какой круг общения они включены. Были среди наших респондентов молодые рабочие, которые относили себя к тому или иному молодежному стилю, субкультуре. В этом случае именно культурная идентичность становилась определяющей в выборе форм и мест досуга (совместных занятий спортом, хобби, посещений кафе и поездок на природу и проч.).

Что касается публичных мест, то, как уже сказано, определенную роль играют торговоразвлекательные центры, а также кинотеатры, как отдельные, так и включенные в комплекс ТЦ. Поход в торговые центры является характерной досуговой практикой рабочей молодежи. По мнению самих информантов, это позволяет сразу сочетать посещение магазинов, кино и кафе. При этом такой вид досуга не исключает (а иногда даже и предполагает) режим экономии, когда четко отслеживаются акции и скидки. Крупнейшие торговые центры города, как показали результаты интервью, периодически посещают практически все респонденты. Для многих они становятся местом проведения досуга почти в каждый выходной. В этой связи стоит отметить общую исследовательскую тенденцию, что современные торговоразвлекательные центры становятся определенными местами притяжения молодежи (и не только рабочей). Это особое пространство в городской среде, которое отлича-

ется многовариативностью (они предоставляют различные возможности досуговых занятий и развлечений: совершение покупок, посещение кинотеатров, общение в кофейнях, кафе, просто прогулки по этажам и галереям при встречах со знакомыми и проч.). В этом контексте целесообразно привести цитату из уже упомянутой работы Н. В. Бутоновой, которая отсылает нас еще к работам Ж. Бодриера, что «торговые комплексы ... замкнутое пространственно-временное поле, в котором индивид может реализовать свои потребности, которые, в свою очередь, иницированы все той же идеологией потребления»¹³.

В отношении торговых центров как мест для проведения шоппинга выявилась интересная особенность. Часть девушек, у кого уровень зарплаты не позволяет приобретать дорогую брендовую одежду, склонны скорее к прогулкам по ним: *Ну, в Аквामолле мы так, больше гуляем, на цены смотрим... все это начинаешь глазами поедать, все, что хочется* (жен., 26 лет), однако сами покупки совершаются ими в совершенно других местах – более дешевых, не брендовых магазинах одежды. Тем не менее, время, затрачиваемое на такие прогулки, особенно у девушек, может быть весьма значительным – порядка трех–четырёх часов. Торговые центры являются сегодня и пространством семейного досуга, когда покупки для членов семьи, включая детей, совмещаются с проведением времени в кафе или в игровых зонах.

Кроме посещения торгово-развлекательных центров, типичными являются и «походы в кино», особенно для молодых пар, семей без детей, обычно ради просмотра киноновинок. Однако с появлением детей привычки и досуговые практики меняются. Встречи с друзьями перемещаются в основном на дом. И личные пространства используются скорее для встреч с близкими друзьями/подругами, родственниками (особенно в дни рождения и праздники).

Публичные места проведения досуга в сознании респондентов всегда дифференцированы. Подобное место зачастую является той самой культурной сценой, где формируется неформальная сеть людей, сообществ и организаций, совместно формирующих и воспроизводящих некий жизненный стиль. Групповая идентичность сцены конструируется за счет разделяемых ее участниками правил, смыслов, практик, а ее символом и знаком становится «место». Здесь вырабатываются нормы, которые определяют правильное и неправильное поведение людей внутри сцены, дают своим участникам представления об истинном и ложном, красивом и некрасивом.

В нашем исследовании молодые рабочие рассказывали о таких городских местах (чаще всего кафе, реже – ресторанах). Некоторые они определяли как «приличные», «нормальные» (*там музыка, спокойно, никаких быдло-людей,*

спокойные компании всегда там (муж., 21 год)) или даже весьма опасные, где могут случаться драки и даже иногда убийства. Довольно интересной является и такая практика, свойственная только молодым мужчинам-рабочим: они собираются кампанией друзей, знакомых (даже из бывших дворовых компаний и команд) и совместно арендуют какое-то спортивное сооружение, чаще спортзал, для занятий командным спортом – футболом, волейболом («погонять мяч»). Однако другие юноши в своих описаниях досуговых практик говорят о том, что их труд на рабочем месте настолько интенсивный, что не оставляет сил на спорт: *Сейчас нет. После работы не до спорта. Здесь, на работе, назанимаешься: набегаешься, натаскаешься. То же самое практически, что и тренажерный зал* (муж., 25 лет). Таким образом, у молодых рабочих досуговые практики определяются не только жестким графиком труда, но степенью его интенсивности и наличием физической нагрузки в течение рабочего дня (смены).

Публичные места проведения досуга отличаются в летний (теплый) и зимний (холодный) периоды года. В первом случае пространства сцены расширяются/перемещаются в парки и кафе на открытом воздухе. Родители с детьми предпочитали парки, где предусмотрены определенные занятия или развлечения для их маленьких детей. В холодный период года для некоторых семей с детьми весьма привлекательным местом стала «Волга-Спорт-арена» – недавно построенный спортивный комплекс с ледовым покрытием.

Среди занятий, практикующихся в летнее время вне городской среды, традиционно звучали: рыбалка, поездки с друзьями на природу, на шашлыки, работа на приусадебном, дачном участке. Причем те молодые семьи, которые сами приобрели дачу или земельный участок в пригороде, проводят там даже гораздо больше времени, чем те, которые ездят туда к родителям.

Немало времени у молодых рабочих занимает ремонт недавно приобретенных квартир. Причем наблюдается и такая практика, что они тяготеют к ручному труду и многие виды ремонтных работ выполняют самостоятельно, а зачастую даже помогают друзьям, оказавшимся в схожей ситуации: *Или лучшему другу... Он как, ну может гвоздь забить, но не может потолок, допустим, собрать или стены отштукатурить, он не может этого. Он позвонит мне: «Помоги, пожалуйста»* (муж., 29 лет, женат). Причем все это они делают, согласно их оценке, в «свободное» время. Фактически ремонт для многих становится тем специфическим пространством досуга, позволяющим раскрыть творческие, личностные особенности человека (что достаточно сложно сделать в условиях рутинного исполнительского труда на предприятии). В ремонте проявляется свобода выбора, гедонистичность досугового по-

ведения, а также его процессуальная ценность. Все это в полной мере можно отнести к характеристикам современных форм досуга.

Таким образом, исследование показало, что досуговые практики рабочей молодежи определяются, с одной стороны, временными производственными факторами, связанными со статусом занятости, а с другой – стилевыми потребительскими предпочтениями. В ситуации нормированного рабочего дня оно занимает существенную, но не подавляющую во времени часть жизни индивида. Притом что свободное время фактически регламентировано режимом работы промышленного предприятия, ключевым фактором, организующим свободное время и досуговое пространство молодых рабочих, становится потребление. Именно в пространстве потребления происходит поиск новых оснований идентичностей, солидарностей, выходящих за рамки традиционных социальных групп, ролей, статусов. И в этом смысле рабочая молодежь мало чем отличается от других своих сверстников. Как сами они определяли в интервью, живут не хуже большинства своих сверстников, ходят в те же торговые центры, кафе, покупают сходные марки одежды, телефонов и автомобилей. Потребительское поведение молодых рабочих развивается по общим тенденциям, характерным для современной молодежи.

Досуг становится тем самым социальным контекстом, в рамках которого индивид самоопределяется. Именно досуговая сфера может выступать основой социальной идентичности с теми, кто разделяет аналогичные предпочтения.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00716-ОГН18 «Повседневная культура рабочей молодежи в стратегиях жизни и занятости»).

Примечания

- ¹ См.: Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестн. МГУ. Сер. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88.
- ² См.: Кабадейцева О. В. Эволюция понятия «Досуг молодежи» в истории социологических концепций // Совре-

менные исследования социальных проблем. 2011. Т. 7, вып. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-dosug-molodezhi-v-istorii-sotsiologicheskikh-kontseptsiy> (дата обращения: 15.01.2019).

- ³ См.: Понукалина О. В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии : подходы к исследованию // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2017. Т. 17, № 6. С. 83–89.
- ⁴ См.: Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Человеческий потенциал и свободное время в контексте российской повседневности // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып.16 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2018. С. 397.
- ⁵ См., например: Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XX века : теоретический контекст // Социс. 2013. № 10. С. 52–61.
- ⁶ Сурова Е. Э., Бутонова Н. В. Досуговые практики в пространстве повседневности // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. Вып. 2. С. 53.
- ⁷ См.: Бутонова Н. В. Досуговые практики в современной культуре // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, вып. 1. С. 207.
- ⁸ См.: Караханова Т. М., Большакова О. А. Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста // Вестн. Ин-та социологии. 2017. № 22. С. 98–136. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473>
- ⁹ При проведении интервью с рабочими в исследовательском проекте были представлены как «старые» производства, существовавшие с советского времени, так и «новые», созданные в последние годы, в том числе и иностранные. С точки зрения изучаемой темы их важными отличиями стали более высокий уровень зарплаты (что расширяло возможности и варианты для респондентов при выборе платных развлечений), внедрение новых корпоративных форм проведения досуга.
- ¹⁰ См.: Kelly J. R. Life Styles and Leisure Choices // The Family Coordinator. 1975. Vol. 24, № 2. P. 185–190.
- ¹¹ См.: Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса : социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб. : Интерсоцис, 2007. С. 215.
- ¹² Понукалина О. В. Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 216.
- ¹³ Бутонова Н. В. Указ. соч. С. 205.

Образец для цитирования:

Кузьмина Е. В., Гончарова Н. В. Досуговые практики молодых рабочих промышленных предприятий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 156–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-156-161>

Cite this article as:

Kuzmina E. V., Goncharova N. V. Young Industrial Workers' Leisure Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 156–161 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-156-161>

УДК 316.35.023.4+314.93

Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России

Г. А. Кантемирова

Кантемирова Галина Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, cantem.galina@yandex.ru

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на динамику структуры семьи в России и ее изменение. В России последствия «второго демографического перехода» проявляются, в частности, в том, что растет количество неофициальных «хрупких» семей, а это ведет к увеличению числа неполных семей с одним родителем. Основным отличием России и постсоветских стран в области динамики типов структуры семьи является то, что в настоящее время здесь имеет место наложение эффектов социальной дестабилизации, связанной с крушением социалистической идеологии и экономики и общих для всей Европы явлений так называемого второго демографического перехода. Эта масштабная демографическая трансформация в сфере семейных отношений заключается в общем снижении брачности, повышении удельного веса официально незарегистрированных семей, росте количества детей, рожденных вне официального брака, и изменении традиционной последовательности событий: все чаще дети появляются до официального вступления в брак их родителей. В литературе комплекс этих изменений называется «плюрализация», «дестандартизация» или «индивидуализация» общества. Такие наименования связаны с тем, что происходит все большее ослабление традиционных представлений о формах и последовательности событий в семейной сфере: от жесткого следования предписанным канонам в настоящее время позволяется отходить все дальше.

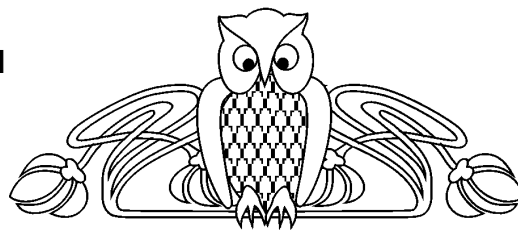
Ключевые слова: социальная динамика, тип брака, структура семьи, демографический спад.

Specific Features of Family Structure Dynamics Types in Russia

G. A. Kantemirova

Galina A. Kantemirova, <https://orcid.org/0000-0002-5107-7628>, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 44–46 Vatutina St., Vladikavkaz 362025, North Ossetia – Alania, Russia, cantem.galina@yandex.ru

The article considers the major factors affecting family structure dynamics in Russia and its change. The consequences of “the second demographic transition” are shown, in particular the growth in the number of informal “fragile” families caused the increase in the number of incomplete single-parent families. The main difference between Russia and the Post-Soviet countries in the field of family structure types dynamics is overlapping effects of social destabilization caused by the crash of socialist ideology and economy and the phenomena of the so-called “second demographic transition”, general for the whole Europe. This large-scale demographic transformation in the sphere of the family relations presents general decrease in the number of mar-

riages, increase in specific weight of officially unregistered families, and increase in the number of children born out of official marriages and change of the traditional sequence of events: even more often children appear before official marriage. The complex of these changes is called “pluralization”, “dестандартизация” or “individualization” of society. Such terms are connected with the weakening traditional ideas on the forms and sequence of events in the family sphere: now it is allowed to depart from strict following prescribed canons more and more.

Keywords: social dynamics, marriage type, structure of family, demographic recession.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>

Основные факторы, влияющие на динамику структуры семьи в России, очевидно, совпадают с таковыми в других странах. Спецификой нашей страны является наличие нескольких периодов сильно выраженной социальной нестабильности, пришедшихся на довольно короткий промежуток времени – XX в. В этот период произошла значительная трансформация традиционного понятия «мать» и ее роли в жизни. Идея социального равенства между мужчинами и женщинами стала основой для пересмотра термина «мать» со сменой контекста: «мать как родитель» сменялась понятием «мать как социальная единица». Процесс эмансипации женщин, начавшийся еще в конце XIX в., значительно ускорился, распространился на все слои общества и привел к появлению социального типа «новой женщины». Труд женщины должен быть ценен с точки зрения общества, государства, работников и его потребностей, он не должен состоять только из работы по дому и ухода за детьми.

Во второй половине XX в., произошло некоторое смягчение социального отношения к материнству. В 1956 г. советские женщины начали получать помощь по беременности и родам. Все беременные женщины получили возможность на освобождение от работы по причине рождения ребенка. Были другие льготы для беременных женщин, которые начали появляться в этот период.

Новая тенденция усилилась в эпоху «брежневского застоя» (1964–1982): в 1970 г. появился список недоступных для женщин профессий из-за риска для здоровья. В тот же период были проведены независимые исследования в области семьи и материнства. Главное место среди поставленных в этих работах проблем занимает проблема гармонизации распределения различных ресурсов между сферами социально-экономической и семейной жизни.

Современные преобразования в России не решили старых проблем. Распад СССР ознаменовал собой начало еще одного периода социальной нестабильности, который вызвал, в частности, выраженный демографический спад, нарушение в отношениях между поколениями, утрату традиционных способов обмена социальным опытом и формирование среды взаимодействия супругов и ребенка.

В 1990-х гг. снижение числа родившихся происходило одновременно со значительным снижением числа зарегистрированных браков на фоне общего демографического спада. Этот показатель в 1998 г. достиг своего минимального значения (849 000). В последующие годы наблюдался рост количества зарегистрированных браков, и в 2011 г. оно достигло значения в 1 316 000. Таким образом, в период 1998–2011 гг. произошло увеличение количества вновь заключенных браков на 55%.

Отмечался и рост количества разводов. Так, их абсолютное число достигло максимума в 2002 г. (854 000). В дальнейшем оно существенно уменьшилось и к 2005 г. составило 605 000. В дальнейшем колебания были менее заметны, и к 2012 г. показатель количества разводов составил 642 000.

Наиболее заметно увеличилась в России доля семейных пар, не регистрирующих брак официально, и поэтому доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака, за анализируемый период выросла особенно значительно. Так, в период до первой половины 1980-х гг. доля детей, родившихся вне официального брака, была относительно низка и составляла около 11%. Затем последовал период весьма быстрого роста, и этот показатель к 2005 г. достиг значения в 30%. В последние годы тенденция роста прекратилась и сменилась некоторым понижением (до 24,6% в 2011 г.)¹.

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что к 2010 г. неполные семьи с одинокими женщинами во главе составляли 26,8%

от числа семейных ячеек с детьми до 18 лет. В таких семьях воспитывались 25,5% от общего числа детей в возрасте до 18 лет, зарегистрированных как проживающие в семьях. Распространенность неполных семей с детьми выше в городской местности, по сравнению с сельской, что согласуется с более высокой долей разводов в городах. Можно предположить, что именно прекращение брачно-партнерских отношений вследствие развода в настоящее время является ведущим фактором изменения относительных характеристик распространенности одиноких женщин с детьми.

Такие разнонаправленные изменения могут свидетельствовать о том, что сдвиги в количественных характеристиках распространенности неполных семей были производными от структурных изменений более общего порядка. Во-первых, изменения возрастной структуры населения России характеризовались абсолютным и относительным сокращением юных женщин до 20 лет с высоким риском рождения детей «без отца», что, вкупе со снижением рождаемости (и частоты незапланированных беременностей) у юных матерей, по-видимому, и обусловило сокращение абсолютного числа одиноких женщин с детьми до 18 лет. Во-вторых, сокращалось общее число семейных ячеек при одновременном росте среди них числа супружеских пар без детей. В результате в общем числе семейных ячеек доля семей одиноких женщин с детьми до 18 лет повысилась.

Объяснить эти явления можно с помощью концепции демографических переходов и, в частности, происходящего в настоящее время в Европе так называемого второго демографического перехода³. Эта масштабная демографическая трансформация в сфере семейных отношений заключается в общем снижении брачности, повышении удельного веса официально незарегистрированных семей, росте количества детей, рожденных вне официального брака, и изменении традиционной последовательности

Таблица 1

Количество неполных семей с матерями-одиночками в общей структуре семейных отношений в России²

Категории населения	Число одиноких женщин, имеющих детей до 18 лет, млн чел.	Доля неполных семей одиноких женщин с детьми до 18 лет в общем числе семейных ячеек с детьми до 18 лет, %	Доля детей, воспитываемых одинокой женщиной-матерью в общем числе детей до 18 лет, живущих в семьях, %
2002 год			
Все население	5,6	26,8	24,0
2010 год			
Все население	5,0	21,1	25,5
Городское население	3,8	22,1	26,9
Сельское население	1,2	18,9	22,5

событий: все чаще дети появляются до официального вступления в брак их родителей⁴. В литературе комплекс этих изменений называется «плюрализация»⁵, «дестандартизация»⁶ или «индивидуализация»⁷ общества. Такие наименования связаны с тем, что происходит все большее ослабление традиционных представлений о формах и последовательности событий в семейной сфере: от жесткого следования предписанным канонам в настоящее время позволяет отходить все дальше⁸. Этим пользуется все большее количество людей, выбирающих те формы структуры семьи, которые более всего соответствуют их личным и прагматическим устремлениям⁹.

Страны бывшего социалистического лагеря позже других европейских стран вступили в этот период, но соответствующие изменения происходили в них более быстро. Это связано с тем, что имело место наложение по времени таких разнородных факторов, как социально-экономическая нестабильность, вызванная форсированным демонтажем социалистической экономики, и социально-психологический шок, связанный с разрушением коммунистической идеологии¹⁰.

Процесс такой трансформации можно наблюдать наглядно. Так, в исследовании, проведенном на материале 19 стран, в том числе и России, было показано, что младшие возрастные группы склонны к более свободному поведению в этой сфере, они демонстрируют большую вариабельность структур семьи, чем представители старших возрастных групп¹¹.

В этой связи интересно выполнить сравнение основных показателей, влияющих на социальную динамику в семейной сфере на материале стран Западной и Восточной Европы, включая Россию (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, иллюстрируют важные и многочисленные различия между странами Западной и Восточной Европы. Так, противоположные тренды наблюдаются в области занятости женщин. Это связано с тем, что, как было сказано выше, социалистическая идеология предполагала максимальную интеграцию женщин в социальную и экономическую

жизнь общества. Этим объясняются изначально высокие показатели занятости женщин в странах социалистического лагеря¹³. После распада этого лагеря либерализация в области экономики и идеологии привела к снижению доли работающих женщин, а во Франции, наоборот, произошло некоторое увеличение этой доли.

Социальная и экономическая нестабильность конца XX в. не могла не отразиться на таком базовом показателе, как уровень рождаемости. Если в странах Западной Европы он оставался стабильным или несколько вырос, как во Франции, то в странах Восточной Европы и в России произошло обвальное снижение этого показателя. Интересно, что страны Центральной Европы, такие как Чехия, легче пережившие смену режимов, испытали это изменение в значительно меньшей степени, чем Россия¹⁴.

Наиболее значительные изменения на протяжении рассматриваемого периода в странах Восточной Европы и в России произошли в области структуры семьи и были связаны со значительным ростом распространенности неофициальных браков (сожительства) и количества детей, рожденных в таких браках¹⁵. Хотя в нашей стране такая форма брака начала распространяться еще до падения СССР, основной рост этого показателя пришелся на постсоветский период¹⁶.

Для всех европейских стран в последнее время было характерно увеличение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка. Это связано, с одной стороны, с возросшими рыночными требованиями к человеку, необходимостью дольше учиться и больше времени тратить на достижение карьерных результатов¹⁷. Так, для молодых образованных женщин стоимость рождения ребенка сильно возросла, если учесть те потери, которые возможны из-за этого в карьерном росте и в доходах¹⁸. С другой стороны, малообразованные люди в условиях социальной нестабильности наиболее уязвимы, именно они в первую очередь теряют работу и средства к существованию. Это заставляет их в таких условиях осмотрительней относиться к вопросу о рождении детей и, как ни парадоксально, приводит

Таблица 2

Основные демографические индикаторы, связанные со структурой семьи в различных странах Европы¹²

Социально-демографические показатели	Франция		Румыния		Россия	
	1990	2006	1990	2006	1990	2006
Рождаемость	1,78	1,98	1,84	1,32	1,90	1,29
Возраст вступления в брак (муж.)	27,7	29,2	23,9	25,3	21,6	27,5
Возраст вступления в брак (жен.)	29,8	31,2	27,2	28,6	24,3	29,0
Возраст рождения первенца	27,0	27,8	22,7	25,1	22,6	24,2
Внебрачная рождаемость, %	30,1	50,5	4,0	29,0	14,6	29,8
Занятость женщин, %	46,0	50,3	59,9	47,9	60,0	56,3

к тем же выводам, что и высокообразованную часть населения¹⁹.

Таким образом, в России, как и в других странах, последствия «второго демографического перехода» проявляются, в частности, в том, что растет количество неофициальных «хрупких» семей, а это ведет к увеличению числа неполных семей с одним родителем. В целом советская система обеспечивала возможность женщине в одиночку растить детей, однако она содержала в себе элемент стигматизации, негативно выделяя одинокого родителя (мать) из общества.

Положение таких семей ухудшилось с распадом СССР, когда на фоне общего экономического спада сократилась и их реальная социальная поддержка²⁰. Такие явления постсоветского периода, как сокращение социальной поддержки в отношении одиноких матерей и их детей наряду с сокращением на рынке труда при изначальном гендерном неравенстве на нем, привели к тому, что неполные домохозяйства стали одними из самых бедных и социально незащищенных в стране²¹.

Основным отличием России и постсоветских стран в области динамики типов структуры семьи является то, что в настоящее время здесь имеет место наложение эффектов социальной дестабилизации, связанной с крушением социалистической идеологии и экономики и общих для всей Европы явлений так называемого второго демографического перехода. Эта масштабная демографическая трансформация в сфере семейных отношений заключается в общем снижении брачности, повышении удельного веса официально незарегистрированных семей, росте количества детей, рожденных вне официального брака, и изменении традиционной последовательности событий: все чаще дети появляются до официального вступления в брак их родителей. Происходит все большее ослабление традиционных представлений о формах и последовательности событий в семейной сфере: от жесткого следования предписанным канонам в настоящее время позволяет отходить все дальше. Этим пользуется все большее количество людей, выбирающих те формы структуры семьи, которые более всего соответствуют их личным и прагматическим устремлениям.

Примечания

- ¹ См.: Российский статистический ежегодник 2002–2012 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.11.2014).
- ² См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. : в 11 т. Т. 6. Число и состав домохозяйств. М. : Федер. служба госстатистики, 2012.
- ³ См.: *Van de Kaa D. J.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42, iss. 1. P. 1–59.

- ⁴ См.: *Billari F. C., Liefbroer A. C.* Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? // *Advances in Life Course Research*. 2010. Vol. 15, № 2–3. P. 59–75.
- ⁵ См.: *Bruderl J.* Family change and family patterns in Europe. 2003. URL: www.nuff.ox.ac.uk/projects/changeequal/papers.asp?selbut=2 (дата обращения: 12.09.2016).
- ⁶ См.: *Mills M.* Stability and Change : The Structuration of Partnership Histories in Canada, the Netherlands and the Russian Federation // *European Journal of Population*. 2004. Vol. 20, iss. 1. P. 141–175.
- ⁷ См.: *Billari F. C.* Choices, Opportunities and Constraints of Partnership, Childbearing and Partnering. 2004. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.569.6987&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 11.10.2016).
- ⁸ См.: *Furstenberg F. F., Kennedy S., McLoyd V. C., Rumbaut R. G., Settersten R. A.* Growing up is harder to do // *Contexts*. 2004. Vol. 3, iss. 3. P. 33–41.
- ⁹ См.: *Sobotka T., Toulemon L.* Overview Chapter 4 : Changing Family and Partnership Behavior : Common Trends and Persistent Diversity Across Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19, № 6. P. 85–138.
- ¹⁰ См.: *Jensen A.-M.* Partnership and Parenthood in Contemporary Europe : A Review of Recent Findings // *European Journal of Population*. 1998. Vol. 14, iss. 1. P. 89–99.
- ¹¹ См.: *Elzinga G., Liefbroer A.* Destandardization of Life Trajectories of Young Adults : A Crossnational Comparison Using Sequence Analysis // *European Journal of Population*. 2007. Vol. 23, iss. 3–4. P. 225–250.
- ¹² См.: *Potarca G., Mills M., Lesnard L.* Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France : Towards the Second Demographic Transition? // *European Journal of Population*. 2013. Vol. 29, iss. 1. P. 69–101.
- ¹³ См.: *Motiejunaite A.* Women's Employment in Eastern Europe – Towards More Equality? // *Inblick Osteuropa*. 2008. Vol. 1. URL: <http://www.inblick.org/?p=2/articles/16/motiejunaite.html> (дата обращения: 12.03.2017).
- ¹⁴ См.: *Philipov D., Kohler H.-P.* Tempo Effects in the Fertility Decline in Eastern Europe : Evidence from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Russia // *European Journal of Population*. 2001. Vol. 28, iss. 1. P. 37–60.
- ¹⁵ См.: *Hoem J. M., Kostova D., Jasilioniene A., Mures C.* Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe : Union Formation as a Demographic Manifestation // *European Journal of Population*. 2009. Vol. 25, iss. 3. P. 239–255.
- ¹⁶ См.: *Gerber T., Berman D.* Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985–2000 : Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition // *European Journal of Population*. 2010. Vol. 26, iss. 1. P. 3–31.
- ¹⁷ См.: *Bavel J. van.* Choice of Study Discipline and the Postponement of Motherhood in Europe : The Impact of Expected Earnings, Gender Composition and Family Attitudes // *Demography*. 2010. Vol. 47. P. 439–458.
- ¹⁸ См.: *Mills M., Rindfuss R. R., McDonald P., Velde E.* Why do People Postpone Parenthood? Reasons and Social Policy Incentive // *Human Reproduction Update*. 2011. Vol. 17, iss. 6. P. 848–860.

¹⁹ См.: Perelli-Harris B., Sigle-Rushton W., Kreyenfeld M., Lappegard T., Keizer R., Berghammer C. The Educational Gradient of Childbearing within Cohabitation in Europe // Population and Development Review. 2010. Vol. 36, iss. 4. P. 775–801.

²⁰ См.: Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в

России // Экономика и социальная политика : гендерное измерение / под ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 36–63.

²¹ См.: Овчарова Л. Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 5. С. 439–456.

Образец для цитирования:

Кантемирова Г. А. Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 162–166. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>

Cite this article as:

Kantemirova G. A. Specific Features of Family Structure Dynamics Types in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 162–166 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>

УДК 316.7

От кризиса нравственности до возрождения традиционных семейных ценностей россиян

Т. К. Ростовская, С. Г. Кара-Мурза, А. М. Егорычев

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований РАН, Москва; заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, Москва, rostovskaya.tamara@mail.ru

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политологии, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, skaramur@rambler.ru

Егорычев Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, Москва; главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, chelovekcap@mail.ru

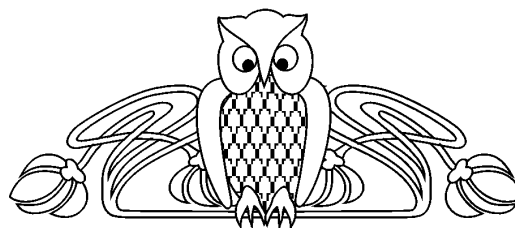
Материал настоящей статьи представляет часть научного проекта, осуществляемого инициативной группой российских ученых с 1995 г. Статья носит аналитический характер. Представленные материалы отражают современную проблему российского государства и общества, порожденную ломкой существовавшего советского строя в 1991 г., разрушением коммунистической идеологии, одновременным поиском новых перспектив, смыслов и ценностей в построении новой России. Авторы уверенно стоят на позиции, которая определяется убеждением в том, что развитие России возможно лишь на национальных основах отечественной культуры, а основным социальным институтом, определяющим устойчивое развитие страны, является российская семья. Кризис нравственности рассматривается как следствие ситуации 1991 г. и как причина, порождающая негативные тенденции в современной России. Данный кризис затронул в большей мере молодежь и институт российской семьи, который составляет основу и условие устойчивого развития страны. Авторы оставляют надежду на выход России из кризиса нравственности, ментальность российского народа просто не позволит разрушить страну.

Ключевые слова: российская молодежь, российская семья, нравственность, традиционные ценности, кризис нравственности.

From Morality Crisis to Traditional Family Values Revival of Russians

T. K. Rostovskaya, S. G. Kara-Murza, A. M. Egorichev

Tamara K. Rostovskaya, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, 6, build. 1 Fotiyevoi St., Moscow 119333, Russia; Russian State Social University, 4, build. 1 Wilhelm Pieck St., Moscow 129226, Russia, rostovskaya.tamara@mail.ru

Sergey G. Kara-Murza, <https://orcid.org/0000-0003-3724-9638>, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, 6, build. 1 Fotiyevoi St., Moscow 119333, Russia, skaramur@rambler.ru

Alexander M. Egorichev, <https://orcid.org/0000-0002-7497-4508>, Russian State Social University, 4, build. 1 Wilhelm Pieck St., Moscow 129226, Russia; Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, 6, build. 1 Fotiyevoi St., Moscow 119333, Russia, chelovekcap@mail.ru

The material of this article is a part of a scientific Project implemented by an initiative group of Russian scientists since 1995. The article is analytical. The presented materials reflect the modern problem of the Russian state and society, generated by breaking of the existing Soviet system in 1991, the destruction of the communist ideology, and the simultaneous search for new perspectives, meanings and values in the construction of a new Russia. The authors confidently stand on the position that is determined by the conviction that the development of Russia is possible only on the national foundations of national culture, and the Russian family is the main social institution that determines the country's sustainable development. The moral crisis is viewed as a consequence of the situation in 1991, and as the cause of negative trends in modern Russia. This crisis affected, to a greater extent, the youth and the institution of the Russian family, which forms the basis and condition for the country's sustainable development. The authors hope that Russia will overcome the moral crisis, the mentality of the Russian people simply will not allow the country to be destroyed.

Keywords: Russian youth, Russian family, morality, traditional values, morality crisis.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-167-171>

Одни из главных проблем современного мира – распад нравственных норм, девальвация общечеловеческих ценностей, придание забвению национальных традиционных смыслов жизненной организации человека и общества. Данный процесс, как цунами, охватил все страны мирового сообщества, подчинив своему влиянию народы, этносы, нации, большие и малые социальные объединения, каждого отдельного человека. Не осталась в стороне и Россия, объединяющая под своим крылом 193 народа, которые, несмотря на разность национальных культур, многие столетия мирно существуют, общаются и взаимодействуют, обогащая друг друга.

Настоящий процесс нравственной деградации – это не просто отдельно взятое социальное явление, это катастрофа всего Российского государства и общества, бытийного мира нашего народа, это трагедия, которая затронула в большей

мере молодежь и институт семьи. Ситуация 1991 г. разрушила сложившиеся основы Российского государства и общества, уничтожила идеологию построения государства и общества на принципах коллективной (государственной) собственности, дружбе народов, великой идее построения счастливого будущего, объединяющей все национальные республики в «единый нерушимый союз».

17 марта 1991 г., граждане Советского Союза на специальном всесоюзном референдуме проголосовали за сохранение СССР, но реальность оказалась значительно сложнее: 8 декабря 1991 г. были подписаны так называемые Беловежские соглашения, где констатировалось прекращение существования Союза ССР как «субъекта международного права и геополитической реальности» и заявлялось о создании Содружества Независимых Государств (СНГ)¹.

Все граждане когда-то великой страны (290 млн чел), надеявшиеся на светлые перемены, не получили того, что ожидали. Более того, сегодня у старшего поколения, получившего прекрасное образование и трудовую закалку в СССР, полностью пропала надежда на светлое и справедливое будущее. Старшее поколение современной России утомлено не только длительным ожиданием, но и отсутствием четких целей и перспектив социального развития страны.

Молодое поколение (дети, подростки, молодежь), родившееся и повзрослевшее в период строительства нового государства и общества (после 1991 г.), вне конкретной идеологии, как отмечают многие отечественные исследователи (В. Э. Бойков, Л. А. Беляева, А. М. Егорычев, Л. Г. Ионин, С. Г. Кара-Мурза, Т. К. Ростовская, И. В. Староверова и др.), находится в зоне большого социального риска. Так, когорты – от детей до молодежи 24 лет – сорвались в «общество травмы» (Л. А. Беляева, 2004; С. Г. Кара-Мурза, 2010). Все они получили травмы разных типов, многие стали беспризорными, другие погибли, третьи, которых большинство, поражены бациллой нигилизма и равнодушия, потребительства и эгоизма.

Следуя общепризнанной концепции, касающейся «социальной природы человека», можно говорить о том, что нынешняя молодежь – это продукт современного социума. И решение проблемы возрождения духовности и нравственности российского общества, как обязательной нормы и условия, его дальнейшего развития, необходимо решать в рамках отечественной национальной культуры, накопленного исторического опыта русским (российским) народом.

Можно уверенно говорить о том, что молодежь – жертва, и нет на ней вины в том, что она такая, как есть. Она продукт нашего российского общества и государства, которое, во второй уже раз в XX столетии (1917 г., 1991 г.), разрушает исторически накопленный потенциал (смыслы и ценности, опыт и идеологию, социальные ин-

ституты и структуры) и начинает строительство нового мира с самого начала.

Так, социолог культуры Л. Г. Ионин пишет о том, что гибель советской культуры привела к распаду сформировавшегося десятилетиями общества, что не могло не повлечь за собой массовой дезориентации, утраты идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом².

Понятно, что массовая дезориентация, утрата социокультурной идентификации на индивидуальном и групповом уровне возможны лишь в обществе, лишенном ясных и понятных каждому человеку целей и задач развития государства и общества, четких моральных и нравственных ориентиров, отсутствия системности в их формировании и развитии. Российский социолог Э. В. Бойков по этому поводу пишет, что любое изменение моральных норм и ценностей происходит на основе моральной системы, которая регулировала взаимоотношения в обществе многие десятилетия или столетия³.

Сегодня стало понятно, что перестройка в СССР проходила по плану и под руководством западной идеологической власти, которая никогда не питала и до сих пор не питает к нам дружеских чувств, была чуждой и, как показало время, враждебной русской (российской) культуре и цивилизации. После 1991 г. первыми были разрушены существовавшая идеология, скрепляющая все сообщество в единую систему, все социальные институты и структуры. В новую Конституцию (1993 г.) под давлением западных «друзей» был внесен следующий тезис, определяющий позицию РФ в построении нового государства и общества (п. 2 ст. 13): «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»⁴. Это является прямым запретом на суверенитет Российского государства, что делает Россию в определенном смысле заложником внешней идеологии.

Следует отметить, что форма выражения идеологий в конституционных текстах разных стран может быть различна, но, тем не менее, они должны выражать четкие идеологические основания, которые определяют логику развития конкретного государства. «В одних случаях это религия и апелляция к соответствующим сакральным текстам. Другой вариант – непосредственно та или иная политическая идеология со ссылкой на определенные учения. Наконец, в третьем случае – это то, что называют “постидеология”, когда идеологические компоненты не явно заявлены, но подразумеваются как нечто само собой разумеющееся (конституции ряда европейских государств)»⁵.

Несмотря на все перипетии, наш долг, касающийся всех небезразличных граждан к судьбе своего Отечества, – обдумать и понять то, что произошло в 1990-х гг., сделать соответствующие выводы и найти жизненные силы, способы и механизмы, направить их на исправление сло-

жившейся «кривизны» в развитии Российского государства и общества.

В общем, чтобы понять какой-то особый аспект всего системного кризиса нравственности в России и выработать соответствующие механизмы необходимых действий, нужны сконцентрированные знания, касающиеся политики, экономики, общества и культуры его народа. И главное – необходимо понять и представить образ и смысл национальной идеи, который должен определять цели и содержание развития нашей страны.

Именно глобальные, социально значимые цели страны, понятные и принятые каждой социальной группой, каждым отдельным человеком, включая понятные и соответствующие российской ментальности идеалы российского человека и общества, выступают определяющей основой успешного развития России, всех ее социальных институтов, и прежде всего института семьи.

Сегодня все российское научно-образовательное сообщество озабоченно судьбой института «российская семья». По признанию многих исследователей (Н. Ю. Егорова, А. М. Егорычев, С. Г. Кара-Мурза, Г. И. Климантова, Т. К. Ростовская, И. Л. Сизова, И. А. Федосеева и др.), институт современной российской семьи находится в состоянии кризиса.

Настоящее исследование представляет три предмета, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены исторической логикой своего развития:

- 1) русская культура;
- 2) современная российская молодежь;
- 3) институт традиционной русской семьи.

Русская культура, современная российская молодежь, институт традиционной русской семьи – это базовые составляющие русской цивилизации, ее устойчивого развития, рассмотрение которых позволит понять причины современного нравственного кризиса, определить пути его преодоления.

В своем следовании авторы опирались на научные концепции, положения и теории известных отечественных ученых, касающиеся: *рождения и развития русской (российской) культуры, духовно-нравственного потенциала ее народа* (Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, А. С. Хомяков и др.); *основ традиционной русской семьи* (И. А. Ильин, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский и др.); *российской молодежи и молодежной политики* (Г. И. Климантова, О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская и др.).

Рассмотрим несколько аспектов проблемы кризиса нравственности в российском обществе. Понимаем, что существуют определенные когорты представителей молодежи, которые в большей мере не подвержены социальным порокам, тем не менее, практика (социологические исследования, официальная статистика) показывает, что значительная часть российского общества сознательно нарушает известные нормы этики и права, зача-

стую игнорируя все духовно-нравственные основы русской (российской) культуры.

Считаем, что причины, порождающие в современной России нарушение социальных и духовно-нравственных норм, носят системный характер и являются, как правило, не личностными и психологическими, а в большей мере социальными. К таким причинам российские ученые социологи Т. К. Ростовская и О. В. Кучмаева относят, прежде всего:

– моральную распушенность молодежи, что касается как межличностных отношений, так и ее отношение к высшим исторически наработанным смыслам и ценностям российского общества;

– отказ от привычных (традиционных) норм отношений пола, что порождает сексуальную распушенность, выражающуюся в различных добрых отношениях;

– допустимость добровольной бездетности⁶.

В своей совокупности обозначенные процессы порождают тенденцию, ведущую к разрушению культурного ядра (социогенома) российского общества, которая всегда выступала и продолжает выступать условием устойчивого функционирования и развития русского (российского) государства и общества.

Также обращает на себя внимание исследователей существующее многообразие форм совместной жизни молодого поколения, когда происходит переход от зарегистрированных браков к так называемым гражданским бракам, от пожизненных браков – к частой смене партнеров. Нарастающая тенденция представляет угрозу традиционному браку как семейному союзу, базовой основе российского общества. Статистика говорит о том, что ежегодно у молодежи популярность к регистрации официальных браков в России уверенно снижается, выводя на первый план гражданские браки.

Проведенное исследование среди студенческой молодежи Российского государственного социального университета (исследование «Отношение студенческой молодежи к браку» проведено в 2018 г. на базе РГСУ, Москва, $N = 270$ чел. в возрасте от 18 до 25 лет. Руководители – профессор Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев) показало достаточно красноречивые результаты (таблица).

Как видим, современная российская молодежь предпочитает добрых отношения, т. е. ясно выражает свое негативное отношение к традиционному институту семьи.

Российские ученые отмечают затяжной процесс кризиса нравственности (начиная с 1991 г.), который связан с внедрением в сознание российской молодежи «... универсальных ценностей западной культуры, ориентированных, прямо либо косвенно, на полное разрушение традиционных ценностей культуры великой России, ее исторического культурного кода. Этой цели были подчинены самые базовые социальные институты страны, влияющие на сознание подрастающего поколения, формирующие его мировоззрение:

Результаты анкетирования студенческой молодежи

Вопросы	Результаты ответов, %
Обязательны ли добрачные (сексуальные) отношения между молодыми людьми? а) обязательны б) необязательны в) затрудняюсь ответить	90,24 3,10 6,66
Если обязательны добрачные отношения, то, на Ваш взгляд, когда можно вступать в «гражданский брак»? а) после месяца знакомства б) после года знакомства в) в любой момент, как подскажет сердце	54,80 22,24 22,96
Чем привлекателен для Вас гражданский брак?	Связывает только любовь Возможность поближе узнать своего друга (сожителя) Так удобно жить Нет особой ответственности друг перед другом Всегда можно порвать отношения

СМИ и образование. Дух порочного либерализма прочно закрепился практически на всех каналах отечественного телевидения, транслирующего бесконечные шоу, и, к сожалению, в системе российского образования, которое подвергается бесконечной модернизации и реформированию»⁷.

Аморализация российского общества начала XXI в. ведет к так называемой сексуальной революции, которая, по словам П. Сорокина, «изменяет жизнь людей более радикально, чем любая другая революция нашего времени. Поле действия этой революции, казалось бы, очень локально: интимные отношения между мужчиной и женщиной. Однако она меняет содержание таких важнейших фундаментальных институтов общества, как брак и семья, рождаемость и смертность, нравственные устои общества»⁸.

Современная российская молодежь и подростки под воздействием окружающей их среды, ее институтов, прежде всего СМИ и Интернета, теряют интерес к традиционным общественным ценностям, включая институт семьи. В эту кампанию вовлечены многие традиционные социальные институты, и прежде всего СМИ с пропагандой демократических свобод. На это часто ссылаются отечественные ученые в своих исследованиях (В. Э. Бойков, Г. С. Гуськова, Н. Ю. Егорова, С. Г. Кара-Мурза, И. Л. Сизова, И. А. Федосеева и др.).

В процессе нарастания кризиса нравственности возникают разные деструктивные формы. Например, в середине 2000-х гг. начал быстро развиваться бизнес мужских услуг сексуального характера на коммерческой основе. Один из исследователей, изучающий эту проблему, пишет: «Мы «пожинаем плоды» стирания нравственных границ и ориентиров у значительной части населения России, особенно среди лиц мужского пола и молодежи. Развитие рыночных отношений, их проникновение во все сферы жизни общества предопределили формирование в России общества, в котором тело человека продается и покупается... Жертвы этого явления чаще молодые люди»⁹.

В 1990-х была надежда на то, что ситуация, связанная с деморализацией молодежи, каким-то образом разрешится, но, как показывает реальная ситуация, она только усугубляется. В данном случае отечественные социологи отмечают проблему школьного насилия, которое, по их мнению, можно объяснить с различных позиций, и обусловлено оно множеством причин биологического, социально-экономического, культурно-исторического характера. Его нельзя рассматривать как явление изолированное, спровоцированное исключительно спецификой школьной среды и воспроизводимое только в ее пределах. Насилие понимается как социальное явление¹⁰.

Дело в том, что нравственное здоровье подрастающего поколения имеет прямую зависимость с физиологией молодого организма. Данные итогов XVIII Конгресса педиатров России за 2015 г. говорят о существовании такой зависимости: «За период с 2000 по 2013 г. общая распространенность нарушений здоровья и развития среди детей в возрасте до 14 лет увеличилась на 27,5%. Среди детей старшего подросткового возраста (15–17 лет) – на 50%. Среди детей всех возрастов отмечается преимущественный рост хронической патологии. Ее доля в структуре всех нарушений здоровья в настоящее время превышает 30% ... Не более 10% детей в полном объеме справляются с требованиями школьных образовательных программ. Среди 85% старшеклассников, имеющих хронические болезни, выявляются признаки социальной и психологической дезадаптации ... Снижается репродуктивное здоровье молодежи. По данным эпидемиологических исследований, до 40% бесплодных браков являются результатом мужского бесплодия, 45% – женского бесплодия и 15% – бесплодия обоих супругов. В большинстве случаев корни бесплодия лежат в детском и подростковом возрасте»¹¹.

Тщательный анализ научной литературы, касающейся настоящей проблематики, говорит о том, что в российском научном сообществе созрело понимание причин кризиса нравственности. Практически все авторы, несмотря на са-

мые разные исследования, касающиеся процесса формирования социальных девиаций в российском обществе, указывают на социальную среду как фактор, определяющий состояние и развитие нравственного климата российского общества.

В современной России исторически сложившиеся духовно-нравственные ценности, являющиеся основой русской (российской) культуры, постоянно подвергаются извращенным формам различных провокаций со сцен государственных театров, кино и телевидения. Все это расшатывать устои российского общества, не позволяя сохранять социальную целостность многонационального российского общества, крепить межпоколенные отношения, успешно строить социальное государство с традиционным укладом. Социальный авантюризм, присущий определенным представителям властных структур страны, несущий в своей основе сущность постмодернизма, как раковая опухоль, начинает разъедать здоровое тело российского социума (науку, образование, культуру, семью, проч.), при этом разрушаются традиционные ценности и традиции, составляющие основы русской (российской) цивилизации.

Подводя итоги, отметим, что ключевое понятие настоящего исследования – нравственность. Поскольку в данной статье рассматривается нравственность в контексте русского (российского) общества, то необходимо учитывать особенности национальной культуры, которая порождает все смыслы и ценности, связываемые с «русской нравственностью».

За многотысячелетнюю историю развития Руси-России слово «нравственность» породило множество синонимов, таких как честность, целомудрие, благонравие, благонравность, благородность, добродетельность, добронравие, добронравность, беспорочность, которые несут сакральный смысл и ценность для каждого русского человека. Можно говорить о том, что эти слова составляют духовную основу русского мира и эта основа является гарантией его сохранения и развития. Русские люди в реализации своего жизненного пути всегда опирались на смыслы и ценности отечественной культуры, творили и создавали свой сложный и прекрасный мир, где духовность и нравственность определяли все особенности их бытия.

Этот мир, построенный на духовно-нравственных смыслах и ценностях русского (российского) народа, сегодня серьезно болен, понятие «прибыль» по своей значимости значительно

превысило сущность понятия «нравственность». Современная система образования служит инструментом передачи смыслов и ценностей мира рыночной экономики, где личный успех выше общественного (коллективного). Гуманитарные программы и сам институт воспитания находятся в крайне тяжелом состоянии. Нравственность как духовное качество личности деформировано у большинства подростков и молодежи.

Но эту проблему можно решить, и она будет обязательно решена. Другого варианта у России просто нет.

Примечания

- 1 См.: Беловежские соглашения 1991 // Большая Российская энциклопедия : в 35 т. Т. 3. М., 2005. С. 228.
- 2 См.: *Ионин Л. Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социс. 1995. № 4. С. 3–13.
- 3 См.: *Бойков В. Э.* Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социс. 2004. № 7. С. 46–52.
- 4 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- 5 Идеология в конституциях стран мира. URL: https://studref.com/486315/politologiya/ideologiya_konstitutsiyah_stran_mira (дата обращения: 10.02.2019).
- 6 См.: *Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Семья – важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 121–133.
- 7 *Егорычев А. М., Ростовская Т. К., Критинин А. С.* Духовность русской культуры как базовый фактор новой государственной молодежной политики России // ЦИТИСЭ. 2018. № 1 (14). URL: <http://ma123.ru/gu/2018/04/духовность-русской-культуры-как-базо/> (дата обращения: 10.02.2019).
- 8 *Сорокин П. А.* Американская сексуальная революция / под ред. Н. Е. Марковой. М., 2006. С. 10–11.
- 9 *Смирнов А. М.* Распространение мужской проституции в России как социальная проблема // Социс. 2018. № 8. С. 128.
- 10 См.: *Сизова И. Л., Егорова Н. Ю.* Насилие в школе и проблемы семьи // Социс. 2016. № 3. С. 128–131.
- 11 XVIII Конгресс педиатров России с международным участием. URL: http://www.pediatr-russia.ru/spr_kongress2015.html (дата обращения: 10.02.2019).

Образец для цитирования:

Ростовская Т. К., Кара-Мурза С. Г., Егорычев А. М. От кризиса нравственности до возрождения традиционных семейных ценностей россиян // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 167–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-167-171>

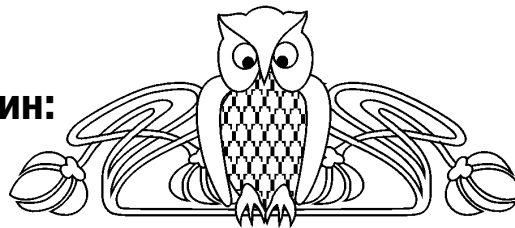
Cite this article as:

Rostovskaya T. K., Kara-Murza S. G., Egorychev A. M. From Morality Crisis to Traditional Family Values Revival of Russians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 167–171 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-167-171>

УДК 303.442:316.47

Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин: опыт качественного исследования

К. О. Сомхшвили

Сомхшвили Кристина Отариевна, старший преподаватель кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, skristina13@inbox.ru

Статья посвящена рассмотрению интерпретаций социальной солидарности. Социальная солидарность представляет собой сложный и противоречивый конструкт, определяемый одновременно и как объективно существующий факт, и как субъективно переживаемое чувство, как что-то способное появиться только в обществе и одновременно являющееся одной из его характеристик. В статье делается предположение о существовании отличных от уже рассмотренных в литературе представлений о социальной солидарности. В основе статьи – результаты эмпирического исследования, выполненного методом интервью. Информантами стали двадцать мужчин, которым задавались вопросы из трех блоков: определение социальной солидарности, практики социальной солидарности, основные характеристики социальной солидарности. Было зафиксировано, что социальная солидарность воспринимается как исключительно положительная характеристика или качество, трактуется как нечто «само собой существующее», проявляющееся на основе и через высказывания, взаимодействия и деятельность. Обязательным условием формирования и проявления солидарности является «повод», в качестве которого может выступать как позитивное, так и негативное событие. В ходе исследования было обнаружено деление информантов на две группы: первые говорили о возможности солидарности в однородных группах, обращаясь к солидарности между равными или схожими, вторые – о появлении солидарности там, где можно фиксировать различия. Одним из ключевых элементов стало определение границ социальной солидарности, а также классификация событий как солидарных или основанных на солидарности. По итогу были определены дихотомии, отраженные в обыденных представлениях, которые в дальнейшем могут быть трансформированы и использоваться в качестве измерителей в инструментарии количественного исследования.

Ключевые слова: социальная солидарность, теории социальной солидарности, обыденные представления, качественное исследование.

Social Solidarity of Men's Trivial Concepts: The Experience of Qualitative Research

К. О. Somkhisvili

Kristina O. Somkhisvili, <https://orcid.org/0000-0002-6051-3129>, Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614990, Russia, skristina13@inbox.ru

The article considers social solidarity and its interpretation. Social solidarity is a complex and contradictory construct, an objectively existing fact and subjectively experienced feeling at the same time. It is something what can appear in society and become its

characteristics. It is assumed that the ideas about social solidarity differ from those already considered in earlier. The results of the empirical research are obtained by means of interview method. Twenty male respondents were asked three blocks of questions: the definition of social solidarity, the practices of social solidarity, and its main characteristics. The research showed that social solidarity is perceived as an exceptionally positive characteristics reveling on the bases of words, interactions, and activity. The obligatory condition for formation and manifestation of solidarity is the reason which maybe positive or negative. The research showed the division of respondents into two groups: the first claimed about solidarity possibility in homogeneous groups appealing to solidarity among the equal and the like; the second insisted on solidarity existence among the different. The definition of social solidarity boundaries and classification of the events base on solidarity were the key elements. The results defined dichotomies reflected in trivial concepts which can be transformed and used as quantitative research instruments in further research.

Keywords: social solidarity, theories of social solidarity, everyday ideas, qualitative research.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-172-178>

В противовес тенденции атомизации современного мира идет процесс интеграции. На фоне кризисов и ускоряющихся темпов развития общества появляется необходимость в том, что позволило бы обществу оставаться целостным. В качестве такой связующей силы может выступить социальная солидарность, при этом она способна проявляться не только на микро-, но и на социетальном уровне на фоне необходимого совместного взаимодействия.

В первом приближении можно говорить, что тема социальной солидарности достаточно изучена. Она интересовала социологов на протяжении всего исторического пути социальной науки, привлекая к себе то больше, то меньше внимания. Так, классики социологии (Э. Дюркгейм¹, М. Вебер², Т. Парсонс³ и др.) предлагают прямые или косвенные способы классификации социальной солидарности, так или иначе определяя ее как естественную или естественно возникающую характеристику общества, которую можно выявить через социальные действия или социальные факты. Отечественные авторы (А. С. Хомяков⁴, П. Л. Лавров⁵, С. Л. Франк⁶ и др.) предлагают обратиться к эмоциональному переживанию солидарности. Солидарность рассматривается ими в качестве переживания некоторого чувства общности, изначально присущего каждому человеку. В целом и те и другие исследователи выдвигали различные основания для

определения границ и характеристик солидарности. В качестве основной линии изучения солидарности можно обозначить поиск оснований ее существования и определение ее роли в функционировании общества. Подтверждается особое положение солидарности: с одной стороны, она выступает как основа общества, необходимое условие его существования, с другой, как нечто, способное появиться только в обществе, в контексте определенных социальных отношений.

Изменение условий жизни и характера отношений между людьми порождает новые формы и проявления солидарности, она находит способы своего выражения через повседневные практики. Современные авторы при рассмотрении социальной солидарности чаще обращаются к определенным жизненным ситуациям, практикам солидарности или ее типологиям, сложившимся за счет изменения социальных отношений (М. К. Зверев и О. А. Кармадонов⁷, А. Н. Окара⁸, А. Б. Гофман⁹ и др.). Определение отталкивается не от самой категории социальной солидарности, а от оценки взаимодействия как солидарного или принятия за аксиому, что оно выражает солидарность. Рассматривая шире, можно предположить, что каждая практика так или иначе может быть разобрана на предмет поиска солидарности, что, в свою очередь, не дает целостного представления о солидарности и в совокупности описывает лишь различные ситуации ее проявления. Солидарность представляется как неопределенная характеристика, обязательно присутствующая во взаимодействии людей, а условия взаимодействия начинают ее описывать.

Таким образом, теоретические подходы не дают возможности формирования полного представления о социальной солидарности в современном мире, они, скорее, могут рассматриваться как ограниченный круг инструментов для ее определения и изучения, оставляя открытым вопрос об оценке уровня солидарности и ее характеристиках на сегодняшний день. Кроме того, теоретические разработки представляют, скорее, общее представление о причинах и моменте возникновения солидарности. А современные прикладные исследования, при попытке взять их за основу, любое взаимодействие могут определять как солидарность.

Неопределенность сохраняется и при обращении к словарям. Определения слова «солидарность» даются через широкий перечень понятий – от «единства» до «деятельного сочувствия». Сама категория социальной солидарности и обозначение ее границ остается достаточно спорным вопросом. Основываясь на классических и современных подходах, можно говорить о солидарности как о сложном конструкте, включающем в себя объективные действия и субъективные переживания и оценки.

В рамках научного описания солидарности мы видим две ее стороны. С одной – речь идет

о реальных практиках и формах проявления совместной деятельности людей, с другой – об эмоционально переживаемых, субъективных оценках. При этом сама солидарность может представлять собой объективную взаимосвязь и субъективную сплоченность, которая основана на понимании единства взглядов, норм, ценностей и целей и носит деятельный характер. Или как система функционирования индивидов в пределах их совместных действий, основанных на разделяемых целях, ценностях и нормах, включающая в себя внутреннее чувство единства и внешние его проявления по определенному поводу. Данный конструкт является теоретическим и основан на предыдущем опыте изучения солидарности. Он отталкивается от возможности интерпретации действия как солидарного, а не от понимания самой солидарности. У нас есть представление о солидарности, но оно не подкрепляется знанием о ее интерпретации. Именно это приводит к необходимости изучения интерпретаций солидарности, которые существуют сегодня в сознании индивидов.

Рассмотренные ранее подходы к пониманию социальной солидарности представляют собой либо общетеоретические конструкты, отвечающие на вопрос о том, когда возникает и какой бывает социальная солидарность, при этом сохраняется привязка ко времени жизни авторов, сам же феномен подвижен, либо работу с ситуациями солидарного поведения, что не дает целостной системы показателей. Таким образом, не через характеристики идет определение события как солидарности, а событие изначально определяется как таковое, что создает спор в определении солидарности. Солидарностью становится все то, что так кем-либо называется. Происходит отбор событий, отражающих взаимодействие людей по определенному поводу, оно, по мнению самих участников или стороннего наблюдателя, определяется как акт солидарности, и только после этого происходит действительно подробное описание, а значимые характеристики события переносятся на солидарность как явление. Это, с одной стороны, дает разнообразие феномену, с другой – любое совместное действие позволяет рассматривать как солидарность. Здесь проявляется отсутствие соприкосновения переживания солидарности и ее научного определения. Оказывается спорным вопрос о возможности работы с социальной солидарностью как с категорией, описывающей общество.

Отсюда целью настоящего исследования является поиск определений и характеристик социальной солидарности в обыденных представлениях современных россиян. Необходимо установить достаточность существующего на сегодняшний день способа интерпретации социальной солидарности и его соответствия жизненному миру индивидов.

Определение того, как солидарность представляется и переживается индивидами, должно помочь не только в расширении границ понимания изучаемого феномена, но также в поиске способов измерения солидарности.

В рамках исследования одним из пунктов является поиск новых интерпретаций социальной солидарности, что закономерно ведет к использованию качественной традиции. Методом сбора данных выступило неструктурированное интервью. Информантам было предложено высказать мнение по поводу социальной солидарности, привести примеры и дать определение. Важным было фиксирование тех характеристик, которые отмечались как значимые, а также форм и практик солидарности.

В исследовании приняли участие 20 мужчин в возрасте от 24 до 35 лет, характеризующихся различным типом занятости. Среди опрошенных были представлены следующие категории: безработные, самозанятые, наемные работники, занятые на различных позициях в частных и бюджетных организациях. Обращение в рамках исследования к молодым мужчинам обусловлено их высокой включенностью в систему социального взаимодействия. Они представляют различные жизненные ориентации и отвечают требованию формирования группы. Основным критерием отбора стало требование наполнения выборки, а в качестве метода выступил интенсивный отбор.

Методом обработки данных выступило открытое кодирование. Оно позволяет сохранить ответы информантов и работать непосредственно с ними, не подвергая их процедуре сжатия до контекстов¹⁰. Впоследствии для удобства представления логики повествования были составлены схемы интервью, на которых была отражена не только информация непосредственно по определению солидарности, но также порядок изложения и переход между микротемами, так как при едином вопроснике порядок вопросов отличался. Респонденты переходили к разным аспектам социальной солидарности уже после первого вопроса.

Определение форм и практики социальной солидарности на материалах интервью. Первой темой является подбор антонимов или ассоциаций для определения значения социальной солидарности. Респондентам предлагалось отыскать ассоциации, которые у них возникают при словосочетании «социальная солидарность». Это не только позволяет рассмотреть, какие первые ассоциации возникают при упоминании о социальной солидарности, но и дает информацию для дальнейшего построения диалога. Ассоциации, полученные в ходе исследования, можно поделить на две большие группы: ассоциации идентификации и ассоциации переживания или проживания. Так, солидарность предлагается идентифицировать с «большим

скоплением людей», «символами, обозначающими этих людей», «одна социальная группа», «разные социальные группы», «разные классы внутри общества», «толпа», «солидарность трудящихся», «профсоюз», «сообщество», «команда». Следует обратить внимание, что в качестве критерия идентификации есть две диаметрально противоположные позиции: солидарность рассматривается, с одной стороны, как возможная характеристика только для однородных по положению в обществе групп, т. е. она строится на сходстве и необходимости поддержания «такого же как я», с другой – в качестве необходимого условия существования общества, так как ее миссия в объединении различных, а зачастую попросту противоположных групп. Также отмечается, что солидарность – это категория, скорее, прошлого, даже советского прошлого, чем сегодняшнего дня: *...это слово всегда несет в себе какой-то некий контекст старых годов где-то начала двадцатого века...* (безработный, 29 лет). Современное общество характеризуется как слишком неодинаковое и разобщенное.

Ко второй группе относится описание характеристик солидарности с точки зрения ее переживания: «чувствуют себя едиными», «единство», «согласие», «сопереживание», «взаимопомощь», «совпадение мнения», «устойчивая социальная связь», «как говорят многие, так говорю я», «согласие», «консенсус», «товарищество», «кооперация», «поддержка», «взаимопомощь», «взаимовыручка», «общность», «схожесть», «совместная деятельность», «терпение», «совместные действия». Эти характеристики относятся к эмоциональному и действительному проявлению отношений между людьми и оснований их проявления. Также важно, что все эти, в том числе проживаемые, характеристики имеют явно позитивную окраску в контексте речи информантов.

В повседневной жизни можно встретить выражение «я солидарен». В интервью такую формулировку опрошенные объяснили как выражение согласия или поддержки. При этом мы получаем некоторый континуум согласия, где действительно значимыми и ценными будут две крайние позиции: полностью согласен и полностью не согласен, принятие или непринятие точки зрения, взглядов другого. Однако возникает вопрос, достаточно ли просто быть согласным или это согласие должно подкрепляться определенными действиями, чтобы мы могли рассматривать согласие и солидарность как категории, описывающие один феномен? Исходя из ответов на вопросы интервью, можно выделить следующие показатели согласия как солидарности:

- 1) быть, по крайней мере, не против;
- 2) быть солидарным – это не только сказать, но и мыслить солидарно, разделять определенные взгляды и представления. При этом не подразумевается активной трансляции своей позиции;

3) согласие, выраженное в непосредственном действии;

4) согласие и поддержка – это две характеристики солидарности. Согласие при этом предполагает отсутствие действия, а поддержка представляет собой деятельность.

Также можно говорить о двух ориентациях в определении социальной солидарности: тяготение к рассмотрению ее на уровне личной ответственности или, наоборот, тяготение к рассмотрению как проявляющееся только в совместном взаимодействии и совершении определенных действий. Кроме того, обращалось внимание на отличие того, что такое солидарность и как ее должны воспринимать другие. При этом возникали трудности с выбором именно первого слова, которое идет после «это», что может говорить об отсутствии четкого представления границ солидарности. Давая определение, зачастую было проще перейти на конкретные примеры, нежели подбирать нужное слово.

Зачастую, не задумываясь о реально складываемом посыле, мы говорим такую фразу, как «мы/я солидарны/ен с...», при этом имея в виду достаточно расплывчатый набор случаев. Можно поставить под вопрос, а солидарность ли имеют в виду при такой постановке вопроса? Также можно встретить выражения «мужская солидарность» или «женская солидарность», что в действительности предполагает наличие разделенных интересов или процесса мышления, характерного для общностей, имеющих преимущественно деление по признаку пола. К такому способу объяснения прибегали несколько респондентов, однако сами же отмечали, что это устоявшееся выражение: *...примеры солидарности. Далеко ходить не надо, женская солидарность, женщины всегда поддерживают женщин. Мнение может даже как бы не особо касаться, но ведь надо поддержать* (инженер-конструктор, 29 лет); *Когда говорят: журналистская солидарность, мужская солидарность там. Я его поддержал потому что он тоже мой коллега* (журналист, 30 лет).

Что на самом деле подразумевают люди, используя категорию «солидарность», какие поведенческие конструкты они с ней соотносят и как сами ее идентифицируют? Какие события реальной жизни могут подходить под это определение? На каком уровне происходит узнавание и трактовка солидарности? Эти и многие другие вопросы встают при попытке соотнесения результатов исследований и представлений ученых. Действительно ли то, что мы как исследователи предлагаем использовать для описания и работы с социальной солидарностью, именно так и переживается людьми?

Вопрос «Что имеют в виду, когда говорят: я солидарен?» вызывает мгновенную реакцию: «я согласен», – так отреагировали практически все респонденты. Само же это согласие оказывает

отнесенным не только к разным ситуациям, но и вообще принимается как существующее в разных границах. Так, например, это может означать принятие точки зрения другого такой, как она есть, быть *по крайней мере, не против. Пассивное согласие; уважать традиции других людей; думать так же* (журналист, 30 лет). При этом опять проявляется тяготение только уже не к двум полюсам, а к трем точкам на континууме доверия. Первая: не выражать несогласия, т. е. дать внутреннюю оценку тому, с чем ты солидарен или нет, но не выходить за пределы этой личной оценки. Вторая: обозначение своей солидарности, т. е. *Молчаливое согласие – не солидарность. Нужно проговорить, обозначиться* (продавец-консультант, 26 лет). Речь идет о трансляции своей позиции, назывании себя и отнесения к тем или иным взглядам и идеям, оно выражается в согласии с идеей. Третья: не только называться, но и принимать активное участие, совершать действия, позволяющие идентифицировать участников как солидарных. Здесь говорится о помощи и взаимопомощи, взаимодействии для достижения определенных результатов, при этом само это взаимодействие ограничено кругом социально значимых вопросов. Пример высказывания: *Социальная солидарность. Сбор вещей в детдом, кормление нищих, сбор чего либо животным и так далее... солидарность – это содействие* (продавец-консультант, 26 лет).

Обращаясь к примерам социальной солидарности, можно разделить их по уровню, характеру включенности действующих субъектов и их количеству. Можно это представить в виде пересекающихся осей координат, где вертикаль – количество участников, а горизонталь – масштаб события. Все примеры социальной солидарности могут быть рассмотрены как ее практики или некоторые события, при этом обращаясь к описанию события вообще, как типичного случая, подразумеваются одна–две реально существовавшие ситуации. Один и тот же пример может быть применен как на уровне межличностных отношений, так и на уровне массового социального явления.

Так, в качестве примера социальной солидарности был назван футбол: *Футбол – то, что нас объединяет. Это большая игра, любовь. Мы его любим, мы в него играем, говорим о нем* (сотрудник ФСИН, 27 лет). При этом отражены три параметра: действие, по которому мы идентифицируем (любим и играем), значимость (большая игра) и характеристика как объединяющей силы (нас объединяет). Подобная схема накладывается и на другие названные практики социальной солидарности. Уважение традиций других («уважаю», «для меня важно» и «мы»). Уступать место в автобусе. Так, например: *уступить место – так принято и правильно; все так должны поступать* (журналист, 30 лет). При этом даже то, что опре-

деляется законодательством или нормами морали, интерпретируется как свое собственное.

Сложности начинают возникать при приведении примеров, так или иначе связанных с политической сферой. Выборы, митинги, демонстрации и т. д. также подходят под описание из трех составляющих, именно они и встречаются чаще всего. Но на фоне того, что вначале солидарность определяется как позитивно окрашенная категория, ее проявление в событиях, носящих негативно воспринимаемый характер, становится спорным, к чему приходят и сами респонденты. Это выражается в попытках избегания примеров или их оценки. В итоге мы получаем ситуацию, когда в представляемом правильном мире, мире определений это действительно примеры солидарности, а в реальной практике, с которой люди сталкиваются в жизни, – это солидарности, ограниченная множеством условий. У солидарности появляется на этом этапе характеристика – осознанность. Именно понимание действий и их последствий приводится как основное свойство. Но ничего не говорится о соответствии этого понимания реальной ситуации.

Еще одной группой примеров солидарного поведения являются ожидаемые реакции, основанные на стереотипах. Приводятся примеры о поддержке в группах по полу, профессиональных сообществах, мировоззренческих общностях. При этом ранее, когда давались определения социальной солидарности, можно было выделить два направления: первое – солидарность возможна только в гомогенных группах, второе – солидарность возможна как в гомогенных, так и в гетерогенных группах, именно похожие или одинаковые взгляды, принятие определенного порядка дают возможность проявления солидарности. Также важно отметить, что как в случае гомогенности, так и гетерогенности определяющим является не номинальное отношение к одной из групп, а идентификация себя как члена общности, обладающего определенными характеристиками. Одной из важнейших характеристик для отмечающих гомогенность как условие солидарности является схожий жизненный уклад, понимание проблем как идентичных тем, с которыми сталкиваются в повседневности: *...какая-то группа, которых объединяет одна проблема, допустим сообщество алкоголиков. Когда они понимают, что нужно избавляться от алкоголизма, они идут в свое сообщество, собираются. И они там друг друга поддерживают: «вот я не пил, там, два года, три года». Что-нибудь такое (программист, 25 лет); Социальная солидарность. Согласие с какими-то социальными группами. Схожими с твоей. Ты бедный, видишь там бедного, тоже там ему монетку положишь. Все в таком духе. Какое-то согласие, понимание того, в какой роли находится человек того же социального статуса, что и ты (журналист, 30 лет).*

Чем выше уровень общности, для которой мы рассматриваем солидарность, тем более глобальной должна быть причина («повод»). При этом она должна быть ограничена и реально воспринимаема. В качестве той силы или того специфического фактора, который может сплотить общество, называется объединение против общего врага. В качестве примера же приводится Великая Отечественная война как событие, на фоне которого проявилась социальная солидарность целого общества. По аналогии можно предположить, что борьба с голодом, экологические катастрофы и другие мировые проблемы должны определять появление солидарности. Однако ни в одном из интервью это не прозвучало. Так же в случае с войной солидарность как бы противопоставляется ей.

Таким образом, можно отметить специфичную логику, которая прослеживается в каждом интервью. Первое, на что реагируют информанты, – это само словосочетание «социальная солидарность»; далее делается попытка определить свое положение относительно данной характеристики. Несмотря на то, что зачастую солидарность характеризуют как устаревшее понятие, (*это что-то рабоче-крестьянское* (зам. директора организации в лесопромышленной отрасли, 30 лет)), опрошенные приходят к выводу о ее существовании сегодня и предлагают свою картину солидарности.

Социальная солидарность оказывается изначально определяемой как исключительно положительная характеристика или качество. Солидарность не может быть рассмотрена в негативном ключе, а все, что может характеризоваться как негативное, не является солидарностью и противопоставляется ей.

На следующем шаге происходит насыщение самого понятия. Ему дают характеристики (без выхода за пределы позитивных) и соотносят с реальными ситуациями. Так, солидарность становится необходимым условием этих случаев. Однако возникает вопрос о том, как же эта социальная солидарность должна проявляться, когда она существует? С этого момента можно выделить различия, которые отражаются прямой линией от мысли до действия. Но таких линий может быть как минимум две. Первая будет строиться на том, что каждый следующий уровень представляет собой отрезок от начала (началом будем считать мысль) и до соответствующей степени выраженности. А вторая будет представлять набор точек с фиксированным местом относительно друг друга. Первый случай не предполагает действия без мысли, второй же, напротив, – дает возможность такому существованию.

Отсюда возникают две шкалы измерения солидарности: шкала, по которой можно определить положение индивида на континууме от полной солидарности до ее полного отсут-

ствия, и шкала с накоплением выраженности солидарности.

Дальше становится необходимым различение, отделение «солидарности» от «не солидарности». Оно может происходить через выделение определенных событий, которые понимаются или нет как солидарные, или через выдвижение требований к солидарности. В действительности и первое, и второе в сумме дают именно набор маркеров-определителей, в каком случае перед нами пример социальной солидарности, а в каком – что-то похожее на нее, но ею не являющееся. После рассмотрения случаев проявления солидарности происходит возврат к определению, однако оно дается таким образом, чтобы все ранее сказанное становилось действительно солидарностью. Определяются точки отсчета и наборы требований к идентификации солидарности. Корректировка понимания происходит за счет смены самого определения, указания на отдельные аспекты события, в которых есть солидарность, или признания события как одной из форм солидарности.

Необходимость солидарности не проявляет себя в открытом высказывании, скорее, она воспринимается как само собой разумеющееся. Не стоит вопрос о том, что нужно для появления солидарности, и нужна ли она вообще, скорее, она существует. Мы же можем только выделять ее при ярких проявлениях.

Социальная солидарность, с одной стороны, обладает указанным набором необходимых характеристики, с другой – представляет собой набор континуумов, местоположение на этих континуумах в дальнейшем может служить основанием для характеристики уровня солидарности как высокого, среднего или низкого.

Сами континуумы представлены следующими полярными положениями: солидарность «внутри» субъекта («если я думаю, что солидарен, то я солидарен») или солидарность во взаимодействии («я солидарен, когда включаюсь во взаимодействие»). Это поддерживается континуумом «соглашаться с позицией» и «активно участвовать». Также, говоря о солидарности, для иллюстрации можно обращаться к стереотипам (мужская, женская, европейская солидарность) или к событиям (солидарен по поводу или во время). Здесь определение солидарности дает континуум от действия по инерции, до продуманного решения. Солидарность может представляться как осознанная поддержка или осознанная деятельность. В качестве событий, порождающих социальную солидарность, можно выделить негативные и позитивные.

Таким образом, можно говорить о существовании отличных от обсуждаемых в рамках научного дискурса имплицитных теорий социальной солидарности. С одной стороны, они, как и классические подходы, предлагают список критериев, выраженность которых свидетельствует о наличии или отсутствии солидарности,

что потенциально может быть использовано в качестве критериев оценки уровня солидарности. С другой стороны, солидарность, признаваясь всегда так или иначе существующей, приобретает исключительно позитивную коннотацию. При этом сами события, с которыми связано проявление солидарности, таковыми быть не обязаны.

В определении солидарности значимую роль играет выбор достаточного условия. Так, в рамках одних взглядов для солидарности достаточно проявления эмоционального участия, разделения чувств или взглядов той или иной группы, другая точка зрения для определения солидарности требует существования действия. При этом действие должно быть направленным и осознанным, только если оно совершено и действующий субъект (действующие субъекты) предполагает возможные последствия. И в том и в другом случаях социальная солидарность требует повода. При обращении к масштабу участников минимальным условием в одном случае является каждый отдельный человек, в другом отсчет начинается с двух людей, при этом верхняя граница обозначается как слабо достижимая, но возможная при наличии ярко негативного или позитивного события.

Выявленные характеристики социальной солидарности могут в дальнейшем стать основой разработки инструментария исследования в количественной традиции, предложить систему показателей оценки состояния солидарности в обществе.

Примечания

- 1 См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана ; примеч. В. В. Сапова. М. : Канон, 1996.
- 2 См.: Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. М. : Юрист, 1994.
- 3 См.: Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 94–122.
- 4 См.: Хомяков А. С. Церковь одна. М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001.
- 5 См.: Лавров П. Л. Исторические письма 1868–1869 // Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения : в 2 т. М. : Мысль, 1965. Т. 2.
- 6 См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.
- 7 См.: Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества : потоки и преграды. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012.
- 8 См.: Идеология и философия солидаризма : материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 9. М. : Научный эксперт, 2010. URL: http://rusrand.ru/files/13/07/26/130726022542_Gum_nauka_vyp_9.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
- 9 См.: Гофман А. Б. Социальная солидарность – пробуждение социологической идеи // Социология и обще-

ство : глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV ВСК. М. : РОС, 2012. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/Part1.pdf> (дата обращения 20.04.2018).

¹⁰ См.: *Страусе А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования : обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Образец для цитирования:

Сомхивили К. О. Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин: опыт качественного исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 172–178. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-172-178>

Cite this article as:

Somkhishvili K. O. Social Solidarity of Men's Trivial Concepts: The Experience of Qualitative Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 172–178 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-172-178>

УДК 338(470+571)

Формирование инновационных механизмов частно-государственного партнерства как часть реализации Национальной технологической инициативы в Российской Федерации

В. В. Гусев, О. А. Милючихина

Гусев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, vladgus2006@yandex.ru

Милючихина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, reschenko@mail.ru

В статье рассматриваются новые подходы к развитию партнерства между государством, бизнесом и российской системой образования, выстроенные в логике реализации стратегии Национальной технологической инициативы. Национальная технологическая инициатива (НТИ) по своей сути представляет собой экономическую философию, основанную на деятельности по формированию принципиально новых рынков для нашей страны. Большая роль в реализации стратегии отводится частно-государственному партнерству, которое выстраивается в форме консорциумов как институтов поддержки развития технологических инициатив. При реализации НТИ также большое внимание уделяется стратегическому прогнозированию, понятиям сетевых рынков и «уберизации» экономики на основе распространения информационно-цифровых технологий

Ключевые слова: частно-государственное партнерство, Национальная технологическая инициатива, инвестиции, инновации, сетевой рынок, нейрокommunikации.

Formation of Public-Private Partnerships Innovative Mechanisms as a Part of National Technology Initiative Implementation in Russian Federation

V. V. Gusev, O. A. Miliuchikhina

Vladimir V. Gusev, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, vladgus2006@yandex.ru

Olga A. Miliuchikhina, <https://orcid.org/0000-0002-7165-9270>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, reschenko@mail.ru

The article deals with new approaches to the development of partnership between the state, business and the Russian education system, built in the logic of the strategy of the National Technological Initiative. The National Technology Initiative (NTI) is essentially an economic philosophy based on activities aimed at creating fundamentally new markets in this country. A large role in the implementation of the strat-

egy is given to private-public partnership, which is made in the form of consortia of institutions for supporting the development of technological initiatives. In the course of NTI implementation, much attention is also paid to strategic forecasting, the concepts of network markets and the «uberization» of the economy based on the spread of information and digital technologies

Keywords: public-private partnership, the National technology initiative, investment, innovation, network market, nanocommunication.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-179-182>

Выстраивание партнерских взаимоотношений между государством и бизнесом является для России чрезвычайно важной задачей. В настоящий момент именно развитие частно-государственного партнерства во многом позволит снизить те негативные тенденции, которые имеют место в российской социально-экономической системе, в частности, привлечь инвестиции в различные сектора экономики. Частно-государственное партнерство является важной частью современных эффективных мировых хозяйств. При этом рост эффективности российской экономики напрямую зависит от ускорения научно-технического развития и скорости формирования нового технологического уклада. На наш взгляд, в парадигме развития цифровой экономики во взаимоотношениях между государством и бизнесом приоритетное значение должны приобрести партнерские отношения, при этом патерналистским настроениям в данном секторе деятельности целесообразно отойти на второй план, поскольку предполагаемая модель развития основана на паритетном, равноправном взаимодействии между государственными институтами и бизнес-сообществом, при котором государство рассматривается как поставщик услуг, обеспечивающих развитие инновационной экосистемы, а не как гарант безрискового развития.

В настоящее время в Российской Федерации партнерство между бизнесом и государством декларируется и развивается, но недостаточно активно. Более того, сама трактовка этого понятия зачастую сужается и отождествляется с развитием концессионных отношений. Напомним, что согласно Федеральному закону «О концессионных соглашениях»¹ концессия предполагает вовлечение бизнеса в процесс управления госсобственностью или оказание услуг, которые обычно оказывает государство на взаимовыгодных условиях. Ограничена и сфера применения концессионных механизмов, это в основном такие инфраструктурные отрасли,

как ЖКХ, дорожное строительство, в меньшей степени медицина, образование, туризм. Проблема в том, что данный механизм ориентирован, прежде всего, на вовлечение бизнеса в те сферы, которые традиционно считаются малоэффективными в условиях современной России. Очевидно, что такой механизм не способен обеспечить эффективное развитие партнерских отношений между бизнесом и государством в текущей перспективе, а тем более в будущем, во время перманентно разворачивающейся глобальной технологической революции, приводящей к колоссальным изменениям в самой структуре производства и экономики.

В подобных условиях и государству, и бизнесу, ориентированному на работу в России, очевидно, что частно-государственное партнерство должно охватывать более масштабные сферы и, что очень важно, оттапливаться от новых структурных и временных координат. В Послании Федеральному Собранию 2014 г. при формировании контуров будущего Президент РФ В. В. Путин обозначает эту мысль так: «На основе долгосрочного прогнозирования необходимо понять, с какими задачами Россия столкнется через 10–15 лет, какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, качество жизни людей, развитие отраслей нового технологического уклада»². В настоящий момент этой логике отвечает развитие российской стратегии Национальной технологической инициативы (далее – НТИ). Результатом ее реализации должно стать достижение долгожданного преимущества России на мировых рынках или как минимум занятие достойной позиции в экономике будущего.

Стратегия НТИ представляет, на наш взгляд, принципиально новый подход к организации взаимоотношений государства, частных компаний разного уровня (от крупных корпораций до стартапов), а также еще одной категории участников – научного сообщества в лице ученых, исследователей, научно-исследовательских институтов и базовых университетов.

Национальная технологическая инициатива – это, прежде всего, новая экономико-технологическая философия, на основе которой могут строиться взаимоотношения государства, бизнеса и общества. К примеру, в НТИ нет задач импортозамещения или модернизации существующих отраслей. Вместо этого НТИ предполагает создание стратегий формирования принципиально новых рынков, где импортозамещение рассматривается не как самоцель, а как один из путей модернизации и достижения технологических преимуществ в отдельных отраслях и секторах экономики.

С позиции развития социально-экономических связей и отношений Национальная технологическая инициатива предполагает формирование коалиции лидеров рынка из числа высокотехнологичных предпринимателей, представителей университетов и бизнес-объединений, институтов развития и органов исполнительной власти.

При этом НТИ призвана поменять сложившийся в России вектор инициирования инноваций. Исторически в нашей стране запрос на инновационную активность формируется сверху, со стороны государства. НТИ же предполагает трансляцию запроса на инновации системе государственного управления «снизу», со стороны потенциальных лидеров новых рынков.

К тому же предполагается изменение самой формы диалога между властью, бизнесом и научным сообществом, которая может быть представлена в виде формулы: люди, а не институты (сокращение бюрократических барьеров), инвестиции, а не отчеты (сокращение имитационной экономической активности), новые рынки, а не старые отрасли (новый способ формирования структурных связей между элементами экономических систем), без галстуков и формальностей (отказ от традиционной иерархии частно-государственного взаимодействия). По мнению Д. Пескова, руководителя направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив, «НТИ нельзя делать бюрократическими методами... Опыт показывает, что результат возможен, когда есть сеть лидеров, каждый из которых делает свою часть работы»³.

Логику социального взаимодействия между акторами Национальной технологической инициативы определяет матрица НТИ, объединяющая в единую систему технологии, рынки, таланты и сервисы/инфраструктуру. Для отечественных технологических компаний матрица НТИ работает по принципу спирали (улитки). Это значит, что компании, работающие на глобальном рынке, могут активно взаимодействовать с российским научным сообществом и заимствовать в России технологический и кадровый ресурс, а также задействовать в своей деятельности целый ряд государственных сервисов, адаптированных под потребности компаний НТИ.

Организационно частно-государственное партнерство выстраивается в форме консорциумов как институтов поддержки развития инициатив. Государственные органы в консорциумах опираются на институты развития, в частности на Российскую венчурную компанию, которая становится проектным офисом реализации Национальной технологической инициативы, и на Агентство стратегических инициатив. При этом представители бизнес-сообщества активно взаимодействуют с университетами в плане коммерциализации результатов научной деятельности.

На наш взгляд, одна из важнейших составляющих философии НТИ – это понимание необходимости стратегического прогнозирования на долгосрочную перспективу. Причем прогнозирование как взгляда в отдаленное будущее (2035 г.) и в современную перспективу (2018 г.). 2035 г. – это точка, которую использует большинство западных технологических стратегий в качестве ключевой. Ближайшие десять лет они отводят

на доработку технологических решений и вывод на рынок новых продуктов, а следующие десять лет уйдет на раздел мирового рынка и замещение существующих технологий. Например, нет ни одной крупной автомобильной компании, которая инвестировала бы в двигатель внутреннего сгорания или в человека за рулем после 2025 г. – все они готовятся к беспилотному электротранспорту. Реализация НТИ предполагает 3 основных этапа: от формирования приоритетов к 2035 г. к прогнозу 2018 г. и далее от задач 2018 г. до момента начала разработки стратегии НТИ. На каждом этапе предполагается ответить на ряд вопросов. На первом этапе основным является понимание того, как изменится мир и какое место у России в новом мире. На втором этапе (настоящее время) необходимо определить, что государство и бизнес должны изменить в ближайшие годы, чтобы создать инновационную инфраструктуру. И, наконец, на третьем этапе должна быть разработана тактика конкретных шагов государства, бизнеса и научного сообщества по достижению запланированных изменений. Таким образом, в данный момент мы находимся в точке бифуркации, которая покажет жизнеспособность стратегии и тактики Национальной технологической инициативы.

На каждом этапе ключевым становится понимание рынка как основы для формирования целей, задач и конкретных тактических шагов. В частности, понятие «отрасль» в НТИ рассматривается как неактуальное и заменяется понятием «сетевой рынок». Это происходит по той причине, что все складывающиеся новые рынки НТИ либо используют физическую инфраструктуру Интернета или его протоколы, либо строятся по его подобию. По такому принципу в будущем будут работать «умные сети», связывающие множество производителей и потребителей товаров и услуг.

По своей сути сетевой рынок – это инновационная форма взаимодействия между социальными и экономическими акторами, в основе которой лежат новые принципы их функционирования. Ключевыми характеристиками сетевых рынков являются следующие:

- рынок еще только формируется (причем формируется по принципу сети, без единого центра, жесткой структуры и иерархии);
- ключевыми для рынка являются быстро меняющиеся потребности и запросы. Как следствие, на сетевых рынках будет наблюдаться приоритет В2С продуктов (продуктов, ориентированных на конечного пользователя) над В2В продуктами (товарами, создаваемыми для бизнеса);
- в настоящее время отсутствуют единые стандарты рынка;
- рынок будет играть стратегически важную роль в мире в 2035 г.

На подобных рынках коренным образом поменяется система распределения продукта. Посредников в системе движения продукта от производителя к потребителю заменит соот-

ветствующее программное обеспечение, т. е. произойдет своего рода «уберизация» процесса товародвижения, поставки и сбыт посредством использования программных и телекоммуникационных технологий⁴.

В рамках разработки стратегии НТИ было выделено и согласовано 9 ключевых сетевых рынков. Ставка сделана на те рынки, в которые очевидно много инвестируется в развитых странах, и те рынки, где в России есть сильные лидеры и сообщества. Эти рынки организованы по следующей логике: три из них касаются безопасности страны и ее системного обеспечения ресурсами, следующие три – преобразований в транспортной системе и, наконец, последние три касаются наиболее важных сфер человеческой жизни, где происходят сверхбыстрые технологические и инновационные изменения.

К первой тройке формируемых рынков относятся:

- рынок питания (FoodNet) – рынок производства и реализации питательных веществ и конечных видов пищевых продуктов (персонализированных и общих, на основе традиционного сырья и его заменителей), а также сопутствующих IT-решений (например, обеспечивающих сервисы по логистике и подбору индивидуального питания);
- рынок энергии (EnergyNet) – рынок оборудования, программного обеспечения, инжиниринговых и сервисных услуг для разномасштабных комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики;
- рынок безопасности (SafeNet) – безопасные и защищенные компьютерные технологии, решения в области передачи данных, безопасности информационных и киберфизических систем.

Ко второй тройке относятся:

- умные транспортные сети (AutoNet);
- распределительные системы беспилотных летательных аппаратов (AeroNet);
- сети морского/речного транспорта и системы освоения мирового океана (MariNet).

И, наконец, самыми динамичными и персонализированными являются рынки последней тройки:

- рынок медицинских услуг, профилактики и средств долголетия (HealthNet);
- рынок новых финансов, т. е. децентрализованных финансовых систем и персональных сетевых финансовых сервисов (FinNet);
- рынок нейрокоммуникаций и систем «человек-машина» (NeuroNet).

Данный перечень формируемых рынков не является неизменным. В частности, в дальнейшем в матрицу НТИ был включен рынок инновационных медиакоммуникаций (MediaNet), объединяющий высокотехнологичные формы и способы потребления информационного контента человеком. Появление такого сетевого рынка обусловлено теми революционными изменениями, которые претерпевает сфера массовых коммуникаций в

настоящий момент, и превращением информации в ресурс, самостоятельную движущую силу социального и технического прогресса. Кроме этого, появление новых рынков может предопределяться быстрым распространением какой-либо технологии, принципиально изменяющей производственные процессы по форме, содержанию и затратам времени на них. В частности, повсеместное распространение технологий 3D-печати может стимулировать появление такого направления, как рынок модных технологий (FasionNet). По каждому рынку утверждены рабочие группы, которыми разрабатываются или уже утверждены дорожные карты (рынок NeuroNet), содержащие основные целевые ориентиры, количественные показатели, контрольные индикаторы по сегментам рынка, этапы и сроки реализации, перечень ответственных лиц и т. д.

Каждый рынок в лице высокотехнологичных компаний формулирует свой запрос к государству в аспекте тех государственных услуг, которые ему необходимы для развития. Господдержка, обозначенная в матрице НТИ как «сервисы НТИ», разрабатывается с учетом роста значимости частно-государственного взаимодействия как общемировой тенденции. К основным сервисам НТИ относятся:

- развитие сети технопарков и других элементов инновационной инфраструктуры;
- формирование и наращивание механизмов венчурного финансирования;
- поддержка экспорта инновационной продукции;
- популяризация философии НТИ;
- госзакупки и формирование спроса на инновации через систему госзаказа;
- развитие института интеллектуальной собственности;
- стимулирование потребителей рынков НТИ;
- обеспечение особых условий на внутреннем рынке (квазимонополии);
- особые меры в сфере маркетинга и поддержки экспорта регионов;
- поддержка стартап-активности и усиление роли институтов развития (таких, как Российская Венчурная Компания или Фонд Сколково) в продвижении стратегии НТИ⁵.

Особую роль среди направлений НТИ занимает новая образовательная политика. Комплекс мер в сфере образования предполагает развитие кружкового движения, стимулирование конкур-

сов, олимпиад и в конечном итоге формирование сети квалифицированных молодых специалистов, способных к научно-техническому творчеству и готовых решать стратегические задачи, сформулированные в стратегии НТИ.

Обобщая все перечисленное, можно сделать следующие выводы. Частно-государственное взаимодействие на современном этапе в рамках реализации стратегии НТИ предполагает:

- формирование запроса от высокотехнологичного бизнеса к государству на создание инфраструктуры сетевых рынков;
- пересмотр иерархической модели взаимоотношений между государством, бизнесом и университетами в пользу сетевой модели, развитие и реальное воплощение в практику теории «тройной спирали»⁶;
- применение новых механизмов частно-государственного партнерства как рычага, способного повысить эффективность российских компаний в глобальной долгосрочной перспективе.

Примечания

- ¹ О концессионных соглашениях: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.- правовой системы «Гарант».
- ² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173/> (дата обращения: 12.09.2018).
- ³ Песков Д. Н. Национальная технологическая инициатива : цели, основные принципы и достигнутые результаты. Для обсуждения на заседании Президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России. Правительство РФ (09 июня 2015). URL: <http://static.government.ru/media/files/T9Crayp8PsBQU6hdVA10SsDlu2XvCvYG.pdf> (дата обращения: 14.09.2018).
- ⁴ См.: Павлюц А. Уберизация экономики. Теория правильного «убера». URL: <https://pavlyuts.ru/posts/360> (дата обращения: 14.09.2018).
- ⁵ См.: Гусев В. В., Милуочихина О. А. Российский инновационный центр «Сколково» : современное развитие и формирование будущих перспектив // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 378–382. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-378-382
- ⁶ См.: Малый В. И., Гусев В. В. Инновационность развития региона : взаимодействие государства, предприятий и университетов (на примере Саратовской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 20–37.

Образец для цитирования:

Гусев В. В., Милуочихина О. А. Формирование инновационных механизмов частно-государственного партнерства как часть реализации Национальной технологической инициативы в Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 179–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-179-182>

Cite this article as:

Gusev V. V., Miliuchikhina O. A. Formation of Public-Private Partnerships Innovative Mechanisms as a Part of National Technology Initiative Implementation in Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 179–182 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-179-182>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4

Социологические принципы обустройства среды обитания крупных городов

А. А. Головина

Головина Анна Алексеевна, аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anechka_mango@mail.ru

В статье показано, что урбанизация, перенаселение, глобальный экологический кризис – все это приводит к необходимости выработать новые принципы обустройства повседневной жизни горожан. Ключ к формированию благоприятной среды обитания лежит в использовании научных знаний, современных технологий и грамотной градостроительной политики, осуществляемой в пределах жилых территорий. Сделанный в работе анализ научных представлений о проблемах обустройства среды обитания показал, что в последнее десятилетие наблюдается возрастание количества исследований, в которых реализуется комплексный подход к созданию комфортного общественного пространства. Реализация данного подхода показана на примере благоустройства дворовых территорий и детских площадок г. Саратова. Саратов сохранил историческую застройку. Однако она, так же как улицы и ландшафт большей части города, нуждается в обновлении. Исследование проводилось с использованием методологии количественных методов, в рамках структурно-функционального подхода. Основным методом сбора социологической информации был анкетный опрос. В ходе подготовки к исследованию для подсчета выборки использовался квотно-стратифицированный метод. Исследование показало, что большинство жителей Кировского района знают о местонахождении ближайшей детской площадки. Большинство детских площадок в хорошем состоянии. Однако сами жители не готовы заняться облагораживанием территории, ссылаясь на отсутствие времени и желания, некоторые считают, что это работа жилищно-коммунального хозяйства. Поэтому проблемы обустройства обусловлены отставанием темпов изменений среды обитания от общих темпов социально-экономического развития и культурных изменений, происходящих в обществе.

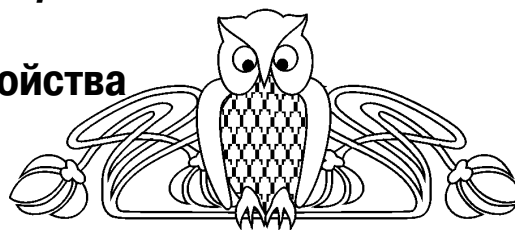
Ключевые слова: город, среда обитания, благоустройство, дворовые территории, детские площадки.

Sociological Principles of Cities' Habitat Arrangement

А. А. Golovina

Anna A. Golovina, <https://orcid.org/0000-0001-5460-0165>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, anechka_mango@mail.ru

The article shows that urbanization, overpopulation and global environmental crisis lead to the need of developing citizens' daily life new principles arrangement. The key to the formation of a favorable living environment lies in the use of scientific knowledge, modern technology, and implementation of competent urban policy within residential areas. The analysis of scientific reflection on the problems

of habitat arrangement shows increasing number of studies applying an integrated approach to creating a comfortable public space. The implementation of this approach is illustrated by the example of improvement of yard areas and playgrounds in Saratov. Though Saratov has preserved its historical buildings, the streets and landscape of most of the city, need to be updated. The study was conducted by means of quantitative methods, within the framework of structural-functional approach. The main method of collecting sociological information was a questionnaire. In preparation for the study, a quota-stratified method was used to calculate the sample. The study showed that most residents of Kirovsky district know about the location of the nearest playground. Most of the playgrounds in Kirovsky district are in good condition. However, the residents themselves are not ready to be engaged in the ennobling of the territory referring to the lack of time and desire, some believe that this is the work of housing and communal services. Therefore, the problems of habitat development are caused by the lagging pace of habitat changes from the overall pace of socio-economic development and cultural changes taking place in society.

Keywords: city, habitat, site improvement, domestic territory, playground.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-183-185>

Урбанизация, перенаселение, глобальный экологический кризис – все это приводит к необходимости выработать новые принципы обустройства повседневной жизни горожан, так как правильное обустройство среды обитания помогает населению городов не только выжить, но и сохранить психическое здоровье. Ключ к формированию благоприятной среды обитания лежит в использовании научных знаний, современных технологий и грамотной градостроительной политики, осуществляемой в пределах жилых территорий.

Люди с самых древних времен осознавали ту власть, которую строительная конструкция имеет над чувствами и эмоциями. Созерцание чего-то величественного и прекрасного существенным образом влияет на наше самовосприятие, отношение к другим людям¹. Примером могут служить руины храмового комплекса Гебек-ли-Тепе (г. Урфа, Турция), собор Святого Петра (Италия) и др. Вместе с тем замечено, что однообразные ряды далеко отстоящих друг от друга типовых домов вызывают скуку и нарушают наши естественные взаимосвязи с пространством.

Таким образом, сегодня актуальной проблемой для современных городов является разработка новых подходов к общественным пространствам, интересная организация публичных

мест, поддержание на высоком качественном уровне жилых помещений и дворовых территорий.

Современное состояние российских городов характеризуется сложной ситуацией. Гигантскими темпами трансформируется городская среда. Вследствие отсутствия возможностей для содержания, капитального ремонта и поддержания дееспособности жилых и административных зданий ликвидируется множество дворовых территорий, изменяются целевая направленность парков и скверов, спектр предоставляемых ими услуг и т. д.

Типичным представителем крупных городов, обладающим подобными проблемами, является город Саратов. Саратов – один из крупных городов со своей особой планировкой, вписанной в природный рельеф местности. Однако она, так же как улицы и ландшафт большей части города, нуждается в обновлении. Для Саратова, как и для других городов России, Правительством РФ была разработана комплексная программа благоустройства, включающая в себя три вида общественных пространств (парк, улицы и набережная, дворовые территории), которые должны быть облагорожены. Дополнительные требования, которые предъявляются к благоустройству, – освещение, скамейки, малые архитектурные формы, вывески. В центральной части Саратова выделена территория, которая в настоящее время благоустраивается². Реализация данного подхода будет рассмотрена нами на примере благоустройства дворовых территорий и детских площадок г. Саратова.

В основе теоретического анализа исследуемой проблемы – обустройства среды обитания крупного города – лежат труды таких ученых, как В. Зомбарт, М. Вебер, Э. Дюргейм, Ф. Теннис, Г. Зиммель, которые изучали развитие города с позиций выделения нескольких векторов его образования – экономических, географических, демографических, технологических³. Труды Р. Парка, Э. Берджесса, Л. Вирта, А. Хоули позволили рассмотреть город в качестве естественного организма, развивающегося на биотическом и культурном уровне.

Особенностью урбанистики последнего десятилетия является возрастание количества исследований, в которых реализуется комплексный подход к среде обитания. В работе американского исследователя Д. Спека рассматривается взаимосвязь между всеми составляющими улицы как основного показателя качества городского метаболизма⁴. Факторы, влияющие на стабильный рост городов или их стагнацию, рассмотрены в трудах Дж. Джекобса «Смерть и жизнь больших американских городов», В. Рыбчинского «Городской конструктор. Идеи города», Я. Гейла «Города для людей».

Исследование с участием автора проводилось с использованием методологии коли-

чественных методов, в рамках структурно-функционального подхода. Основным методом сбора социологической информации был анкетный опрос. В ходе подготовки к исследованию для подсчета выборки использовался квотно-стратифицированный метод. Кировский район был разбит на 7 участков, таких как: 1-ю Дачная улица, 1-й Пугачевский поселок, 2-й Пугачевский поселок, Завокзальный поселок, поселок Мирный, поселок Семхоз, микрорайон СХИ. Генеральная совокупность составляет 129 тыс. человек. В ходе исследования методом анкетирования были опрошены 298 человек в возрасте от 17 лет до 81 года. Было опрошено одинаковое количество мужчин и женщин.

Говоря о семейном положении, большинство респондентов ответили, что не женаты/не замужем – 46,9%; 39,8% – что они состоят в зарегистрированном браке; 5,1 выбрали вариант вдова/вдовец; 6,1% разведены; 1,0% состоят в незарегистрированном браке и также 1,0% состоят в браке, но не проживают вместе.

Территорией исследования был выбран центральный район города Саратова – Кировский⁵. По чистоте и благоустройству улиц этот район можно назвать лицом города, но чистота и качество жизни должны быть не только на центральных улицах, но и на дворовых территориях.

Для исследования важным фактором являлось наличие детей у респондентов, так как именно эти люди в наибольшей степени заинтересованы в благоустройстве детских площадок. Оказалось, что у большинства респондентов – 60% – нет детей, а 40% имеют одного, двух, трех детей. Знают о местонахождении ближайшей детской площадки 71,4% и только 28,6% не знают. Наиболее информированными в этом плане оказались женщины – 79,6%, из мужчин 63,3% знают, где находится детская площадка, а 36,7% – нет.

Исследование показало, что детские площадки в Кировском районе оборудованы хорошо. Так считают 28,6% респондентов; 19,4% оценивают их состояние как отличное, 17,3% удовлетворены состоянием детских площадок и только 13,3% оценивают его как очень плохое, кроме того, 14,3% респондентов не дали ответа на этот вопрос.

Для оценки качества благоустройства дворовых территорий важным параметром является время проживания респондентов в Кировском районе г. Саратова. Исследование показало, что оно варьирует от 1 года до 50 лет. Респонденты, прожившие на территории района от 1 года до 6 лет, оценили состояние дома, двора и прилегающей территории на 4 (по 5-балльной шкале, где 5 – максимально удовлетворен и 1 – неудовлетворен). В то же время жители, прожившие в своем районе 7–10 лет, оценили общий уровень своей удовлетворенности состоянием дома, двора и прилегающей территории на отлично, прожив-

шие 11–15 лет дали удовлетворительную оценку, живущие в районе от 16 лет и более также оценили благоустройство своих дворовых территорий как хорошее.

Также важен и вид занятости респондентов. Установлено, что 52% опрошенных жителей Кировского района работают; 23,5% – учатся на очном отделении; 10,2% – пенсионеры. Учатся и работают 9,2%. Занимаются домашним хозяйством 4,1%. И ничем не занимаются 1,0% респондентов. Следовательно, меньше половины жителей имеют достаточно времени, чтобы проводить его во дворе.

Одно из требований, которые предъявляются к благоустройству, – это освещение дворов. Оценка освещения во дворе устраивает 36,7% респондентов; 32,7% – скорее устраивает, чем не устраивает; 21,4% опрошенных ответили, что освещение во дворе их скорее не устраивает, чем устраивает, и 9,2% – не довольны освещением в своем дворе. Ответили, что во дворе неравномерная освещенность, что оно отсутствует, не всегда работает, по 1,0% соответственно.

Опрос по поводу состояния дома показал, что 24,5% респондентов оценили его как отличное, 53,1% ответили, что дом находится в хорошем состоянии, 19,4% дали оценку «удовлетворительно», 2,0% респондентов считают, что дом находится в плохом состоянии, и 1,0% оценили состояние своего дома как очень плохое.

К оценке состояния дворовой территории респонденты подошли более критично: 19,4% информантов оценили его как отличное, считают, что дворовая территория находится в хорошем и удовлетворительном состоянии, по 28,6% соответственно, 11,2% дали оценку «плохо» и 12,2% опрошенных ответили, что дворовая территория находится в очень плохом состоянии.

Весьма показательной характеристикой выглядит готовность респондентов к самостоятельному облагораживанию дворовой территории. Так, 2,0% респондентов самостоятельно занимаются облагораживанием дворовой территории, 6,1% готовы заняться благоустройством при соответствующих условиях, 25,5% опрошенных скорее готовы, 23,5% скорее не готовы, чем готовы заняться облагораживанием

дворовой территории. Большинство же респондентов (42,9%) не готовы заниматься облагораживанием дворовой территории. При этом жители мотивировали свой отказ отсутствием времени, а также тем, что это работа жилищно-коммунального хозяйства.

Таким образом, основная масса жителей Кировского района знают о местонахождении ближайшей детской площадки, большинство из которых находятся в хорошем состоянии. Более 70% опрошенных положительно оценили состояние своих дворовых территорий (освещенность, состояние дома). Однако сами жители не готовы заняться облагораживанием территории, ссылаясь на отсутствие времени и желания, некоторые считают, что это работа жилищно-коммунального хозяйства.

Проблемы обустройства среды обитания приобретают особую важность в крупных российских городах, что обусловлено отставанием темпов изменений среды обитания от общих темпов социально-экономического развития и культурных изменений, происходящих в обществе.

Примечания

- 1 См.: *Эллард К.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие : пер. с англ. 2-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2017. С. 15.
- 2 См.: Администрация муниципального образования «Город Саратов» : [сайт]. URL: <http://www.saratovmer.ru> (дата обращения 10.12.2018).
- 3 См.: *Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В.* Социальная инфраструктура города через призму общественного мнения саратовской молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–10. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-5-10
- 4 См.: *Спек Д.* Город для пешехода. М. : Искусство – XXI век, 2015. С. 9.
- 5 См.: Региональные трансформации : социологический мониторинг : Социальная инфраструктура современного города через призму общественного мнения населения : информ. бюл. ЦРСИ СГУ. Вып. 1–2 (20–21) / под ред. Н. В. Шахматовой. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. С. 54.

Образец для цитирования:

Головина А. А. Социологические принципы обустройства среды обитания крупных городов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 183–185. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-183-185>

Cite this article as:

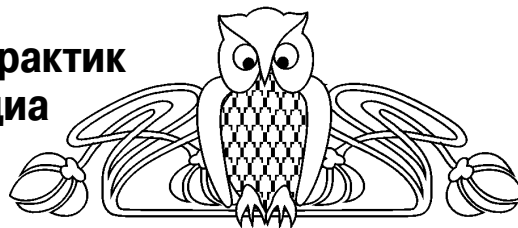
Golovina A. A. Sociological Principles of Cities' Habitat Arrangement. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 183–185 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-183-185>

УДК 316.334.2

Трансформация потребительских практик в контексте воздействия новых медиа

И. А. Понукалин

Понукалин Илья Алексеевич, аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ponukalin0505@yandex.ru

Коммуникативные возможности современного цифрового общества принципиально отличимы от предшествующих времен. Активное встраивание новых медиа во все без исключения сферы жизни человека меняет повседневность, формирует новые модели поведения и способы самоорганизации. Под воздействием социальных медиа происходит существенная трансформация потребительских практик, этапов принятия решений о покупке. В определенный период общественного развития потребление становится доминирующим социальным процессом, характеризующим повседневность, приобретает новые медийные развороты и возможности. Важной чертой новых медиа становится конвергенция мультимедийных возможностей, благодаря чему четкая грань между производителем медиасообщения и его потребителем оказывается практически незаметной. В статье представлены результаты эмпирического исследования по выявлению изменений в привычных способах осуществления потребительских практик под воздействием социальных медиа. В качестве методов исследования выбран онлайн-опрос. В ходе исследования выявлено, что на каждом этапе принятия решений о покупке при посредничестве социальных медиа происходят (могут происходить) изменения. В условиях совершенствования технологий и аккумуляции глобальных потоков информации проявляется проблематика усиления контроля за коммуникациями в сетевом обществе. Это часто сопрягается с нарушением приватности и несоблюдением конфиденциальности персональных данных пользователей. Независимо от того, где предпочитает совершать покупку человек – в онлайн или офлайн-формате, – траектория пути к ней прокладывается через цифровые технологии, поскольку, приобретая что-либо сегодня, потребитель в той или иной мере задействует Интернет.

Ключевые слова: потребление, новые медиа, цифровые технологии, Интернет, потребительские практики.

Transformation of Consumer Behavior in the Context of New Media Impact

I. A. Ponukalin

Ilya A. Ponukalin, <https://orcid.org/0000-0002-6010-1976>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ponukalin0505@yandex.ru

The communicative possibilities of the modern digital society are fundamentally different from the previous times. Active integration of new media into all spheres of human life without exception changes everyday life, forms new behaviors and ways of self-organization. Under the influence of social media there is a significant transformation of consumer practices, stages of decision-making on purchasing. During

a certain period of social development, consumption becomes the dominant social process that characterizes everyday life. It acquires new media reversals and opportunities. An important characteristics of the new media is the convergence of multimedia capabilities, so that a clear line between the producer of media communication and its consumer is almost invisible. The article presents the results of the empirical study identifying changes in the usual ways of implementing consumer practices under the influence of social media. The online survey was chosen as the research method. The study revealed that at each stage of decision-making on buying by means social media there are (may be) changes. In the context of improving technologies and accumulating of global information flows, the problem of strengthening control over communications in the network society is manifested. This is often coupled with a violation of privacy and non-compliance with the confidentiality of users' personal data. Regardless of where people prefer to make a purchase – online or offline-in any case it is made by means of digital technology. Nowadays buying something a consumer, in one way or another, uses the Internet.

Keywords: consumption, new media, digital technologies, Internet, consumer practices.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-186-191>

С момента провозглашения идеи М. Маклюэна о сути сообщения прошло не так много времени, а в современной ситуации сложность и многогранность влияния медиа на человеческое сообщество, на способы коммуникации привели к существенным трансформациям повседневности в целом и потребительских практик в частности.

Сегодня огромная часть населения всего земного шара значительный ресурс своего времени и внимания направляет на медиасферу, потенциал роста медиапотребления при этом увеличивается с каждым годом. Происходит перенос коммуникаций в воображаемую плоскость, где время – прошлое и будущее, место – географическая локация, идентичность человека утрачивают привычные очертания. И осуществляется все это с помощью цифровых технологий. За счет них формируется цифровое пространство (или среда) – более широкое и точное толкование того, что еще совсем недавно исследователи называли «виртуальным пространством».

Под воздействием социальных медиа происходит существенная трансформация потребительских практик. Проанализируем, каким образом и на каком этапе общественного развития происходят подобные изменения.

С точки зрения экономической социологии, потребление – это использование определенных свойств некоего блага, связанное с удовлетво-

нием индивидуальных потребностей и расходом стоимости данного блага. По меткому выражению З. Баумана, все люди, как, впрочем, и все живые существа, «потребляли» с незапамятных времен. Но тот способ, с помощью которого современное общество «формирует» ряды своих членов, предписывает обязанность играть роль потребителя, и делать это в первую очередь¹. На одном из этапов общественного развития процесс индивидуального потребления институционализируется, приобретает более выраженный экономически целесообразный характер, превращается в ключевой фактор развития экономики.

Экономсоциологи традиционно различают три типа потребления: потребление, удовлетворяющее базовые потребности; потребление, направленное на удовлетворение желаний; символическое или статусное потребление². Практики индивидуального потребления составляют наравне с производством базисную основу общества; однако в современной ситуации больший вес начинает приобретать символическое потребление.

Когда процесс потребления бесконечных благ становится самоцелью, составляет центр человеческой деятельности, за циклируется на самом себе, возникает феномен потребительства, связанный с определенной зависимостью от новых вещей и неудержимым желанием их покупать. Порой эта аддикция от вещей воспринимается человеком как подлинная свобода. З. Бауман утверждает, что в современном обществе всеобщая потребительская зависимость – универсальная зависимость от покупок – есть неперемное условие достижения индивидуальной свободы; в основном, свободы отличаться от других, иметь свою идентичность³.

Сегодня производство, обеспечив естественные потребности людей до предела насыщения, способно непрерывно функционировать при наличии инструмента искусного конструирования потребностей-желаний. Такие желания, которые требуют перманентного удовлетворения, становятся «желаниями желаний».

По мнению Г. Маркузе, потребность «приобретать» становится навязчивой идеей, и индивиду контроль над ней недоступен. Эта потребность конструируется обществом и превращается в инструмент, новую форму социального контроля⁴. При этом «контролируемость массы» достигается в основном благодаря коммуникативным технологиям – медийной сфере, в которой никто не довлеет, не предполагает личного физического контакта. Предоставляя больше свободы выбора и не прибегая к прямому насилию, социальные воздействия осуществляются по принципу «мягкого соблазна» (Ж. Бодрийяр, «soft seduction»), или «машин желания» (Ж. Делез и Ф. Гваттари)⁵.

По мнению исследователей-социологов, в настоящее время потребление не только выходит за рамки экономической сферы, сопрягаясь

со многими социокультурными практиками, но трансформируется в «доминирующий социальный процесс»⁶. И этот процесс, характеризующий повседневность, приобретает новые медийные развороты и возможности. С нашей точки зрения, в современной ситуации трансформации процесса потребления связаны с увеличением объемов медиапотребления.

Вслед за В. П. Коломиец считаем, что медиапотребление представляет собой социальную практику использования коммуниктивных средств для получения доступа к символическому содержанию, его освоению и поддержанию социальных связей⁷. Принципиально важно, что медиапотребление не сводится к пассивному восприятию медиапродукции, а есть активная практика по переработке символического материала.

Термин «новые медиа» (new media) был впервые использован в конце XX в. для обозначения в СМИ ситуации активного участия пользователей в создании контента и его распространении⁸. В этот период благодаря сети Интернет стали активно развиваться новые способы коммуникации производителя контента с потребителем, создаваться новые интерактивные электронные издания. Сегодня под словосочетанием «новые медиа» часто подразумевают бурный процесс развития цифровых технологий и коммуникаций. Их важной чертой становится конвергенция мультимедийных возможностей, благодаря чему четкая грань между производителем медиасообщения и его потребителем стала практически незаметной. Новые коммуникационные технологии принципиально меняют мир, привычный уклад жизни, которую человечество вело тысячелетиями, и многие из нас находятся в зоне поражения, не всегда это осознавая⁹.

Расширение возможностей коммуниктивной среды порождает новые формы взаимодействия, такие как чаты, форумы, блоги, online-игры и разнообразные социальные сети. Реализация этих форм социального взаимодействия происходит за счет продвинутых информационных систем, техническое воплощение которых составляют программные продукты, всевозможные ноутбуки и нетбуки, планшеты, гаджеты и девайсы. Они сегодня становятся необходимым рабочим инструментом «человека инновационного», а сетевые сообщества создают новую социальную морфологию обществ¹⁰.

Далее представим результаты эмпирического исследования по выявлению изменений в привычных способах осуществления потребительских практик под воздействием социальных медиа. Эмпирическую базу исследования составляют результаты онлайн опроса (анкета размещена на сайте google.ru/forms/about), проведенного в августе–октябре 2018 г. ($N = 680$), а также результаты, полученные в ходе проведения фокус-групп, участниками которых стали студенты старших курсов вузов г. Саратова (2018 г.).

Онлайн-опрос – это один из современных методов сбора данных, предполагающий размещение анкеты для респондентов в Интернете в открытом или ограниченном доступе. Часто респонденты преднамеренно оповещаются о ходе опроса, получая ссылку на анкету. В нашем опросе это было предусмотрено.

Исследователи новой цифровой реальности отмечают, что применение онлайн-методов в социологических изысканиях изменяет традиционные представления о возможностях диагностики. Преимущества онлайн-опросов очевидны: быстрый технологичный доступ к респондентам, широта географического охвата, управление временным параметром опроса для достижения одномоментности и т. д. Недостатки онлайн-опросов связаны, в первую очередь, с угрозой репрезентативности. Чаще всего исследователи сталкиваются с отсутствием оснований выборки и невозможностью используемой выборочной процедурой охватить реальную генеральную совокупность. Как указывает И. Ф. Девятко, подобные проблемы удовлетворительно разрешаются в ситуациях, когда генеральную совокупность составляют пользователи сети (например, члены определенного социального сообщества, подписчики сервисов, пользователи локальной сети, объединенные организационной принадлежностью, – такие как студенты вуза)¹¹. Целевая аудитория нашего опроса – присутствующие в сети, соответственно, это и предопределяет выбор метода исследования – онлайн-опрос. Проведенные фокус-группы позволили собрать большой иллюстративный материал, подтвердив основные выводы, сформулированные по результатам опроса.

В ходе опроса было выявлено, что большинство респондентов (94%) ежедневно пользуются Интернетом. По поводу времени присутствия в Интернете были зафиксированы такие высказывания: «Почти весь день там. И не только день, почти все время, когда не сплю» (муж., 19 лет); «Часа три-четыре в день выходит» (муж., 19 лет); «Хочу долго не засиживаться, но не сильно-то получается, часов пять в день выходит» (жен., 21 год).

Виды деятельности в Интернете связаны с поиском информации в 82% случаев, невысокий процент (9%) респондентов указали на то, что работают через Интернет, но безусловный лидер интернет-присутствия (98% опрошенных) – общение в социальных сетях. При этом 79% респондентов выкладывают информацию о себе в социальных сетях несколько раз в день. «Да практически все что делаю, куда иду – сразу фоткаю и ВКонтакте отправляю, тут же комменты приходят, прикольно...» (жен., 23 года).

Сегодня в Интернете большое количество ресурсов, объединенных так называемой сетевой архитектурой. «Облачные» сервисы или файловые хранилища, торрент-трекеры или системы

обмена файлов – все они, с технической точки зрения, соединены друг с другом и осуществляют обмен информацией между собой по определенным «сетевым правилам». Но обозначение «социальные» относится не к техническим узлам, а к таким сервисам, как «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фейсбук». С нашей точки зрения, подобное обозначение указывает на ассоциативное сходство социальных отношений, разворачивающихся на интернет-просторах, с отношениями в режиме физической реальности. Многие социальные процессы, оказываясь «оцифрованными», перемещаются в Интернет, однако, исходя из принципа сходства процессов, относятся к предмету социологии в классическом ее понимании и нуждаются в пристальном внимании социологов.

Перед совершением покупки в магазине 79% респондентов просматривают в Интернете информацию о товаре; 69% – пользуются услугами интернет-магазинов, потому что это удобно (быстрое оформление, круглосуточная работа). Еще 31% опрошенных считают, что в Интернете более низкие цены / выгодные условия по сравнению с обычным магазином; 19% – привлекает возможность доставки на дом; 45% респондентов ищут информацию о товаре в Интернете и потом покупают в магазине. Среди тех, кто знакомится с товаром в магазине, а потом покупает в Интернете, 19% респондентов.

Как свидетельствуют бизнес-аналитики, российский рынок интернет-торговли постепенно увеличивается. Открываются новые интернет-магазины самой разной направленности, крупные ритейлеры активно добавляются в Интернет, многие инвестиционные проекты связаны с электронной коммерцией. Многие компании переходят в режим онлайн-продаж своих товаров, продвигают свои сайты и формируют надежные сервисы оплат. Кроме того, тенденция последних лет – совершение покупок через социальные сети. Воплощая в себе предпочтительный способ коммуникации социальных групп в интернет-пространстве, сегодня социальные сети рассматриваются инвесторами в качестве перспективной российской площадки для интернет-торговли. Здесь же происходит обмен мнениями о продуктах и услугах, об индивидуальном опыте их использования, и это придает выражениям «сарафанное радио» и «из уст в уста» – традициям, которые были всегда очень важны и влияли на поведение покупателей, – новые смыслы.

С нашей точки зрения, сегодня сложно разделить онлайн- от офлайн-торговли уже в силу того, что траектория пути ко многим покупкам прокладывается через цифровые технологии, обращение к медийным ресурсам. В бизнес-среде для обозначения этого феномена используют термин «многоканальные» или «омниканальные» продажи. В сознании, представлениях и

практиках потребителя элементы офлайн- и онлайн-торговли постепенно перемешиваются и оказываются взаимодополняемыми в процессе покупок. На это указали большинство респондентов – около 90%: приобретая что-либо, они в той или иной мере задействуют Интернет.

Приобретают товары и услуги в интернет-магазинах минимум один раз в неделю 27% респондентов, 38% – 2–3 раза в месяц. В ходе исследования информанты высказывали свое мнение по поводу недостатков онлайн-магазинов. К ним можно причислить: невозможность изначально увидеть (примерить, попробовать) товар – на это указали 40% респондентов, бояться мошенничества (несуществующие магазины, кража данных карт для оплаты) – 39%, опасаются проблем с возвратом – 16% опрошенных. Иногда переход от офлайн- к онлайн-элементам даже не замечается/осознается респондентами: «Мне казалось, что я ничего и не покупаю через интернет. А вот сейчас задумалась – билеты в кинотеатр, коммунальные услуги ... штрафы. Да даже в поликлинику уже по интернету запись... и в МФЦ. А еще оплата сотовой связи, заказ Яндекс-такси, даже букет маме на день рождения в другом городе – и все по интернету... Да!» (жен., 23 года).

Сопоставляя данные нашего исследования с результатами общероссийских опросов, становится очевидным, что в настоящее время небольшая часть россиян являются приверженцами покупок в Интернете. И хотя темпы роста высоки, реально на долю интернет-торговли в общем объеме розничных торговых операций в России приходится около 4%. Если сравнивать с развитыми странами, то, по экспертным данным, ее соотношение достигает уровня 12%¹². Очевиден потенциал для роста. Специалисты прогнозируют рост российского рынка интернет-торговли в ближайшие несколько лет в среднем на 20% в год¹³. Хотя не все разделяют оптимизма. К примеру, рекордные темпы роста иностранных интернет-магазинов, таких как Aliexpress, способствуют его превращению в международную площадку для беспощинной торговли. Еще более мрачные прогнозы – года через два от российской интернет-торговли может вообще ничего не остаться, и продаваться будет исключительно китайская продукция¹⁴.

Прибегнув однажды к способу сочетания онлайн и офлайн, в дальнейшем формируется определенная лояльность и предпочтение к онлайн-покупкам. Так, в ходе проведения фокус-групп неоднократно высказывались мнения, подобные этим: «Да, я попробовала как-то купить через интернет. Удобно очень, буду еще это делать. Хотя раньше даже не представляла себе такого» (жен., 21 год); «Я помню, как мучился, чтобы купить билеты на поезд. Через сайт разок купил – и все... Больше в кассы ни-ни» (муж., 23 года); «Вообще, я люблю ходить по магази-

нам, примерять там все, разглядывать. Вот... а покупать мне больше нравится через интернет. Так многие мои друзья делают. Удобно ведь, ну и модно как-то» (жен., 21 год).

Как показало исследование, многими респондентами Интернет рассматривается как возможность облегчения самого процесса потребительских практик. Как известно, принятие решений о покупке происходит в несколько этапов: осознание проблемы, поиск информации, решение о покупке, реакция на нее. На каждом из этих этапов при посредничестве социальных медиа происходят (могут происходить) изменения: упрощается/убыстряется поиск; решение о покупке может сочетаться с развлечениями, играми, общением; реакция на покупку становится зависимой от мнения друзей по социальным группам и т. д. С нашей точки зрения, в современной ситуации трансформация процесса потребления связана с увеличением объемов медиапотребления, гибридизацией каналов потребления.

Далее наше исследование затронуло вопрос о конфиденциальности персональных данных. По поводу отношения респондентов к запросам о предоставлении информации о своих персональных данных в Сети выявлено следующее. Охотно делятся информацией о себе, если за этим следуют выгодные предложения, такие как скидки, бонусы, дисконты, 39% респондентов; не придают особого значения информации о своих персональных данных, могут поделиться, если спрашивают, 37% респондентов. Как видим, открытость и доверие достаточно высокие. При этом риски не всегда осознаются. Никогда не задумывался над проблемой безопасности своих личных данных в Сети почти каждый третий – 33% респондентов. «Я каждый свой шаг выкладываю в инет, все мои знают где я и что, не скроешься» (жен., 19 лет). «Да, я постоянно участвую в различных акциях. Данные о себе конечно предоставляю. Не знаю, зачем, правда, им столько знать обо мне...» (муж., 23 года). «Я как-то задумался... Только начал набирать на незнакомом сайте запрашиваемую инфу обо мне, и она тут же высвечивается полностью. Откуда? Точно здесь не бывал. Сеть в общем...» (муж., 19 лет).

Для торговых площадок – и реальных и виртуальных – становится принципиально важным персонифицировать коммуникации с посетителями, установить доверительные контакты. Это оказывается необходимым для продвижения своих товаров и услуг через почтовую рассылку, контекстную, таргетированную, баннерную и другие виды реклам и маркетинговых коммуникаций. Для этого компаниям важна персонализация своих баз данных через составление индивидуальных профилей потребителей/пользователей. Цель – лучше понимать мотивы и характеристики своих целевых клиентов и

пристальнее искать новых. Такая тенденция в сфере бизнеса обозначается как гиперперсонализация¹⁵. Очевидно, что теоретическое осмысление этих социальных технологий не успевает за практикой. Если по поводу влияния рекламы в СМИ на поведение, ценностные предпочтения, мотивы потребителей проводятся массовые социологические исследования, то рекламные и маркетинговые интернет-технологии (таргетирование, контекстная и баннерная реклама, смм-продвижение) реже попадают в фокус внимания социологов. Между тем масштабы применения подобных технологий множатся и видоизменяются/совершенствуются с каждым днем.

Тенденции повсеместного персонального профилирования основаны на технологиях автоматизированного контент-анализа частных и публичных документов. Сбор персонализированной информации (для коммерческого и реже некоммерческого применения) о предпочтениях, ценностях, убеждениях и особенностях поведения не предусматривает соглашения исследуемых индивидов. Подобная информация может также собираться посредством «невключенного» (скрытого, например, с применением троянских программ) наблюдения за индивидами, тем или иным образом присутствующими в Сети¹⁶. Массивы больших данных (Big Data), собираемых повсеместно, активно используются коммерческими структурами в острой конкурентной борьбе за внимание потребителя.

На основе анализа различных подходов к понятию «Big Data»¹⁷ можно предложить следующее: «Big Data» (большие данные) – есть совокупность цифровых данных гипермасштаба, собранных по различным каналам и связанных с разнообразными видами деятельности человека (поиск, сохранение, переработка и переадресация), систематизированная и структурированная с помощью цифровых технологий и готовая к дальнейшему применению. Интенсивность посещений магазинов, плотность потоков дорожного трафика, ассортимент товаров, меню ресторанов и сведения об ингредиентах в составе блюд, линейка цен и способы оплаты – многие из этих данных оказываются доступными в Интернете.

С нашей точки зрения, в подобной ситуации уместно задумываться о сознательной и здоровой деперсонализации человека как о способе самозащиты от нарушения приватности и влияния цифровых технологий на его жизнь. Деперсонализация в Сети – сознательное нежелание человека быть считанным для дальнейшего продвижения через его аккаунты рекламных сообщений, защита своих границ от нежелательной публичности и нарушения конфиденциальности персональных данных. Хотя проблема гиперперсонализации намного глубже, таит в себе множество рисков и нуждается в тщательном изучении социальных исследователей.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В ситуации современной России потребительское поведение все в большей степени сопрягается с цифровыми технологиями и воздействием новых медиа. Многоликость и многоканальность этих ресурсов приводит к противоречивости и мозаичности представлений об их потенциале и недостаточной глубине исследований степени их влияния на потребительские практики. С одной стороны, медиакоммуникации оказываются наиболее подходящими инструментами для создания брендов, и это влияет на повышение потребительской активности населения. С этой же целью проводятся массовые исследования профилей и типов поведения потребителей (с опорой на массивы больших данных), имеющие прикладной маркетинговый характер. С другой стороны, серьезной проблемой оказывается защита персональных данных и следование правилам конфиденциальности в ситуации отсутствия четкого правового регламента распространения и применения Big Data.

Являясь техническим объектом, с одной стороны, и одновременно имея социальное воплощение, с другой, новые медиа видоизменяют традиционные формы поведения потребителей, конструируют практики нового типа. По этой же причине социальные отношения, переместившиеся на интернет-просторы и опосредованные цифровыми медиа, остро нуждаются в пристальном внимании социологов.

Медийные технологии чаще всего проявляют себя как посредники, с тенденцией перехода в роль участников процесса потребления (пример тому – интернет вещей), что приводит к изменению и наполнению иным содержанием всех этапов принятия решения о покупке. Независимо от того, где предпочитает делать покупки человек – в реальном или интернет-магазине, – траектория пути к ним прокладывается через цифровые технологии, так как приобретая что-либо сегодня, потребитель в той или иной мере задействует Интернет – будь то поиск информации о товаре/магазине, или оплата по банковской карте, или покупка через интернет-магазин.

Перефразируя идеи М. Маклюэна, о котором шла речь в начале статьи, новые медиа все чаще становятся и средством конструирования образа жизни, центрированного вокруг потребления, и средством его реализации: цифровая форма потребления и есть само содержание, наподобие того, как средство коммуникации и есть само сообщение.

Примечания

- ¹ См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 115–116.
- ² См.: Шрадер Х. Экономическая социология. СПб., 1999. С. 10–11.

- ³ См.: Бауман З. *Текущая современность*. СПб., 2008. С. 92.
- ⁴ См.: Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек : Исследование идеологии развития индустриального общества*. М., 2002. С. 12.
- ⁵ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина*, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007. С. 35–36.
- ⁶ Тамбу Д. Социокультурные аспекты феномена потребления в работах З. Баумана // Палимпсест. Диалог социогуманитарных наук : сб. науч. тр. Вып. 2. М., 2012. С. 225.
- ⁷ См.: Коломиец В. П. Медиа среда и медиапотребление в современном российском обществе // Социс. 2010. № 1. С. 61.
- ⁸ См.: Что такое Новые медиа, или digital-глобализация. URL: <http://smm.artox-media.ru/wiki/new-media.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁹ См.: Семенов Е. Е. Виртуальная сетевая парадигма политической активности // Власть. 2013. № 4. С. 35.
- ¹⁰ См.: Назарчук А. В. *Теория коммуникаций в современной философии*. М., 2009. С. 313.
- ¹¹ См.: Девятко И. Ф. *Онлайн исследования и методология социальных наук : новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности*. URL: <http://www.marketing.spb.ru/lib-research/methods/online.htm> (дата обращения: 19.08.2018).
- ¹² См.: Рынок Интернет-торговли в РФ в 2016 г. ВШЭ. URL: <http://docplayer.ru/47152978-Rynok-internet-torgovli-v-rf.html> (дата обращения: 27.09.2018).
- ¹³ См.: Опрос покупателей интернет-магазинов. URL: http://www.marketing.spb.ru/mr/social/retail_ecomm.htm (дата обращения: 07.11.2018).
- ¹⁴ См.: Рынок интернет-торговли в России по итогам 2016 года вырос на 21%. URL: https://www.dp.ru/a/2017/03/14/Rinok_internet-torgovli_v (дата обращения: 22.01.2019).
- ¹⁵ См.: Beer D. Digital by-product data and the social sciences. URL: <http://www.york.ac.uk/media/sociology/documents/courses/modules/Digital%20data%20and%20the%20social%20sciences.pdf> (дата обращения: 21.07.2018).
- ¹⁶ См.: Девятко И. Ф. *Указ. соч.*
- ¹⁷ См.: Doctorow C. Big data : Welcome to the petacentre // On-line journal Nature. 2008, no. 455/7209. URL: <http://www.nature.com/news/2008/080903/full/455016a.html> (дата обращения: 13.01.2019).

Образец для цитирования:

Понукалин И. А. Трансформация потребительских практик в контексте воздействия новых медиа // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 186–191. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-186-191>

Cite this article as:

Ponukalin I. A. Transformation of Consumer Behavior in the Context of New Media Impact. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 186–191 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-186-191>

УДК 316.772.5

Формирование информационного пространства в современной России: проблемы и перспективы

А. А. Фомин

Фомин Андрей Анатольевич, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tahhep2010@gmail.com

В статье определяется сущность информационного пространства, выявляются и анализируются особенности и факторы его формирования в российских условиях, рассматриваются базовые сегменты, образующие его структуру, показан противоречивый характер их современного состояния и тенденций эволюции. Исследование концентрируется, прежде всего, на теоретическом осмыслении проблем формирования информационного пространства и базируется как на общенаучных (дедуктивном, индуктивном, анализе и синтезе), так и специально-научных (в том числе генетическом, сравнительно-историческом и структурно-функциональном анализе) методах. Особое внимание обращается на такие составляющие информационного пространства, как информационно-коммуникационная сфера и технологии, информационно-коммуникационная сфера публичной власти, область пересечения информационно-коммуникационных сфер общества и публичной власти. Выявляются и анализируются основные противоречия становления информационно-коммуникативного пространства, отмечается неоднородность, вариативность развития его сегментов. Делается вывод, что на современном этапе процесс формирования информационного пространства далек от своего завершения. Можно говорить о том, что заложены лишь базовые его основы. Особенно заметно развитие технологической стороны, в то время как информационно-коммуникативная составляющая проявляет себя в более формально-позиционном плане.

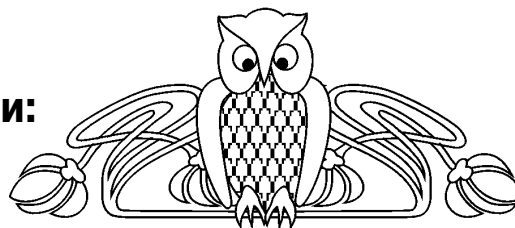
Ключевые слова: информационное пространство, информационно-коммуникативная сфера, власть, цифровое неравенство.

Formation of the Information Space in Modern Russia: Problems and Prospects

A. A. Fomin

Andrey A. Fomin, <https://orcid.org/0000-0003-1075-2962>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tahhep2010@gmail.com

The article defines the essence of the information space, identifies and analyzes the features and factors of its formation in the Russian context, discusses the basic segments forming its structure and shows the contradictory nature of their current state and trends of evolution. The study focuses primarily on theoretical understanding information space formation problems and is based both on general scientific (deductive, inductive, analysis and synthesis) methods and special scientific ones (including genetic,

comparative-historical and structural-functional analysis). Special attention is paid to such components of the information space as the information and communication spheres and technologies, the information and communication spheres of public authority and the area of the information and communication society and public authority spheres intersection. The main contradictions of information-communicative space formation are identified and analyzed; the heterogeneity and variability of the development of its segments are noted. It is concluded that at present the process information space formation is far from complete. It can be said that only its basic foundations are laid. The development of the technological side is especially noticeable, the information and communication components manifesting themselves in a more formal and positional way.

Keywords: information space, information and communication sphere, power, digital inequality.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-192-195>

Стремительное развитие и повсеместное распространение информационных технологий и средств коммуникации является главным фактором для перехода к инновационному этапу развития.

Информатизация, охватывая многомерное пространство российского общества, ведет к формированию специфического информационного пространства страны¹, которое тесно связано с глобальным информационным пространством через сеть Интернет. Информационное пространство является более открытым, в отличие от других сегментов общества. В нем быстрее происходит размывание границ из-за большей открытости и более тесного взаимодействия с информационными пространствами других стран в глобальном информационном пространстве.

Информационное пространство является сложной системой, которая территориально распределена, имеет многокомпонентную структуру и обладает следующим набором специфических свойств²:

– гетерогенность, включающая в себя два абсолютно различных фактора: технический, который является функциональным, управляемым, имеющим четко выраженную структуру, логичную организацию; и социальный – со слабо выраженной структурированностью, включающий в себя разные типы производителей и пользователей, которые руководствуются личными интересами и заинтересованы в большом спектре услуг и различном темпе их предоставления;

– синергетичность – склонность к самоорганизации и самостоятельному (автономному) поведению, к самосохранению и противодействию внешнему давлению, к функциональной инертности;

– немарковость – формирование поведения системы не только в зависимости от текущих параметров состояния, но и от предыстории.

Следует особо сказать о решении задачи, которую должно обеспечивать информационное пространство на организационно-технологическом уровне. Этой задачей является массовое информирование, массовая коммуникация и массовый информационный обмен. Именно по этой причине традиционные печатные и более современные электронные средства массовой информации выступают важными компонентами информационной инфраструктуры.

Структура информационно-коммуникативного пространства состоит из следующих сфер:

- общественной;
- публичной;
- области, в которой публичная и общественная сферы власти пересекаются.

Также благодаря вышеизложенной структуре можно отметить типичные для информационно-коммуникативной сферы процессы:

- обмен информацией внутри общества, между индивидами и социальными группами;
- обмен информацией между органами и организациями публичной власти;
- обмен информацией между гражданами и публичной властью³.

В России информационная инфраструктура развивалась в контексте трех основных факторов: массового информирования, информационного обмена и массовой информационной коммуникации. Эти факторы определяются тем, что традиционные средства массовой информации интегрировались и в некоторой степени поглотились современными массовыми компьютерными сетями и средствами массового информационного обмена, которые обеспечивают беспрепятственный доступ любому пользователю к различным информационным ресурсам посредством сети Интернет. По этой причине в России Интернет преобладает в процессе формирования общественного сознания, вытесняя на второй план традиционные средства массовой информации. Глобальная сеть имеет больше возможностей и ресурсов для информирования граждан о деятельности власти, распространения социально-экономических целей и задач.

Весной 2013 г. Фонд общественного мнения (ФОМ) провел исследование динамики проникновения Интернета в России. По полученным результатам, ежедневно Интернетом пользуются 52,1 млн россиян (из них 45% – в возрасте от 18 лет и старше), раз в неделю – 62,9 млн (54%) и раз в месяц – 66 млн человек (57%)⁴. Можно сказать, что уровень проникновения Интернета

в России достаточно низок в отличие от Европы, где 75% населения пользуется Интернетом ежемесячно. По данным на 30 июня 2017 г., Россия занимает 7-е место по числу пользователей Глобальной сети (109,5 млн человек). Существует большой разрыв между местами использования персональных компьютеров населением: 67,0% населения – дома и всего 25,8% – на работе. Также заметен разрыв между использующими ПК дома горожанами (71,7%) и жителями сельской местности (52,9%)⁵.

В России существует значительная разница в уровне информатизации между регионами и социальными группами. Так, оснащенность персональными компьютерами городского населения – 78,4%, сельского – 61,7%. Такая же статистика прослеживается по федеральным округам России. Если количество ПК, используемых в домашнем хозяйстве, в Центральном федеральном округе равно 74,9%, то в Северо-Кавказском ФО – 62,6% от общего числа домашних хозяйств. В Саратовской области за один год, с 2015-го по 2016-й, число персональных компьютеров с доступом в сеть Интернет возросло с 64,9 до 67,7%. Не стоит забывать о таком факторе, как «компьютерная грамотность» населения. Несмотря на положительную динамику за последние годы, старшее поколение использует персональные компьютеры значительно меньше (41,6% в возрасте от 55 до 64 лет против 19,0% в возрасте от 65 до 72 лет)⁶.

Как отмечалось выше, одним из важных сегментов информационно-коммуникативного пространства является сфера взаимодействия общества и публичной власти. Как справедливо отмечают авторы фундаментального труда «Насилие и социальные порядки» Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, исторически сформировались две социальные модели, базирующиеся на разных практиках организации сферы взаимодействия общества и власти: порядок ограниченного доступа и порядок открытого доступа⁷. Порядок ограниченного доступа фактически связан с формированием иерархии властных органов и структур, ограничивающих широкий доступ к информационным ресурсам и легитимирующих право контроля над ними. Общества открытого доступа обладают таким ключевым фактором, как неопределенная внутренняя среда, которая и вызывает изменения, поскольку индивиды действуют в условиях творческой свободы и конкуренции⁸. В этих условиях возможны несколько уровней открытости: первый предполагает лишь знакомство с информацией, имеющейся на ресурсах институтов власти и управления; второй дает возможность вовлечения некоторых социальных групп в процесс принятия властных решений; третий предполагает широкое вовлечение представителей различных социальных слоев и групп в процесс принятия решений.

В современной России процесс формирования информационно-коммуникативной сферы

взаимодействия власти и общества имеет ряд особенностей. С каждым годом увеличивается процент населения, зарегистрированного на Едином портале государственных и муниципальных услуг. В 2014 г. на нем было зарегистрировано 9% населения, а в 2016 г. – 22%. Несмотря на положительную динамику, данные показатели демонстрируют низкий процент вовлеченности населения в информационное пространство. Основной популярностью пользуются такие услуги Единого портала, как получение информации (66%), запись на прием (50%) и осуществление обязательных платежей (35%). Но также растет количество граждан, которые предпочитают личные визиты и персональный контакт (в 2016 г. 69,7%). Столь высокая цифра обусловлена не всегда актуальной информацией на сайтах муниципальных служб, отсутствием обратной связи и низким процентом вовлеченности граждан в информационную среду. Удачным примером исправления текущей ситуации является Финская модель, разработанная М. Кастельсом и П. Химаненом. Она подразумевает изменение роли государства с позиции коммерческой организации на позицию партнера гражданского общества, который стимулирует и воспроизводит интеллектуальный потенциал и поддерживает социальное, экономическое, коммуникационное равновесие в обществе⁹.

Одной из характерных черт современного развития информационного пространства в России является его неоднородность, проявляющаяся в том числе и в постепенном формировании так называемого цифрового неравенства.

Цифровым разрывом (цифровым неравенством) – называется неравномерный доступ к информационно-коммуникативным технологиям, который приводит к росту экономического и социального неравенства. Цифровое неравенство сильнее всего проявляется в экономическом плане, существенно увеличивая разрыв между богатыми и бедными слоями общества¹⁰.

Также следует отметить, что на информационное неравенство влияют такие факторы, как демографический, социокультурный и психологический.

Среди основных причин цифрового неравенства можно выделить следующие:

1) высокий финансовый порог доступа к информационным технологиям как для государственных структур, так и для граждан. Из-за этого цифровое неравенство в какой-то степени является экономическим неравенством¹¹;

2) недостаточное развитие телекоммуникационной инфраструктуры;

3) завышенные тарифы на интернет-услуги провайдеров. Сильно заметно различие стоимости по регионам России, например, доступ к домашнему безлимитному Интернету для жителей Якутска или Нового Уренгоя обойдется жителям в 950–1000 руб., а в Петрозаводске или Севасто-

поле за такой же пакет услуг стоимость будет равна 150–300 руб.¹²;

4) нерациональное использование ресурсов Интернета. Несмотря на большое количество пользователей, уровень интенсивности использования сети Интернет остается достаточно низким (оценивается по индексу, разрабатываемому The Boston Consulting Group (BCG) e-Intensity). В 2009 г. Россия отставала на 1 пункт от Бразилии (52 против 53 баллов)¹³;

5) огромная территория России. По этой причине возрастает стоимость на строительство и содержание телекоммуникационной инфраструктуры;

6) влияние глобализации: граждане, имеющие доступ и достаточный уровень компетенции при работе с ИКТ, получают больше возможностей в поиске более высокооплачиваемой работы не только на внутреннем рынке, но и на мировом;

7) недостаточная разработанность нормативно-правовой базы, которая должна регулировать функционирование интернет-пространства.

Подводя итог, можно сказать, что проблема информационного пространства достаточно многогранна, поскольку само это пространство на данном этапе только формируется и многие его ключевые компоненты находятся в начальной стадии развития. По этой причине данная тематика в настоящее время является актуальной. Для решения вышеозначенной проблемы следует увеличивать количество IT-специалистов и повышать общий уровень компьютерной грамотности населения, увеличивать и улучшать имеющиеся каналы коммуникации и расширять их доступность во всех регионах России.

Примечания

- 1 См.: Швецов А. Н. Пространственная организация «информационного общества» как предмет системного анализа и объект государственного регулирования // Регион : экономика и социология. 2012. № 4 (76). С. 344.
- 2 См.: Шехтман Л. И. Системы телекоммуникаций : проблемы и перспективы (Опыт системного исследования). М. : Радио и связь, 1998. С. 280.
- 3 См.: Панин И. Н. Информационные технологии в государственном управлении. М. : Гелиос АРВ, 2011. С. 400.
- 4 См.: Интернет в России : динамика проникновения. Весна 2013 г. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknoveniie-interneta/10950> (дата обращения: 06.12.2018).
- 5 См.: Internet World Stats : [site]. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (дата обращения: 25.01.2019).
- 6 См.: Информационное общество в Российской Федерации : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2017. С. 329.
- 7 См.: Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. С. 295.
- 8 См.: Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. Насилие и

социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Расковой. М. : Ин-т Гайдара, 2011. С. 480.

- ⁹ См.: *Кастельс М., Химанен П.* Информационное общество и государственное благосостояния : Финская модель / пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. М. : Логос, 2002. С. 224.
- ¹⁰ См.: *Воейков Д.* Модернизация идет. Но катастрофически медленно. URL: <http://www.pcweek.ru/infrastructure/article/detail.php?ro=143778> (дата обращения: 10.01.2019).

¹¹ См.: *Вершинская О.* Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637647&soch=1> (дата обращения: 15.01.2019).

¹² См.: Развитие интернета в регионах России 2016 г. URL: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016#stoimostiskorostdostupavinternet (дата обращения: 16.01.2019).

¹³ См.: *Бутенко В.* Беспроводные технологии в инфраструктуре цифровой экономики // *Электросвязь*. 2017. № 8. URL: <https://elsv.ru/valerij-butenko-besprovodnyetehnologii-v-infrastrukture-tsifrovoj-ekonomiki/> (дата обращения: 16.01.2019).

Образец для цитирования:

Фомин А. А. Формирование информационного пространства в современной России: проблемы и перспективы // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 192–195. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-192-195>

Cite this article as:

Fomin A. A. Formation of the Information Space in Modern Russia: Problems and Prospects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 192–195 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-192-195>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

«Левый» сегмент партийной системы современной России: проблемы и перспективы

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены и оценены программные характеристики ведущих политических партий «левой» ориентации в контексте перспектив их дальнейшего развития и возможностей объединения. Сделан вывод о том, что уже в рамках предстоящих выборов в Государственную Думу и президентских выборов данные партии будут поставлены перед необходимостью существенного организационного, лидерского и программно-идеологического обновления.

Ключевые слова: «левые» партии, программно-идеологические характеристики, перспективы объединения «левых» партий.

The Left Segment of Party System in Modern Russia: Problems and Prospects

A. A. Vilkov

Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vil57@yandex.ru

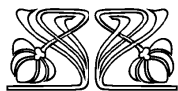
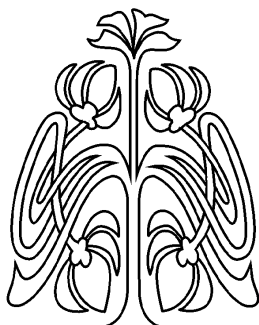
The article considers and evaluates program features of the leading political parties of the left spectrum within the context of prospects of their further development and possibilities of unification. The author concludes that, in the run up to State Duma and presidential elections, those parties will face the necessity of fundamental organizational, leadership, and ideological renovation.

Keywords: left parties, program and ideological features, prospects of the left parties' unification.

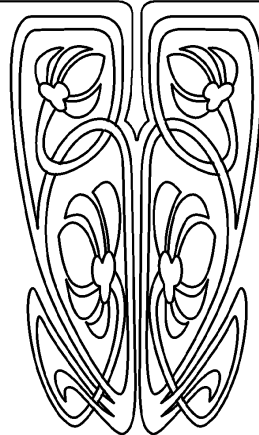
DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-196-202>

Перспективы «левого» движения представляют собой одну из самых значимых проблем развития партийной системы в постсоветской России. Обусловлено это многими объективными и субъективными факторами. К объективным относится, прежде всего, более чем 70-летняя история социалистического строительства в СССР со всеми ее драматическими и героическими страницами. Не случайна периодическая апелляция к этому опыту всех ведущих политических сил современной России, включая официальных руководителей страны и лидеров «Единой России». Она наглядно показывает уровень осознания представителями различных групп отечественной политической элиты значимости использования советского наследия для воздействия на массовое сознание для достижения вполне конкретных политических целей. Ценности коллективизма, социального государства, социальной справедливости, патриотизма оказались в большей или в меньшей степени, но значимы не только для старших поколений, но и для представителей российской молодежи.

Лидеры различных коммунистических и социал-демократических партий современной России позиционируют свое право выступать наследниками и продолжателями советских традиций. Обоснование этого права осуществляется не только на основе критики действующей власти, существующего политического режима и социально-экономического строя, но и на основе конкурентной борьбы партий «левой» ориентации друг с другом. Эта борьба является тем

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

субъективным фактором, который актуализирует проблему перспектив дальнейшего политического развития данного партийного сегмента.

О том, насколько представлен «левый» сегмент в партийной системе современной России, свидетельствует официальная и публичная идеологическая ориентация политических партий, зарегистрированных Минюстом Российской Федерации. По нашему мнению, к данному сегменту можно отнести более трети из 63 политических партий, зарегистрированных на декабрь 2018 г.¹. Три из них имеют в названии четкий идеологический маркер: «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), «Коммунистическая партия Коммунисты России» (КПКР), «Коммунистическая партия социальной справедливости» (КПСС).

Еще две партии имеют четкий социал-демократический маркер: ВПП «Социал-демократическая партия России» и «Альтернатива для России (Партия социалистического выбора)». К этому же сегменту можно отнести и партию «Справедливая Россия», которая в своей программе и предвыборных материалах также открыто позиционирует себя как социал-демократическую партию (хотя и в специфически российской интерпретации).

Политическая партия «Патриоты России», несмотря на то, что в своей программе не акцентируют внимания на понятии «социалистический», или «социал-демократический выбор», по многим параметрам может быть отнесена именно к данному сегменту партийной системы².

Ряд партий заявляют названиями о себе, как о политической силе, представляющей интересы трудящихся: Трудовая партия России, «Российский Объединенный Трудовой Фронт», ВПП «Союз Труда».

Еще в одной группе партий акцент делают на важнейшей для России политической ценности – социальной справедливости. Кроме уже упомянутой «Справедливой России», к ней относятся ВПП «Великое Отечество», «Партия за справедливость», «Политическая партия социальной защиты», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», ВПП «ЧЕСТНО / Человек. Справедливость. Ответственность».

Некоторые партии «левой» ориентации ключевым имиджевым идеологическим маркером сделали позиционирование своей «народности»: «Партия Социальных Реформ – Прибыль от природных ресурсов – Народу», «Народно-патриотическая партия России – Власть Народу», ВПП «Народная партия России», ВПП «Народный Альянс», «Российская партия народного управления», Общероссийская политическая партия «Народ против коррупции».

С определенной долей условности к данному сегменту можно отнести и партии, которые отдельными пунктами своей программы также проявляют склонность к «левизне». Например,

ВПП «Партия пенсионеров России» значительную часть своей программы отводит обоснованию усиления регулирующей и социальной роли Российского государства³. ВПП «Интернациональная партия России» акцент делает на обосновании общности судьбы российских народов и возрождении современной России на основе последовательной реализации принципа интернационализма и социальной справедливости⁴. За построение общества социальной справедливости выступает «Аграрная партия России»⁵. На принципы государственности и патриотизма, на идеалы социальной справедливости предлагает опираться и ВПП «Партия Возрождения Села»⁶. Партия «Возрождение аграрной России» также выступает за соблюдение принципов социальной справедливости, гармонию интересов различных слоев населения и ответственную государственную власть⁷.

Шкалирование данных партий по степени «левизны» на радикально коммунистические, центристские социал-демократические партии и идеологически аморфные «народные» не входит в задачу данной статьи. Нам важно показать масштаб самого присутствия в политической жизни современной России партий, ориентированных на «левые» идеологические ценности.

Для анализа перспектив «левого» сегмента нами были взяты программы четырех партий, которые активно участвуют в политической жизни в последнее десятилетие. Одним из важнейших параметров для сравнения выступает официально зафиксированное в программах отношение к историческому опыту советского периода (табл. 1).

Сравнительный анализ программных положений данных партий показывает, что несмотря на позитивную оценку исторического опыта СССР и особенно его вклад в разгром фашистской Германии, фактически все «левые» программы включают также критическую составляющую. Суть ее сводится к тому, чтобы объяснить причины краха СССР и существовавшей мировой социалистической системы. Без такого объяснения невозможно обоснование того или иного варианта «реинкарнации» социализма. Все партии сходятся в признании доминирующей роли субъективного фактора в разрушении СССР, но интерпретируют его различно.

Наиболее радикально он оценивается в программе КПКР, которая видит субъективизм в отказе от коммунистических идеалов в постсталинский период и постепенном усилении индивидуально-материальной мотивации деятельности советских граждан в ущерб общественной значимой. Соответственно, КПКР фактически обосновывает свою преемственность со сталинской ВКП(б).

В программе КПРФ акцент делается на волюнтаризме Н. С. Хрущева, в результате которого «было допущено необоснованное забегание

Таблица 1

Отношение ведущих «левых» партий к советскому прошлому

Программы партий	Отношение к советскому периоду
КПРФ ⁸	Позитивное, в сочетании с критикой накопившихся и нерешенных в тот период общественных проблем. С одной стороны, подчеркивается, что «гражданам были гарантированы все важнейшие социальные права – на труд, отдых, охрану здоровья, материальное обеспечение в старости, жилище, образование, пользование достижениями культуры». С другой, признается, что «рос бюрократизм, сдерживалась самоорганизация народа, снижались общественная энергия и инициатива трудящихся»
КПКР ⁹	Позитивное. Но одновременно критика идеологических ошибок и волюнтаризма советского руководства, суть которого состояла в отказе от идеалов коммунизма, когда «целью политики становилось не развитие человека и общества, а достижение прибыли. Превратив марксизм в догму, партийное руководство обращалось к общественным наукам не в поисках истины, а из необходимости придания наукообразного вида проводимой им линии и принимаемых хозяйственных решений». Перестройка – это «буржуазный переворот»
«Справедливая Россия» ¹⁰	Позитивное, особенно в отношении периода Великой Отечественной войны. Без акцентации вопроса о преемственности с опытом СССР. Акцент на новом социализме
«Патриоты России» ¹¹	Позитивное: «Наши отцы и деды возвели мощный производственный фундамент, на котором и сегодня продолжает создаваться экономический потенциал страны. Они открыли космическую эру, вывели СССР в лидеры по уровню образованности населения, научным открытиям, надежности социальных гарантий, явили миру шедевры культуры и искусства, добились высших достижений в спорте. Мы были великой Державой!»

вперед». То есть критике подвергается преждевременное «формально-юридическое» стремление провозгласить построение коммунизма вместо того, чтобы последовательно переходить от «несовершенных форм социализма к более зрелым его формам, обеспечить развитие в СССР реального социализма на собственной основе»¹². В отличие от КПКР, лидеры КПРФ признают нарушения социалистической законности в 1930-х и 1940-х гг. и тем самым признают негативные характеристики сталинизма. Критически оцениваются и проявления периода «застоя», когда люди осознавали необходимость назревших перемен, но «руководство страны медлило с принятием нужных решений и не проявляло должной настойчивости в их реализации. В результате в обществе накапливались трудности, проблемы, неблагоприятные тенденции»¹³. Иными словами, фактически лидеры КПРФ признают необходимость перемен периода перестройки, но видят причину их неудач в негативных явлениях внутри самой партии. К ним относят, прежде всего, проникновение в КПСС «чуждых элементов, безыдейных карьеристов и приспособленцев» как носителей мелкобуржуазной идеологии. Главная причина краха СССР – лицемерное использование «предателями социализма» общественных надежд на преодоление негативных тенденций в рамках социалистической системы. В результате психологической войны внутренних и внешних антисоветских сил социализм в стране был уничтожен.

Программа «Патриотов России» подчеркивает державность и великое прошлое страны,

в том числе и в советский период, но не содержит оценки ни существовавшей политической и социально-экономической системы СССР, ни анализа причин его краха. Тем самым партия не позиционирует себя открыто преемницей социалистического наследия страны, акцентируя внимание на непреходящей значимости патриотических ценностей для россиян.

В программе «Справедливой России» также не прослеживается логики правопреемства с историческим наследием СССР. Более того, в публичном высказывании С. М. Миронова в связи с одной из годовщин Октябрьской социалистической революции акцент был сделан на необходимости преодоления наследия Гражданской войны. Лидер партии оценил ее как «событие, которое сформировало самые отталкивающие, самые регрессивные черты нашего общества, гипертрофию административного произвола и “распределительства”¹⁴. Тем самым уже в отношении к историческому прошлому заложена мысль о целесообразности реформистского и эволюционного пути развития России.

Из обозначенного в программах отношения данных партий к советскому прошлому вытекают соответствующие обоснования оценок настоящего состояния России, особенно перспектив ее дальнейшего развития (табл. 2).

Как видится, именно в критерии отношения к современному состоянию политического и социально-экономического развития России коренится тот параметр, по которому реально можно оценить характер и степень оппозиционности данных партий. Программы показывают,

Таблица 2

Отношение ведущих «левых» партий к настоящему состоянию России

Программы партий	Оценка существующей системы
КПРФ	<p>Критическая оценка сущности капиталистической системы: «Обманом и насилием страна возвращена к капитализму. Это путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации». «Капиталистический способ производства означает безудержную эксплуатацию человека и ресурсов природы без учета губительных последствий для жизни будущих поколений и их среды обитания»</p>
КПКР	<p>Критическая оценка сущности мировой и российской капиталистической системы: «В конце XX века в результате научно-технической и научно-технологической революций в капиталистическом способе производства начали происходить структурные сдвиги. Империализм перешел из государственно-монополистической стадии в свою вторую стадию – стадию транснационального капитализма. Транснациональный капитализм, не ликвидировав ни одного противоречия в капиталистическом способе производства, лишь добавил новые». «Сегодня Россия – уже сформировавшаяся буржуазная страна с экономикой типично колониального типа, в которой господствует олигархическая компрадорская буржуазия. Характерной чертой новорожденного слоя собственников в России является его криминальный характер»</p>
«Справедливая Россия»	<p>Критическая оценка негативных социальных последствий конкретного постсоветского варианта политического и социально-экономического развития России: «Ныне существующая пропасть между бедными и богатыми – угроза социальному равновесию и национальной безопасности страны. Колоссальную разницу между доходами бедных и богатых может сократить только разумная государственная политика в области заработной платы, налогов, пенсий, равный доступ к образовательным ресурсам, системе здравоохранения, адресная социальная помощь наиболее уязвимым слоям населения»</p>
«Патриоты России»	<p>Противоречивая оценка. С одной стороны: «коррупционно-олигархический капитализм», «сохраняется вопиюще несправедливое распределение собственности и доходов от использования природных ресурсов, других национальных богатств, наблюдается колоссальное социальное расслоение общества и высочайший уровень коррупции». С другой стороны: «заметны отдельные позитивные изменения в уровне жизни россиян, становится более открытой политическая система и более зрелым гражданское общество, есть точки роста в экономике, предприняты отдельные шаги для решения острых социальных проблем»</p>

что КПРФ и КПКР открыто позиционируют себя как партии, которые не приемлют сформировавшегося в постсоветской России общественного строя капитализма по его сущностным характеристикам. «Справедливая Россия» не приемлет его конкретный вариант, реализованный в 1990-е гг. радикальными либерал-реформаторами. На подобной позиции находится и партия «Патриоты России», негативно оценивая конкретные характеристики олигархического капитализма в постсоветской России, но не затрагивая его сущностных основ как политической и социально-экономической системы.

В соответствии с этими оценками программы представляют партийное видение будущего развития России и путей, способов и этапов его воплощения в жизнь. Важнейшее значение в этой связи имеет определение стратегической цели партий (табл. 3).

Как видно из данных табл. 3, именно в стратегической цели наиболее явно прослеживается идеологическая основа «левизны» этих партий. КПКР открыто заявляет о своей приверженности к ортодоксальному, большевистскому варианту коммунистического развития и обосновывает четкие этапы его достижения. КПРФ также заявляет о перспективе коммунизма как «светлом будущем всего человечества», но акцент делает

на обновленном социализме, который должен отвечать реалиям XXI в. «Справедливая Россия» четко позиционирует социализм как стратегическую цель своей деятельности, который в программе раскрывается как социал-демократический вариант в его специфической российской интерпретации. В программе «Патриотов России» понятие «социализм» в качестве цели не обозначено, но характеристики «Нового государства и общества» вполне позволяют квалифицировать идеологическую основу партии, так же как специфическую интерпретацию социал-демократии.

Сравнительный анализ структурных частей программ данных партий показывает логическую обусловленность всех их элементов. Так, уровень и характер критичности в отношении советского наследия логически связаны с определением степени оппозиционности партий и являются предпосылкой для обоснования модели будущего политического и социально-экономического устройства России.

Вопрос о перспективах «левого» сегмента российской многопартийности обусловлен рядом факторов. Наличие большого количества партий данной ориентации – это не только свидетельство укорененности ценностей социальной справедливости и коллективизма в массо-

Таблица 3

Стратегические цели ведущих «левых» партий современной России

Программы партий	Стратегическая цель
КПРФ	«Стратегическая цель партии – построение в России обновленного социализма, социализма XXI века». «По мере развития социализма закладываются и вызревают необходимые предпосылки для становления коммунизма – исторического будущего человечества»
КПКР	«Стратегической целью партии является построение коммунизма как будущего человечества». Для ее достижения используется «программа-минимум», состоящая из трех этапов: 1) «национально-освободительный» этап; 2) переходный «социалистический»; 3) строительство коммунистического общества. Программа-максимум – построение коммунизма
«Справедливая Россия»	Социализм – будущее сильной, свободной и справедливой России!
«Патриоты России»	«Наша стратегия – построение Нового государства и нового общества». «Страна, в которой стратегическая собственность и основные национальные богатства принадлежат народу. Страна, в которой обеспечено планомерное экономическое развитие с опорой на собственные силы, где локомотивами экономики становятся наши научные достижения и наши передовые технологии, наш высокопрофессиональный кадровый потенциал. Страна социальной справедливости, равных возможностей для самореализации каждого гражданина, с достойным уровнем качества жизни всего народа»

вом сознании россиян, но и отражение слабости партийно-организационных ресурсов данного сегмента. Его фрагментация и высокий уровень внутренней конкуренции объективно ослабляют возможности оказывать влияние на политические процессы в современной России.

Несмотря на претензии КПРФ выступать главной и единственно реальной, по ее мнению, оппозиционной силой в современной России, выступающей против сложившегося олигархического политического режима в стране, в партии, на наш взгляд, имеет место ряд кризисных явлений. Одним из наглядных его проявлений стало отсутствие возможностей для выдвижения собственного партийного кандидата на выборах Президента Российской Федерации в марте 2018 г. Вся аргументация лидеров КПРФ о целесообразности выдвижения П. Н. Грудина представляется попыткой завуалировать серьезную кадровую проблему в партии.

С одной стороны, Г. А. Зюганов не захотел окончательно закрепить в массовом сознании тот стереотип «вечно второй», который активно внедряли о нем как о партийном кандидате на предшествующих президентских выборах (1996, 2000, 2008, 2012). На выборах 1996 г. Г. А. Зюганов был не просто серьезным конкурентом Б. Н. Ельцина, но, по мнению многих специалистов, стал реальным победителем, проигравшим лишь в результате фальсификаций. Тем не менее, лидер коммунистов не стал опротестовывать результаты выборов и поднимать своих сторонников на противодействие подлогу ЦИК. Тенденция его дальнейшего участия в президентских выборах такова, что он становился вторым, но со все меньшим результатом.

С другой стороны, понимая невозможность своей победы над очевидно популярным В. В. Путиным, лидер КПРФ не смог подобрать никого из своего окружения на роль партийного «дублера», которую на президентских выборах 2004 г. сыграл Н. М. Харитонов. Выдвижение П. Н. Грудина на роль в лучшем случае «второго» в президентской гонке, на наш взгляд, стало попыткой сохранить имиджевый ресурс Г. А. Зюганова как лидера партии. Фактически российских избирателей поставили перед выбором одного из двух вариантов логического объяснения данной ситуации: либо это признание того, что у партии нет серьезного кадрового резерва; либо свидетельство того, что Г. А. Зюганов не хочет допустить усиления позиций какого-либо молодого лидера, способного во время избирательной кампании добиться такого уровня известности, что может составить конкуренцию бессменному коммунистическому лидеру. По крайней мере, оппоненты КПРФ использовали оба эти варианта объяснений в противовес официальным аргументам КПРФ в поддержку беспартийной кандидатуры П. Н. Грудина.

Результаты лидера КПКР свидетельствуют об отсутствии серьезных институциональных и личностных ресурсов у данной партии. Выборы показали, что КПКР – это ортодоксальный, большевистский вариант коммунистической партии, которая не может получить массовой поддержки среди различных слоев населения (прежде всего среди молодежи)¹⁵.

«Справедливая Россия» не выдвинула своего лидера С. М. Миронова на президентских выборах 2018 г. Объяснить это можно, прежде всего, спецификой генезиса и очень своеобразного оп-

позиционного статуса данной партии, целенаправленно сконструированной в свое время как «левой» опоры президента В. В. Путина. Тем не менее, партия вошла в политическое пространство современной России и представлена не только в Государственной Думе, но и во многих региональных законодательных собраниях. Однако анализ результатов голосования в Госдуму за кандидатов от данной партии показывает, что она постоянно балансирует на грани преодоления избирательного барьера и, соответственно, на грани превращения в партию «второго эшелона».

В результате уже в рамках текущего электорального цикла перед лидерами ведущих «левых» партий неизбежно встанет вопрос о перспективах дальнейшего развития. Один из факторов, актуализирующих данную проблему для КПРФ и «Справедливой России», – это возраст партийных лидеров. Если на выборах в Государственную Думу 2021 г. возможность возглавить партийный список для умудренного опытом и поднаторевшего в предвыборной и парламентской риторике для бессменного лидера КПРФ выглядит резонно, то на президентских выборах 2024 г. неизбежно возникнет проблема выдвижения и обеспечения личностным и институализированным имиджевым ресурсом нового партийного кандидата¹⁶. Новый лидер неизбежно должен будет завоевывать авторитет новыми идеями и инициативами, в том числе и программно-идеологического плана. Инициатива сплочения всех «левых» сил на компромиссной для всех идейной основе видится одной из самых перспективных.

Ситуация со «Справедливой Россией» несколько иная. Главная проблема видится не в том, что ее лидер также достиг пенсионного возраста, а в самой политической функциональности данной партии. Созданная как элемент «управляемой демократии» и инструмент конструктивной системной оппозиции, критикующей все, кроме политики действующего Президента РФ, «Справедливая Россия» неизбежно будет поставлена перед вопросом о своей дальнейшей судьбе в ином качестве. Сегодня трудно прогнозировать, какова будет совокупность новых политико-правовых условий в связи со следующими президентскими выборами, но то, что «Справедливая Россия» встанет перед выбором характера и статуса своей оппозиционности, можно утверждать достаточно определенно. Превращению в полноценную самодостаточную политическую силу способствует тот факт, что за время своего существования партия накопила (особенно на региональном уровне) определенный организационный и имиджевый ресурс, который в массовом сознании уже не связан с искусственным происхождением партии, а обусловлен конкретной оппозиционной деятельностью региональных лидеров, разоблачающих злоупотребления власти на местах.

На объединение с КПРФ «Справедливая Россия» вряд ли согласится, несмотря на программную близость многих ценностных позиций и тактических целей по устранению наиболее вопиющих негативных проявлений существующей олигархической системы. Камнем преткновения видится стратегический приоритет КПРФ по строительству коммунистического будущего страны. Хотя оно и носит в программе КПРФ достаточно абстрактный характер как очень отдаленная перспектива, но в корне противоречит социал-демократическим ценностям и принципам «Справедливой России».

«Патриоты России» представляют собой деидеологизированную партию, хотя по своим ценностным характеристикам партия очень близка «Справедливой России». Поэтому объективное основание для сближения позиций вполне реально, особенно с учетом обсуждаемой идеи о возвращении в избирательном законодательстве возможности создания предвыборных блоков различных партий. Как представляется, это один из самых реальных вариантов «кристаллизации» «левого» сегмента партийной системы современной России. Какой вариант трансформации избирательной системы выберет действующая власть и по какому пути пойдут рассмотренные партии в трансформации своих возможностей – покажут ближайшие выборы.

Примечания

- 1 См.: Список зарегистрированных политических партий. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 08.01.2019).
- 2 См.: Программа политической партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ». Патриотизм, справедливость, Национальный прорыв! URL: <https://minjust.ru/ru/node/2271> (дата обращения: 08.01.2019).
- 3 См.: ПРОГРАММА Всероссийской политической партии «Партия пенсионеров России». URL: <https://minjust.ru/ru/node/2316> (дата обращения: 10.01.2019).
- 4 См.: ПРОГРАММА ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «Интернациональная партия России». URL: <https://minjust.ru/ru/node/6171> (дата обращения: 10.01.2019).
- 5 См.: ПРОГРАММА Всероссийской политической партии «Аграрная партия России». URL: <https://minjust.ru/ru/node/2322> (дата обращения: 10.01.2019).
- 6 См.: Программа Всероссийской политической партии «Партия Возрождения Села». URL: <https://minjust.ru/ru/node/4457> (дата обращения: 10.01.2019).
- 7 См.: Программа Общественной организации Политической партии «Возрождение аграрной России». URL: <https://minjust.ru/ru/press/news/programma-i-ustav-obshchestvennoy-organizacii-politicheskoy-partii-vozhrozhdenie-agrarnou> (дата обращения: 10.01.2019).
- 8 Программа политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». URL: <https://minjust.ru/ru/node/2290> (дата обращения: 24.01.2019).

- ⁹ ПРОГРАММА Политической партии КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ. URL: <https://minjust.ru/ru/node/2324> (дата обращения: 24.01.2019).
- ¹⁰ См.: Программа партии «Справедливая Россия». Социализм – будущее сильной, свободной и справедливой России. URL: <https://minjust.ru/ru/node/2270> (дата обращения: 19.01.2019).
- ¹¹ Программа политической партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ». Патриотизм, справедливость, Национальный прорыв!
- ¹² Программа политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации».
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Миронов* : Нам надо преодолеть наследие гражданской войны. URL: <http://mironov.ru/publikatsii/mironov-nam-nado-preodolet-nasledie-grazhdanskoj-vojni/> (дата обращения: 25.01.2019).
- ¹⁵ Спойлерский характер данной партии требует отдельного самостоятельного анализа.
- ¹⁶ Г. А. Зюганову на тот момент будет 80 лет.

Образец для цитирования:

Вилков А. А. «Левый» сегмент партийной системы современной России: проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 196–202. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-196-202>

Cite this article as:

Vilkov A. A. The Left Segment of Party System in Modern Russia: Problems and Prospects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 196–202 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-196-202>

УДК 32+303

«Исторический» и «ретроспективный» методы современного политического исследования: проблемы использования

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Публикация посвящена анализу проблем, связанных с применением «исторического» и «ретроспективного» методов в политическом исследовании. Выделены уровни таких проблем. На первом уровне эти проблемы возникают по следам попыток политологов ориентироваться в применении данных методов на свою интуицию. Проблемы второго уровня – это проблемы использования наиболее доступных сегодня начинающим исследователям определений «исторического» и «ретроспективного» методов, связанные с противоречивостью содержания и некорректностью формулировок таких определений. Третий уровень – это проблемы достижения политологом органичности связи «исторического» либо «ретроспективного» метода с общей стратегией, линейной или циклической, политического исследования.

Ключевые слова: методы политического исследования, исторический метод, ретроспективный метод.

“Historical” and “Retrospective” Methods of Modern Political Research: Problems of Applying

N. I. Shestov

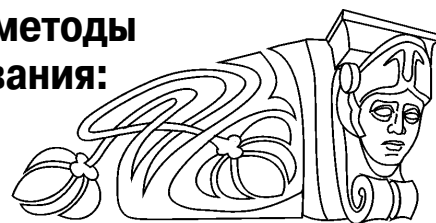
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article is about analysis of problems connected to applying “historical” and “retrospective” methods used in political science research. Levels of such problems are indicated. On the first level, these problems appear in the wake of political scientists’ attempts to use intuition while using those methods. The second level problems imply using definitions of “historical” and “retrospective” methods which are the most comprehensible for young scholars and relate to ambiguity and inaccuracy of the terms. The third level problems deal with the difficulties of achieving an organic link of “historical” or “retrospective” method to the general strategy, be it lineal or cyclic, of political science research.

Keywords: methods of political research, historical method, retrospective method.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-203-211>

Первое положение, обоснованию которого посвящена настоящая публикация, состоит в том, что применение «исторического» и «ретроспективного» методов в политологических текстах, включающих в свою структуру характеристики прошлых состояний практической политики и политической мысли и нацеленных на

поиск связей между ними, имеет свою специфику. Оно, это применение, отличается от того, как эти методы могли бы быть представлены в научных текстах, например, историка или философа.

Второе положение состоит в том, что специфика эта обусловлена связью между выбором политолога в пользу применения в своем исследовании «исторического», либо «ретроспективного» метода, либо их комбинации и его приверженностью линейному или циклическому подходу к изучению прошлого политики и политической мысли.

В отечественной политологии так сложилось, что подробная характеристика методологии конкретного исследования является обязательной для авторов научно-квалификационных работ и заявок на различные научные гранты. От политологов, которые в текущем режиме (в виде статей, например) публикуют результаты своей исследовательской работы, развернутого обоснования выбора в пользу тех или иных научных методов обычно не требуется. Часто не требуется даже как такового упоминания об использовании автором статьи конкретного метода или методов.

В этом есть своя логика. Набор методов, используемых в отечественной политологии, относительно невелик. Он, по большей части, хорошо известен специалистам. Научная квалификация, если она достаточна, позволяет политологу в определении теоретической основы своего исследования доверять интуиции, а также ориентироваться на опыт выбора и применения методов своими коллегами, работающими в одном с ним научном направлении, рассчитывать на понимание с их стороны. В принципе, требовать, чтобы политолог, особенно прикладник, каждый раз по малейшему случаю погружался бы в теоретическую рефлексию, наверное, неразумно. Работа над научными методами одних специалистов-теоретиков для того и нужна, чтобы другие специалисты-прикладники могли воспользоваться ее готовыми плодами – то есть выбрать из наличного ряда теоретических разработок именно те, которые оптимально обеспечивают ему решение соответствующих научных задач.

Все это так. Вместе с тем, как бы исследователь ни доверял своему опыту и интуиции в выборе и применении методов, как бы он ни рассчитывал на понимание со стороны коллег и на возможность для себя двигаться в проторенном ими русле методологии политической науки, есть

вопрос, обойти который вниманием добросовестному исследователю невозможно. Ответ на этот вопрос определяет меру способности исследователя к самокритике, к самостоятельной оценке качества проведенной им научной работы раньше, чем она будет вынесена на суд экспертов.

Интуиция и научный опыт хороши, когда политологу из множества вариантов, представленных в научных и справочных ресурсах, нужно выбрать определение метода, наиболее подходящее к научным задачам, поставленным им перед собой. Тут политолог может ориентироваться на четкость и емкость отдельных формулировок, на свое владение философским дискурсом и даже на свои эстетические пристрастия. Он может в то же время ориентироваться на свое ощущение «естественности» использования им того или иного научного метода применительно к решению научной задачи. Действительно, если объектом и предметом изучения служит, например, «политическая система», то что может выглядеть более естественным, чем применение политологом для ее изучения «системного метода»? Допустим, что политолога интересует проблема структурирования и функционирования политических институтов в упомянутой политической системе. Тогда естественным, как интуиция подсказывает политологу, выглядит использование им «институционального» и «структурно-функционального» методов и т. д.

Но интуиция и соображения «естественности» применения того или иного метода помочь могут не всегда. Как быть политологу в ситуации, когда в одном исследовании ему необходимо, например, объединить изучение становления в прошлом теории российского федерализма с изучением истории федеративных государственных институтов и управленческих практик? Эта задача из разряда тех, что практически постоянно приходится решать политологам в странах, у которых, как у России, богатая и сложная история политической жизни и не менее богатый опыт ее теоретического осмысления. Политологу с вузовским образованием не надо даже подключать интуицию, чтобы сообразить, что там, где речь идет об изучении «истории» чего-либо, уместным будет применение или «исторического метода», или «ретроспективного метода», или их обоих вместе.

Но тут возникает ряд вопросов. Исследователь будет вынужден задать их себе, если намерен контролировать свой творческий процесс, а не действовать по принципу «куда кривая вывезет».

Какое, например, понятие (а вместе с ним и метод, для которого данное понятие является системообразующим) более всего соответствует тем задачам, которые политологи ставят перед собой, когда изучают наследие политической мысли: «история» или «ретроспектива»? Какое из этих двух понятий способно обеспечить максимальное отличие ракурса, в котором прошлое

отношений государства и общества, а также идейного обоснования таких отношений изучает профессиональный историк или же профессиональный философ, от ракурса, в котором все это может и должен изучать профессиональный политолог? А когда речь идет об изучении им исторического опыта политических управленческих практик или политических конфликтов, то какое понятие и какой метод из двух возможных уместно использовать? Может быть, с другой стороны, наибольший позитивный результат даст одновременное включение в методологию политического исследования, соединяющего изучение политической мысли с изучением политических практик, обоих методов? Но не будут ли эти методы друг друга дублировать? А если будут, то не скажется ли это на конечном научном результате?

Естественно, что в одной небольшой публикации невозможно дать исчерпывающий ответ на все эти вопросы. Для достойного качества политических исследований будет неплохо, если в окончательном варианте ответы на них каждый раз политолог будет давать сам, в меру своей научной добросовестности и подготовленности. Есть, вместе с тем, некоторые общие «точки отсчета», которыми, как представляется, специалисту с любым уровнем профессиональной подготовки не стоит пренебрегать при осуществлении своего методологического выбора.

Одна такая «точка отсчета» – это противоречивость определений «исторического» и «ретроспективного» методов, которые наиболее доступны сегодня политологу, начинающему, в первую очередь. Такие определения предлагает, например, Интернет – самый популярный на сегодняшний день источник знаний о теоретических основах разнообразных исследовательских практик. Разобраться с этими определениями политологу необходимо для того, чтобы принять решение относительно собственного понимания «сфер компетенции» упомянутых методов, оптимально эти сферы разграничить так, чтобы один метод дополнял другой, а не дублировал. Особенно необходимой такую работу делает то обстоятельство, что оба метода исследователи используют давно, широко (в разных науках), и числятся у них эти методы по разряду общенаучных методов. То есть изначально предполагается, что у этих методов очень широкие «сферы компетенции» в самых разных науках¹. И даже в пределах одной науки вероятно, что «сферы компетенции» данных методов могут друг друга перекрывать.

Как современные информационные ресурсы предлагают понимать смысл и предназначение «исторического метода»? Подчеркнем, что речь идет об «историческом методе» именно как об общенаучном теоретическом инструменте, а не принадлежности одной только исторической науки. Сравним определения «исторического

метода» на предмет наличия либо отсутствия в них формулировок, которые требуют от политолога самостоятельной оценки научного потенциала этих методов. Одно определение, например, гласит, что «исторический метод» – это «...способ изучения **сущности и содержания природных** и социальных объектов, когда **существенное** внимание уделяется **длительности и скорости** их формирования и развития, **степени влияния** на динамику изучаемых объектов **внутренних закономерностей и внешних условий** существования (“среды”). Применяется там и тогда, когда **скорость изменения свойств объекта** является достаточно важной с точки зрения практических интересов человека (астрономия, космология, геология, история общества и др.). Адекватное использование исторического метода предполагает наличие такой **шкалы времени**, которая опирается бы на устойчивые **естественные ритмы самой природы**...»². О том же, но короче, сообщает другое определение. «Исторический метод», согласно ему – это «... способ изучения **сущности и содержания природных** и социальных объектов, когда основное внимание уделяется формированию, развитию и динамике изучаемых объектов. В основе метода лежит историзм – принцип научного познания, являющийся методологическим выражением **саморазвития** действительности...»³. В еще одном определении политологу можно прочесть, что «исторический метод» – это метод «...позволяющий получить представление об **эмпирической** (т. е. связанной с опытами над ним. – Н. Ш.) истории объекта»⁴.

Наиболее вероятный вывод, к которому знакомство с такими определениями может привести политолога, тот, что «исторический метод», в принципе, плохо подходит для решения задач политического и вообще гуманитарного исследования. Во-первых, потому, что «изучением сущности природных объектов» занимаются сегодня науки точные и естественные, а не гуманитарные. Представители точных и естественных наук создают для нужд своей исследовательской работы различные «шкалы времени» и со своих методологических позиций обосновывают их связь с «естественными ритмами природы». Для политолога больший интерес представляют не «ритмы природы», а «ритмы политики».

Во-вторых: раз речь идет об изучении процессов развития в прошлом политических практик и политической мысли, изучение «длительности» этих процессов для политолога представляет интерес. Такое знание «длительностей» помогает ему в построении периодизаций упомянутых процессов. Что может дать политической науке и практике изучение того, с какой «скоростью» в прошлом происходило развитие политического процесса и насколько с ней совпадала скорость движения политической мысли? На нынешнем этапе развития политической науки этот

вопрос представляется открытым. Очевидно, например, что в прошлом развитие процессов могло идти с одной скоростью и менее синхронно, сегодня оно идет с другой скоростью и более синхронно. То и другое состояние политики будет определяться не характеристиками физических пространства и времени, а совокупностью культурных и экономических факторов, вызовами государству и обществу извне и изнутри пространства, в котором они функционируют.

В-третьих: политика и политическая мысль в особенности не являются процессами «саморазвития». Уже потому то и другое являются теми «инструментами культуры», посредством которых в последние четыре тысячелетия своего существования (если считать от момента появления первых политий на Земле) человечество создает, воспроизводит и обустроивает «цивилизацию». То есть самостоятельную по отношению к остальной природе среду своего существования, развитие которой не является «саморазвитием». Инструменты эти меняются не сами по себе, а в соответствии с теми задачами, для решения которых в разное время их применяли люди. Сегодня, как и в прошлом, политику и политическую мысль целенаправленно формируют и изменяют конкретные люди, общественные группы и элиты, руководствуясь своими частными, общественными и элитарными интересами к ней и представлениями о ней. Иногда эти интересы и представления не вполне рациональны и не в достаточной мере осознаны людьми. Но, тем не менее, это та субъективная реальность, аналогов которой в саморазвивающейся природе нет. Момент стихийности тоже присутствует в политических практиках больше, в политических теориях меньше. Но политологи, в большинстве своем и за исключением постмодернистов, не считают его тем основанием, по которому можно судить о характере политики вообще и о ключевых тенденциях ее развития в частности. О политике в прошлом и настоящем политологи больше предпочитают судить как раз по степени способности ее основных акторов сделать ее рационально организованной и технологично управляемой.

В-четвертых: политика является той человеческой практикой, в которой экспериментирование не то чтобы не очень полезно, а часто просто недопустимо по этическим и прагматическим соображениям. Интересно было бы, например, поэкспериментировать с революциями или другими социальными конфликтами ради повышения точности наших знаний об их причинах и свойствах. Но что-то, а именно здравый смысл и гражданская ответственность, будут удерживать современного исследователя политики от попыток этот интерес удовлетворить.

Во всех трех определениях не учтен один принципиальный момент. Он не слишком важен для представителя точных или естественных

наук, если он использует общенаучный «исторический метод», но для гуманитариев он в этом случае важен. Применение «исторического метода» в гуманитарном исследовании, политическом в том числе, оправданно там и тогда, где и когда предметом изучения является «история». То есть процесс создания, воспроизводства и настройки людьми из поколения в поколение тех «инструментов культуры», посредством которых эти люди стремятся обеспечить стабильное функционирование (а лучше прогресс) своей «цивилизации», ее конкурентоспособность по отношению к иным «цивилизациям». А раз речь идет о разнообразных, но весьма конкретных «инструментах», каждый из которых находит своих тоже разных и тоже конкретных пользователей, то применение «исторического метода» в научном исследовании целесообразно там, где для исследователя важными являются именно детали. От свойств конкретных деталей зависит возможность исследователя соединить эти детали в один процесс так, чтобы это соединение выглядело органичным, а значит, понятным и правдоподобным.

Сходные проблемы возникают у политолога при ознакомлении с определениями «ретроспективного метода». Одни такие определения обозначают «сферу компетенции» этого метода в научном исследовании предельно узко, другие, напротив, максимально широко. «Ретроспективный метод – разъясняет, например, одно определение, – заключается в последовательном проникновении в прошлое с целью выявления **причин событий**»⁵. Другого назначения, согласно этому определению, у «ретроспективного метода» нет. Чем в таком случае этот метод отличается от метода «каузального», предназначением которого являются как раз выявление причинно-следственных связей событий, прогнозирование их дальнейшего хода, этого создатели данного определения не объясняют.

Другое определение дает чуть более широкую трактовку «сферы компетенции» данного метода. «Сущность метода <...> заключается в том, чтобы **изучать прошлое по более поздним ступеням его развития**, по остаткам от этого прошлого в материальной и духовной культуре последующего времени. Метод предполагает **поиск причин** того или другого явления **в их следствиях** <...> **ретроспективный метод или метод возвратного анализа заключается в реконструкции старого по остаткам последнего** в последующем или в настоящем»⁶.

«Изучение прошлого по более поздним ступеням его развития» у профессиональных историков называется модернизаторством прошлого и ими в большинстве своем не приветствуется. Прошлое познаваемо «из себя самого», давно говорят историки⁷. Эту его познаваемость определяет не формальная сопоставимость прошлого с настоящим, не само по себе наличие в настоящем

«остатков» прошлого. Все зависит от способности исследователя задать историческим источникам такие вопросы, ответы на которые сделали бы это прошлое понятным для современного человека. Данное определение ориентирует политолога на то, что его главная задача – «реконструировать по остаткам» прошлое политики и политической мысли, а не понять его.

У современной политической науки, кроме того, есть собственный проблемный опыт увлечения характеристиками и оценками прошлого политики и политической мысли, отталкивающимися от их нынешнего состояния в странах либеральной демократии и рыночной экономики. Когда либерально настроенные политологи 90-х гг. прошлого века объясняли гражданам России естественность и необходимость радикальных либерально-демократических реформ, то обычно они сопоставляли досоветское и советское (чаще всего сталинское) политическое, экономическое и культурное прошлое нашей страны с настоящим днем западных либеральных демократий. С теми условиями, которые они сегодня создают для существования «обществ потребления» в Западной Европе и Северной Америке. Вопрос научной некорректности такого сравнения снимался рассуждениями публицистов и ученых в том духе, что это, дескать, не сравнение прошлого российского политического опыта с нынешним европейским, а это его сравнение с «мировым стандартом» политики, с «магистральной дорогой прогресса человечества».

Следствием увлечения отечественных политологов такого рода «сравнениями» своего прошлого с чужим настоящим стало то, что сегодня прошлое отечественной политики и политической мысли политологи изучают, отталкиваясь в основном от суждений и оценок отечественных же профессиональных историков. Нынешнее же состояние политики и политической мысли они изучают преимущественно в русле тех теорий и оценок, которые были позаимствованы отечественной политологией у западных коллег. При такой рассогласованности методологии трудно появиться целостному взгляду политолога на динамику и специфику процесса развития в России политической практики и теории. И определение, рекомендуемое политологу «изучать прошлое по более поздним ступеням его развития», консервирует эту проблему на уровне самой методологии политического исследования. Кстати, «реконструкция старого по остаткам последнего» как прежде имела, так и сегодня имеет свое собственное название в качестве самостоятельного метода – «метод реконструкции».

Еще одну загадку представляют собой рекомендации по использованию «ретроспективного метода», которые политологу дает «Ступодопедия»: «**Историческое познание является ретроспективным** (от лат. *retro* – назад и *specio* – смотрю) в том смысле, что оно обращено к

тому, как развивались события **в реальности – от причины к следствию. Историк же идет от следствия к причине**, это правило познания действует в любом случае без исключения»⁸. Как может «историческое познание» двигаться в одном направлении, а сознание историка, это самое историческое познание осуществляющего, в другом направлении, этого авторы определения своим пользователям не объясняют.

Другое определение имеет более высокий уровень детализации: «Ретроспективный метод или метод ретроспекции можно назвать методом **целостного видения прошлого...**»⁹. Далее определение разъясняет, в чем, собственно, состоит упомянутая «целостность». И разъяснение оставляет больше вопросов, чем дает ответов: «Метод **включает как анализ, так и синтез** <...> Ключевыми характеристиками данного метода можно назвать: во-первых, реконструирование <...> **идеального образа процесса**, опирающегося, тем не менее, на фактическую реальность; во-вторых, **объективное дистанцирование**, предусматривающее своеобразное **видение процесса с двух встречных позиций – с конца к началу и наоборот**; в-третьих, целостность восприятия, предполагающую постоянное **оперирование целостным образом реконструируемого процесса**, позволяющее погрузиться в «**ткань**» процесса... Это необходимо для **выделения внутренней линии развертывания процесса**, для проникновения в его **внутренние закономерности**... Таким образом, **научная абстракция, создающая идеальный образ исследуемого процесса**, – необходимый прием для реализации ретроспективного метода...»¹⁰

Во-первых, «анализ» и «синтез» были и остаются вполне самостоятельными общенаучными методами исследования. Такими же, в принципе, самостоятельными методами являются и «метод абстракций», и метод выделения «идеальных типов», еще в начале минувшего века предложенный М. Вебером. Во-вторых, из определения не понятно, как исследователь может «погрузиться в ткань процесса», т. е. в те существенные детали, на основании соединения которых он может проследить «внутреннюю линию развертывания» и «закономерности» процесса, отталкиваясь от научной абстракции? Иначе говоря, от того, что является весьма условным отражением того, что имеет место в реальности.

Продолжение определения приходит в противоречие с первоначальной заявкой его авторов и публикаторов, что сущность метода в том, что «мы **смотрим в прошлое**»¹¹. Теперь, по их мнению, сущность метода определяет возможность для ученого, изучающего какой-либо процесс или временной отрезок процесса, реализовать: «**взгляд из любой точки внутри этого отрезка в обе стороны: как “вперед” к следующему моменту или конечному, готовому результату, так и “назад” к исходному или предшеству-**

ющему моменту»¹². По смыслу данной формулировки выходит, что «ретроспективный метод» на самом деле никакой не «ретроспективный», а «ретроспективно-перспективный». А поскольку точку отсчета для построения ретроспективы и перспективы исследователь волен выбирать сам, то недостаточно убедительными выглядят уверения авторов определения, что метод обеспечивает исследователю, его применяющему в таком варианте, максимум объективности («объективное дистанцирование»).

Более того, дальше авторы определения предлагают такие характеристики смысла и назначения «ретроспективного» метода, которые позволяют политологу отождествить его с другими, хорошо известными ему методами: «Мысль исследователя вынуждена постоянно совершать одновременно **несколько кругов сопоставления, анализа, синтеза**, при этом **круги накладываются друг на друга** (т. е. ни о каком взгляде исследователя, направленном в прошлое, говорить не приходится. – Н. Ш.), что способствует взаимопроверке выдвигаемых положений, но, в свою очередь, это приводит к прояснению **внутренних взаимосвязей** («системный метод». – Н. Ш.) изучаемого процесса становления, его **движущих сил** («факторный анализ». – Н. Ш.), выявлению тех **постепенных приращений и преобразований** («эволюционный метод». – Н. Ш.), которые наполняют процесс. Это позволяет понять сложность, многоаспектность процесса, увидеть его **уникальность и закономерность** («сравнительно-исторический метод». – Н. Ш.)¹³.

Весь этот набор свойств, присущих, по представлению авторов определения, исключительно «ретроспективному методу», приводит их к заключению: «Ретроспективный метод изначально опирается на объективность в восприятии исследуемой реальности, да и **сама эта реальность не есть продукт волевых действий множества обладающих сознанием индивидов**»¹⁴. Политологу, таким образом, остается догадываться, насколько общенаучным является общенаучный ретроспективный метод, если он не применим в сфере гуманитарного знания. А также у него есть повод поразмышлять, насколько такой метод вообще ему нужен для проведения исследования политики и политической мысли, которые в значительной мере представляют собой во все времена «продукт волевых действий множества обладающих сознанием индивидов».

Надо отдать должное авторам определения, они оставили в нем отдушину для гуманитариев: «...**ретроспективный метод рассматривает различные факты, в том числе и исторические, но с естественнонаучных позиций, а потом использует их в реконструируемой модели опять в роли исторических фактов** <...> Можно видеть, что **ретроспективный метод родственен историческому** <...> Метод ретроспективного синтеза **значительно отличается**

от рассмотренных структурно-генетического, системного и исторического методов, имея в то же время с ними некоторое сходство»¹⁵.

Для полноты картины необходимо упомянуть о существовании определений, отождествляющих «ретроспективный метод» с «методом моделирования». Одно из них гласит: **«Метод исторического моделирования называют еще ретроспективным <...> Суть метода заключается в “ретросказании”, т.е. в движении мысли исследователя от современности к прошлому. Идя от настоящего к прошлому, исследователь имеет возможность рассмотреть различные стадии явлений (тут уместно вспомнить о существовании «метода периодизации». – Н. Ш.), Следовательно, глубже вникнуть в суть изучаемых процессов (а это уже ближе к «феноменологическому методу». – Н. Ш.), позже раскрыть их содержание. <...> когда идет речь о ретроспективном методе, то в это понятие вкладывается более конкретное значение: он рассматривается как способ получения выводных знаний о явлениях прошлого («логический метод». – Н. Ш.)¹⁶.**

Вторая «точка отсчета» – это неоднозначность современных представлений политологов о том, что есть политика и политическая мысль в качестве предмета политического исследования. Иначе говоря, при помощи какой теоретической модели можно наиболее адекватно описать их структурные и динамические свойства и, отталкиваясь от них, понять их смысл и значение уже для современной политической теории и практики?

В отечественной политологии сегодня используются две такие теоретические модели – линейная и циклическая. Модели – принципиально разные по смыслу. Разные они и по тем научным задачам, которые политолог потенциально способен решить с их помощью. Обе они являются своего рода «косями» (иногда самостоятельными, иногда пересекающимися), вокруг которых выстраивается методология политического исследования, подбираются методы и для каждого из них определяется ряд научных задач для решения. Работоспособность такой методологии прямо зависит от того, насколько смысл и функциональность отдельных методов, подобранных политологом для методологии своего исследования, а также всех их вместе, согласуются со спецификой той или другой модели.

Линейная модель подразумевает, что политический процесс и процесс политической мысли, вместе со всеми другими процессами в природе и обществе, движутся в физическом пространстве и времени от некоторого условного своего «начала» к такому же условному «концу». Поскольку представления о сущности политики у политологов были и остаются разными, то условным «началом» политического процесса большинство из них соглашаются *de facto* считать появление в обществе конфликтов по пово-

ду власти, а также государства, которое вводит такие конфликты в управляемое правовыми и административными способами русло. Дополнительные сложности с определением «начала» политики создает то, что понимание сущности «государства» у отечественных политологов тоже довольно разное. Легче решается задача определения «начала» всего процесса движения политической мысли или отдельных его этапов такого движения. Все в этом случае зависит от того, какой самый ранний источник политической мысли дошел до нас в том состоянии, при котором возможно и практически целесообразно его изучение. Такой источник и символизирует «начало» политической мысли как предмета научного исследования.

Сторонниками линейного подхода к изучению политических и политико-культурных процессов задача установления «конца» этих процессов решается обычно несколько проще. На протяжении последних трех столетий для исследователей (консерваторов, либералов, социалистов, анархистов, а в нынешнем веке еще и глобалистов с антиглобалистами) «концом» политики и политической мысли было такое идеальное, с их научной и идеологической точки зрения, состояние того и другого, двигаться дальше которого для общества и элит лишено смысла. В одних случаях «концом» является текущее состояние политики и политической мысли, в других – более или менее отдаленное «светлое» будущее.

При всех различиях последователям линейного подхода свойственно убеждение в том, что «начало» и «конец» практической политики, а вместе с ней и политической мысли, объективны. Они, иначе говоря, существуют в реальности, даже если у нас недостает знаний о настоящем и прошлом политических практики и теории для того, чтобы о них достоверно судить. Они, как «альфа» и «омега», определяют смысл и программу развития политических теории и практики. И все эти точки, в принципе, всегда могут быть (не сегодня, так завтра) четко локализованы в физическом пространстве и времени. За «начала» и «концы» сторонники линейного подхода принимают более или менее значимые политические события и явления (например, войны, создание и распад государств, общественные конфликты, рождение и смерть политических мыслителей и т. д.).

Свой взгляд на практическую политику и политическую мысль, их «начала» и «концы» у сторонников использования для их изучения «теорий циклов». Теории «циклов» появлялись в разное время и в рамках разных наук. Они тоже очень разные и по тому, какой смысл их создатели вкладывали в понятие «цикл», и по тому, какие критерии считали оптимальными для выделения циклов разного масштаба и уровня¹⁷.

Одни циклические представления о политике имеют некоторые сходства с линейными

представлениями о ней. Сходство возникает тогда, когда исследователи политики соединяют отдельные циклы в «спираль развития». Естественно, что у такой «спирали развития» непременно должен быть некий вектор, обозначающий, откуда и в каком направлении эта «спираль развития» достраивается теоретиками. В этом случае циклическая модель политического процесса фактически представляет собой структурно усложненный вариант все той же линейной модели.

Другие сторонники взгляда на политику как смену циклов убеждены, что циклы не складываются ни в какую «спираль развития», их движение нельзя привязать к какому-либо вектору, обращенному из современности в прошлое или наоборот. Они считают, что «циклы» как бы вырастают один из другого, они (когда раз за разом одни и те же, в сущности, основные субъекты политики решают сходные политические задачи) наслаиваются в пространстве и времени друг на друга. Расширяется или сужается пространство политического действия, возрастает или падает интенсивность отношений этих субъектов. Самих субъектов становится то больше, то меньше, у них появляются новые политические интересы и исчезают прежние. Потому и связи между ними изначально не могут быть охарактеризованы в категориях линейности, как причинно-следственные связи, например. Эти структурные и функциональные изменения внутри циклически организованного политического процесса «циклисты» считают обычно принципиально более важными для понимания его сути, чем выяснение вопроса наличия у этого процесса «начала» и «конца». Когда речь идет о формировании исследователем циклической картины политики, то он волен сам, исходя из соображений удобства работы с этой картиной и восприятия ее публикой, определять для различных циклов условные «начала» и «концы». Он волен в одном случае использовать для этого даты исторических событий, известные этой публике, а в другом – точно так же хорошо известные ей тенденции в развитии кризисов и конфликтов. Суть дела такое творчество исследователей не меняет. Для циклической модели описания политики важен вопрос организации политического процесса, а не его «начала», «конца» или же вектора развития.

Каким образом все эти сложности с определением «начал» и «концов» политики и политической мысли способны повлиять на выбор политолога в пользу использования «исторического» либо «ретроспективного» метода, либо их комбинации?

Если политолог по своему профессиональному мировоззрению является «циклистом», то использование им для изучения политического процесса понятия «ретроспектива» и «ретроспективного метода» будет с этим мировоззрением конфликтовать в значительно большей

мере, чем использование понятия «история» и «исторического метода». Понятия «история» и «исторический метод», если говорить об их применении именно для нужд политического исследования, более органичны взгляду на практическую политику и политическую мысль как циклически развивающиеся процессы.

Существуют разные переводы на русский язык латинского термина *retrospectare*¹⁸. Многое в переводе зависит от того, для приложения к изучению какой именно социокультурной практики (литературной, художественной, правовой и т. д.) исследователь осуществляет такой перевод. Вместе с тем общим для всех переводов является тот смысл понятия «ретроспектива», который максимально точно можно передать следующим предложением. Это «взгляд назад» исследователя прошлого. Взгляд из точки, обозначающей «конец», на точку, обозначающую «начало».

Именно «взгляд», т. е. построение мыслью политолога некоего «вектора». Он направлен из точки, в которой он себя позиционирует в качестве наблюдателя за прошлым политики и политической мысли (точки «конца») в точку «начала». В ту исходную точку процесса, в которой, как надеется политолог, приверженный линейному взгляду на процесс развития политических практик, в концентрированном виде представлена вся сущность процесса и вся программа его разворачивания в историческом пространстве и времени – то, что можно назвать «идеей» процесса. Руководствуясь такой «идеей», политолог, являющийся сторонником линейного взгляда на историю политических практик и мыслей, решает принципиально важную для него задачу – изучать процесс их изменения в прошлом с точки зрения его собственной, внутренней логики развития, не уклоняясь в выяснение и обсуждение деталей. Деталей, которые наверняка интересны и важны для профессионального историка, важны и обществу для осознания масштаба и ценности собственного исторического опыта, но которые, тем не менее, не являются ключом к пониманию современного состояния политических теории и практики.

Определения «истории» и «исторического метода», как видно из примеров, приведенных выше, тоже разнообразны и тоже имеют привязку к тем областям современного научного знания, где «исторический метод» востребован. Тем не менее, в большинстве своем они подразумевают, что если мы изучаем прошлое политических практики и теории как «историю», то не только и не столько для того, чтобы свести «концы» с «началами». И даже не только для того, чтобы понять сквозную логику развития конкретной практики или конкретной мысли. Смысл изучения прошлого как «истории» – в получении людьми сегодня максимально полного, детализированного знания о нем, знания, в силу своей полноты и детальности, максимально до-

стоверного («как оно было на самом деле»). Настолько полного и достоверного, что для любого субъекта современной политики оно может быть ресурсом решения его разнообразных задач.

«Исторический метод», каким бы разнообразным ни было его понимание современными теоретиками, больше согласуется с намерением политолога изучать прошлое политики и политической мысли циклически. Исследователю, чтобы опознать в этих процессах циклы, структурировать их и расположить такие циклы в определенной системе, детали важнее «начал» и «концов». Важны именно отдельные факты из прошлого политики и политических идей, детализированные связи между ними, позволяющие каждый такой факт и каждую такую связь положить, как кирпичик, в конструируемую исследователем структуру цикла, какой он ее видит.

Исследователи-«циклисты», как и сторонники линейного взгляда на политические практики, считают циклы развития политики и политической мысли объективной реальностью. Но им также свойственно представление, что структурировать отдельные циклы и расположить их в системе можно по-разному. Многое тут зависит от желания и способности исследователя уловить в изучаемых им процессах некие наиболее существенные события и связи, сделать их историческими и политическими фактами, т. е. дать им объяснение с точки зрения своих представлений об истории и потребностях современной политики. И именно их затем, как кирпичики, поместить в моделируемую структуру отдельного цикла либо всей циклической последовательности развития сферы политики.

Иначе говоря, циклическое понимание политологом динамики политических теории и практики делает актуальными для него именно максимально конкретное и детализированное знание о прошлом. Именно оно, такое знание, в сознании большинства современных людей со средним и высшим образованием, включая профессиональных политологов и даже многих профессиональных историков, отождествляется с функцией исторической науки и со смыслом применения ею «исторического метода» как универсального способа реконструкции прошлого таким, каким оно «было на самом деле»¹⁹. Чем точнее согласно такому представлению политолог воспроизвел в своем научном тексте обстоятельства развития в прошлом политики и политической мысли, тем больше у него оснований говорить о своем выборе для методологии своего исследования и о применении в нем «исторического метода», а также настаивать, что применение этого метода позволило ему создать максимально достоверную картину циклического развития политических практик и идей.

Попытка политолога соединить «исторический» и «ретроспективный» методы в методологии одного конкретного политического исследо-

вания не выглядит оптимальным решением вне зависимости от того, какого взгляда на динамику политики и политической мысли он придерживается. Политологу придется в этом случае дополнительно решать задачу организации научного текста. Ему нужно будет строить свой научный текст так, чтобы в нем действительно просматривалось применение обоих методов, а не какого-то одного из них. Политологу придется действовать вопреки той естественной логике, которая будет побуждать его связывать циклический взгляд на политику преимущественно с «историческим методом», а линейный взгляд на нее – преимущественно с «ретроспективным методом».

Преодолеть эту естественную логику можно. Но что это даст для повышения качества результатов работы политолога? Ничто, в принципе, не мешает ему приложить дополнительные усилия и немного усложнить структуру своего научного текста, а именно – каждый предмет, которого он в этом тексте касается, рассматривать сразу в двух ракурсах: и как начало, и как конец чего-то, и как нечто такое, что постоянно присутствует в политическом процессе и актуализируется в нем с определенной циклическостью. Но тогда ему придется продумать и то, как свести эти два ракурса воедино в своих выводах и оценках упомянутых процессов. Результатом может стать непоследовательность политолога в своих выводах и оценках.

Исследователи, которые изучают историю политической мысли саму по себе, не стремятся связать ее с практиками обществ и элит определенного времени, находятся в более выгодном положении. Они решают проблему совмещения в одном политическом исследовании «исторического» и «ретроспективного» методов простым и оригинальным способом. Суть способа в том, что исследователи помещают картину циклических изменений внутрь картины линейных изменений в изучаемом ими процессе. Построение линейной картины процесса движения политической мысли им обеспечивает история жизни и творчества конкретного мыслителя или группы теоретиков, высказавших некогда те или иные мысли по поводу политики. У жизни этой есть те начало и конец, причем в большинстве случаев совсем не условные, благодаря которым можно осуществить ретроспективное исследование соответствующего творческого процесса.

Внутри этой линейно построенной картины исследователи политической мысли помещают другую картину – свое описание того, как цикл за циклом усилиями своего создателя и его идейных последователей теоретическое суждение о политике совершенствовалось, становилось точнее и приближеннее к потребностям современной политики, как, иначе говоря, цикл за циклом происходило прогрессирование политической идеи.

Этот же способ, в принципе, может быть применен и при изучении политических практик, властных например. В тех случаях, когда у исследователя есть возможность изучать такие практики через призму жизненного пути конкретного политика или же группы лиц, облеченных властью. В тех случаях, когда самостоятельным объектом и предметом изучения являются, например, «опричная политика Ивана IV», «петровские реформы» или же «сталинские репрессии». Если же политолог намерен упомянутые этапы российской политики расположить в линейной или же циклической последовательности, то ему придется вместо соединения методов выбирать из них тот, «ретроспективный» или «исторический», который больше подходит к задаче изучения этих последовательностей.

Самый, наверное, главный вывод, к которому подводит анализ связей между особенностями профессионального мировоззрения политолога и условиями его рационального выбора в пользу «исторического» либо «ретроспективного» метода, состоит в следующем. Выберет ли политолог один из упомянутых методов осознанно или интуитивно, само по себе не сделает его исследовательские усилия более или менее добросовестными, а результат таких усилий более достоверным. Просто у политолога, осуществившего такой методологический выбор осознанно, появляется дополнительная возможность аргументированно объяснить себе самому и своим коллегам-критикам то, в какой конкретно мере достоверность результатов его творческой работы не случайна. А это особенно важно при написании политологами научно-квалификационных работ и научной экспертизе этих работ на предмет новизны, достоверности результатов, обоснованности авторских выводов и рекомендаций.

Примечания

- ¹ См.: Французова Н. П. Исторический метод в научном познании. М. : Мысль, 1972.
- ² Исторический метод // *Философия науки : Словарь основных терминов*. М. : Академический Проект. С. А. Лебедев. 2004. URL: https://philosophy_of_science.academic.ru/126/ИСТОРИЧЕСКИЙ_МЕТОД (дата обращения: 10.01.2019).

- ³ *Философия науки и техники : тематический словарь*. Орел : ОГУ. С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова. 2010. URL: https://science_philosophy.academic.ru/ (дата обращения: 10.01.2019).
- ⁴ *Исторический метод // Исследовательская деятельность. Словарь*. М. : УЦ «Перспектива». Е. А. Шашенкова. 2010. URL: https://research_activities.academic.ru/685/Исторический_метод (дата обращения: 10.01.2019).
- ⁵ Что такое история как наука? URL: <https://studfiles.net/preview/5776958/> (дата обращения: 20.02.2019).
- ⁶ Исторические методы в историческом научном исследовании. URL: <https://megalektsii.ru/s37560t4.html> (дата обращения: 20.02.2019).
- ⁷ См.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/blok-mark/apologiya-istorii-ili-remeslo-istorika> (дата обращения: 24.02.2019).
- ⁸ Ретроспективный метод. URL: https://studopedia.ru/4_172320_glava—retrospektivniy-metod.html (дата обращения: 12.02.2019).
- ⁹ Метод ретроспекции и его объяснительные возможности. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3855 (дата обращения: 12.02.2019).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Метод исторического моделирования (ретроспективный). URL: <https://mydocx.ru/8-48294.html> (дата обращения: 12.02.2019).
- ¹⁷ См.: Шестов Н. И., Логинов А. В. Применение концепции политического цикла с использованием синергетического подхода // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 43–49.
- ¹⁸ См.: Ретроспектива. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/274633> (дата обращения: 10.01.2019).
- ¹⁹ Исторический метод (ENG historical method) – средства, используемые историками для изучения и интерпретации текстов источников. Они также применимы для интерпретации библейских текстов // *Вестминстерский словарь теологических терминов*. М. : Республика ; Мак-Ким Дональд К., 2004. URL: <https://teology.academic.ru> (дата обращения: 18.02.2019).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Исторический» и «ретроспективный» методы современного политического исследования: проблемы использования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 203–211. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-203-211>

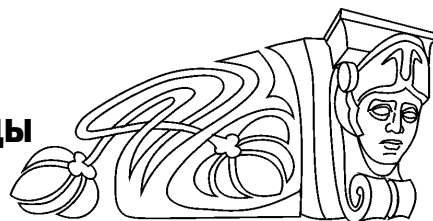
Cite this article as:

Shestov N. I. “Historical” and “Retrospective” Methods of Modern Political Research: Problems of Applying. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 203–211 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-203-211>

УДК 32.019.51

Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху

А. А. Коробов, С. А. Серебряков

Коробов Андрей Александрович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, aakorobov@inbox.ru

Серебряков Сергей Александрович, магистрант кафедры политических наук, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, serebryakov.93@mail.ru

Статья посвящена раскрытию отдельных аспектов использования документального кино в качестве инструмента пропаганды политических идей в современных условиях развития информационно-сетевых коммуникаций. Рассматриваются классические и инновационные приемы, методы и формы привлечения внимания аудитории к документальным фильмам; способы распространения, рекламирования, продвижения кинодокументалистики; механизмы, усиливающие пропагандистский эффект от просмотра фильмов. Отдельный акцент в статье делается на зрелищности современных документальных фильмов как ключевом факторе пропагандистского воздействия.

Ключевые слова: документальное кино, пропаганда, методы пропаганды, инновации, информационно-коммуникационные сети.

Documentary Movie as a Mean of Political Propaganda: Classical and Innovative Approaches in a Digital Epoch

A. A. Korobov, S. A. Serebryakov

Andrey A. Korobov, <https://orcid.org/0000-0001-8786-8168>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, aakorobov@inbox.ru

Sergey A. Serebryakov, <https://orcid.org/0000-0002-6903-7819>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, serebryakov.93@mail.ru

The article is devoted to the disclosure of certain aspects of the use of documentary movie as a tool to promote political ideas in modern conditions of development of information and network communications. We consider the classical and innovative techniques, methods and forms of attracting the audience's attention to documentaries; methods of distribution, advertising, promotion of documentary films; mechanisms that enhance the propaganda effect of movies. A strong accent is made on the contemporary documentaries spectacularity as a key factor of propaganda influence.

Keywords: documentary movie, propaganda, propaganda methods, innovations, information and communication networks.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217>

Политическая пропаганда во все времена была направлена на формирование у населения требуемой системы ценностей и определенного мировоззрения, мироощущения¹. В ее арсенале находится большое количество средств и методов психологического воздействия на людей, одним из которых является кинематограф. Что бы ни происходило в экономике, геополитике, социальной сфере, все это можно преподнести посредством документального кино и – шире – документалистики под разными углами зрения и тем самым вызвать у зрителей определенные эмоции. Причем адресно: отрицательные эмоции относительно одних людей и событий, отраженных в кино, положительные – касательно других лиц и событий. Через эмоциональное восприятие эпизодов кинокартины происходит незаметное для зрителя усвоение новой информации и формирование нужного отношения к реальным событиям.

Бесспорно, документальное кино выполняет в любом обществе целый ряд функций, в том числе пропагандистскую. Система убеждений наиболее емко сосредоточена именно в кинодокументалистике (т. е. в области кинематографии, охватывающей все виды хроникальных и документальных фильмов). Практически все известные на сегодняшний день социально-психологические методы и приемы пропаганды находят свое воплощение в документалистике: «полуправда», «чрезмерное упрощение», «многократное повторение», «апеллирование к страху», «фальшивая дилемма», «вырывание из контекста», «эффект первичности», «демонизация врага», «использование предубеждений» и т. п. И это является серьезным основанием для проведения комплексных исследований роли и техники документального кино в современной политической пропаганде. В настоящей статье представлен один из вариантов решения научной задачи – связать цель политической пропаганды с возможностями документального кино в современных условиях цифровизации общественных отношений и затем выявить специфику этой связи в контексте традиционных и инновационных форм пропаганды.

Документальное кино представляет собой сложный многоплановый жанр киноискусства. Структура документального кино, в самом общем плане, может включать в себя репортажную, интерьерную, натурную съемку, архивные

фото- и видеоматериалы². В каждом конкретном фильме один из этих структурных компонентов является доминирующим (например, документальный фильм целиком снят на основе архивных видеоматериалов или репортажей с места событий), остальные – в виде «вкраплений» – выступают либо в качестве дополнений, либо некоего фона. Но бывают и комбинированные фильмы, где, например, одновременно в равных или приблизительно равных частях фильма используются архивные материалы и натурные съемки. Особенно, когда в фильме преследуется цель сравнительного и историко-сравнительного плана, а также обоснования современных политических, социально-экономических тенденций историческими предпосылками. В качестве примера первого типа документального кино можно привести фильм Шахиды Тулагановой «Аэропорт Донецк» 2015 г. (режиссер картины – Андрей Ерастов), состоящий преимущественно из рассказов непосредственных участников военной операции – битвы за аэропорт в Донецке в 2014 г. В качестве примера второго типа – документальный фильм «В лучах солнца» (режиссер Виталий Манский, Россия, Германия, Чехия, Латвия, КНДР, 2015).

Как показывает практика, документальное кино способно воздействовать на зрителя в следующем ключе: информировать его (расширять его кругозор), убеждать, вызывать определенные чувства. В отличие от этого жанра кинематографа, художественное (игровое) кино, которое, впрочем, тоже способно вызывать сильные чувства у зрителей и, следовательно, тоже может использоваться в политической пропаганде, не обладает столь же высокой степенью убеждения, объективности. Даже если художественный фильм снят в жанре «по реальным событиям», зритель изначально понимает, что события в фильме все равно могут быть сильно искажены сценаристом или режиссером, и не до конца верит в его правдивость. Однако сильной стороной художественных фильмов является их зрелищность. Этим объясняется большой спрос со стороны населения именно на художественные фильмы. Однако в последнее время документалистике также стали предавать зрелищный характер.

Зрелищность документального кино (способность производить сильное визуальное впечатление) – это фактор, который, во-первых, обуславливает желание людей посмотреть (а в идеале – повторно посмотреть или даже пересмотреть по нескольку раз) предлагаемый фильм; во-вторых, «заряжает» зрителей множеством эмоций. Сама по себе зрелищность – важный элемент манипуляции политическим поведением. Еще в Древнем Риме бытовала поговорка, что народ, толпа жаждет «хлеба и зрелищ» (фраза впервые встречается в произведении поэта-сатирика Децима Юния Ювенала). И тот, кто удовлетворит эту жажду, легко может управлять

общественными процессами. Иными словами, «зрелище» является естественной потребностью человека. Следовательно, стоит только придать зрелищность какой-либо кинокартине – и у большинства людей сама собой возникнет потребность в ее просмотре. А то обстоятельство, что посредством сильного эмоционального чувства, которое испытывают зрители во время просмотра кинокартины, у людей вырабатывается нужная система ценностей, взглядов, мировоззрения, делает зрелищность документального кино важным условием глубокого усвоения человеком транслируемой информации. Получается, зрелищность – важнейший компонент в представлении документального кино в качестве средства политической пропаганды.

«Захват» внимания зрителя, полное погружение последнего в атмосферу и разворачивающееся действие на экране (на мониторе), при котором зритель практически забывает о своей реальной будничной жизни, осуществляется разными приемами. На протяжении всего развития документального кино эти приемы совершенствовались, оттачивались, эволюционировали. Классические приемы глубокого «погружения зрителя в происходящее на экране» основываются на самой идее и замысле фильма, форме их воплощения, на оригинальности сценария и драматургической композиции, художественного образа, композиции кадра, приема съемок, звукового решения, на соотношении света и цвета в документальном кино, специфике монтажа отснятого материала. Простая замена частей композиции (например, вместо экспозиции в начало фильма поместить кульминацию картины) способна как усилить зрелищность документального кино, так и ослабить ее. Обо всем этом можно судить, например, по таким фильмам 1930-х гг., как «Испания» (режиссер Эсфир Шуб, СССР, 1939), «Триумф воли» (режиссер Лени Рифеншталь, Германия, 1935), «Испанская земля» (режиссер Йорис Ивенс, США, 1937).

Цифровизация мирового кинематографа на рубеже XX–XXI вв. привела к появлению принципиально новых технологий для придания документальным фильмам зрелищности: спецэффекты с компьютерной графикой, 3D-изображение, объемный звук, повышенная яркость и контрастность, цветовая насыщенность изображения. Но реализация этих технологий на практике напрямую зависит от качества и возможностей цифровой техники, посредством которой осуществляется просмотр документальных кинокартин. Отсутствие возможности добиться, например, 3D-изображения и «эффекта присутствия» на простых гаджетах без специальных 3D-очков обуславливает по-прежнему использование в современной цифровой кинодокументалистике «старых» классических вышеупомянутых приемов погружения зрителей в происходящее на экране.

Существует мнение, что современное документальное кино делают привлекательным для зрителей, прежде всего, три фактора: необыкновенная смелость, актуальность и правдивость данных фильмов. Документальные фильмы дают зрителям возможность увидеть кадры реальных событий, места происшествий, услышать речь непосредственных участников и очевидцев событий³. Во многом это действительно так. И все же это мнение слишком абстрактное, на наш взгляд. А что касается правдивости, то ее степень – в умелых руках сценаристов и режиссеров – величина не постоянная. Посредством таких приемов, как «замалчивание», «выборочная правда», «вырывание из контекста», «скажи „да“» и многих других, можно очень существенно исказить преподносимую зрителям информацию, расставить ложные акценты.

Современные инновационные подходы к использованию документального кино в пропагандистских целях применяются не только при его непосредственном производстве и показе зрителям, но и при его распространении, доведении до нужной зрительской аудитории. Когда в начале XX в. общество испытывало «информационный голод», постоянную потребность в получении актуальной социально-политической, экономической и т. п. информации, появление любых новых документальных фильмов (вначале, естественно, немых, как, например, многочисленные репортажи с фронтов Первой мировой войны французской киностудии Pathé: «Русская армия» 1914 г., «Трупы на русско-турецкой границе» 1914 г., «Отряд казаков русской армии под Перемышлем» 1915 г., «Русские войска прибывают в Марсель сражаться за Францию» 1915 г., «Прибытие русских войск» 1916 г. и другие; а с конца 1920-х гг. – звуковых) мгновенно вызывало к ним интерес и привлекало внимание потенциальных зрителей. Позже, когда кинодокументалистика вступила в фазу своего интенсивного многовекторного и многопланового развития, информационно-коммуникационное пространство социума быстро заполнялось кинохроникой, киножурналами, журналистскими расследованиями и т. д. И в этом постоянно увеличивавшемся массиве документальных кинолент зритель оказался дезориентирован.

А в XXI в. бурные непрерывные информационные потоки стали восприниматься человеком последовательно: вначале как информационный фон, затем – как информационный шум, после – как информационные помехи, которые можно и нужно устранить. И теперь, чтобы привлечь внимание аудитории к нужным документальным фильмам и одновременно отвлечь ее от «ненужных» документальных фильмов – исключительно в целях политической пропаганды, потребовались специальные механизмы.

Еще один важный момент: пропагандистский эффект будет намного сильнее, если зрите-

ли не только посмотрят документальное кино, но и затем его активно обсудят в социальных сетях и на различных форумах, чатах. В этом случае происходит передача эмоционального заряда от одного пользователя сети к другому. Срабатывает эффект «снежного кома». По этой причине стали совмещать размещение документальных фильмов с дискуссионными online площадками: либо фильмы размещают в социальных сетях, либо интернет-ресурсы с документальными фильмами снабжают форумами, разделами для комментариев и отзывов пользователей, сервисом «поделиться» с гиперссылками на соцмедиа. А чтобы обсуждение происходило в нужном, желаемом для пропагандистов, русле, иногда прибегают к «цензуре», заказным постам и, намного реже, – к «троллингу».

Эффективное с точки зрения пропаганды распространение документального кино среди нужной аудитории, его продвижение в массы также определяется уровнем развития современных социальных коммуникаций, функциональностью их коммуникаторов. Поскольку современные социальные коммуникации имеют сетевую основу, то речь здесь идет об уровне развития в обществе информационно-коммуникационной сети. Дело в том, что, как показали специальные исследования⁴, наиболее частое занятие пользователей соцсетей – именно просмотр видео; вследствие чего первое место в мире по посещаемости занимает YouTube, его видеопосты имеют самый активный отклик, хотя при этом самой крупной по численности пользователей сетью все последние годы оставался Facebook (порядка двух миллиардов активных пользователей в общепланетарном масштабе на начало 2018 г.). Чем выше в стране уровень развития информационно-коммуникационной сети, чем больше участников социальных взаимодействий на ее базе, тем выше будет отдача от целенаправленного распространения в сети документальных фильмов. В России YouTube лидирует и по числу пользователей, и по посещаемости. Второе место по активному использованию занимает сеть «ВКонтакте».

Социальные сети в качестве социальных коммуникаций испытывают в последние годы постоянно растущее давление, притеснение со стороны мессенджеров – специальных интернет-программ по мгновенному обмену информационными сообщениями (ICQ, Skype, мобильные приложения WhatsApp, Viber и т. п.). В частности, в 2018 г. WhatsApp занял третье место по числу активных пользователей в мире после Facebook и YouTube⁵. Растет число пользователей Интернета, которые одновременно зарегистрированы в двух, трех, четырех и более социальных сетях, имеют свой аккаунт сразу в нескольких мессенджерах. Все это создает благоприятную почву для распространения в цифровой среде документальных фильмов и разнообразной информации о них.

В процессе привлечения внимания населения к конкретному документальному фильму не последнюю роль играет реклама. Обычная коммерческая реклама, вызывающая у людей искусственную потребность в просмотре данной кинокартины (а по сути – потребность в получении удовольствия от «зрелища», новых приятных ощущений от завораживающего просмотра). Реклама может выстраиваться по классическому жанру, а может использовать инновационные приемы. По классической схеме документальные фильмы рекламируются путем создания и распространения в коммуникационном пространстве (прежде всего в СМИ) афиш и анонсов с аннотацией и трейлером. В наши дни широко используются презентации новых фильмов – их публичное представление. Чем эффективней, ярче и впечатлительней составлена презентация, чем шире она будет представлена массам, тем большее количество людей захотят посмотреть предлагаемый фильм. Для рекламы особенно важных для заказчика фильмов привлекают так называемых лидеров общественного мнения, популярных телеведущих, журналистов, авторитетных деятелей культуры, искусства, политики и т. п. Если использовать современную классификацию документального кино, выделить в нем два основных вида: авторское и телевизионное⁶, то и реклама, «продвижение в массы» фильмов этих двух разновидностей кино будут несколько отличаться друг от друга.

Во-первых, у авторского и телевизионного документального кино разные аудитории. И хотя оба этих вида в современных условиях цифровизации социальных коммуникаций имеют постоянный свободный доступ к просмотру посредством интернет-сети, все же формально авторское кино предназначено для большого экрана и для тех зрителей, кто осознанно и целенаправленно хочет посмотреть данный фильм. А телевизионное документальное кино изначально, еще в процессе своего создания, рассчитывается на телезрителя, т. е. в основу кладется случайный фактор: во время просмотра телеканалов зритель спонтанно и неосознанно «наткнется» на документальный фильм. Во-вторых, исходя из особенностей аудиторий, у зрителей авторского и телевизионного документального кино изначально разные мотивы к просмотру. И реклама должна это учитывать. В случае с телевизионным документальным фильмом, который случайно в эфире увидел зритель, фильм должен, по идее, его быстро заинтересовать, приковать к себе внимание, иначе зритель переключится на другой телеканал. На наш взгляд, весьма быстро приковывают к себе внимание такие российские телевизионные фильмы, как, например, документальный фильм «Березовский против Абрамовича» из цикла передач «Приговор» на телеканале ТВЦ (был показан в эфире 22.12.2018) и документальный фильм Аркадия

Мамонтова «Спецпроект “Раскол”» на телеканалах «Россия 1» и «Россия 24» (был показан в эфире 23.12.2018). Здесь с этой целью задействованы и спецэффекты, яркость и красочность, и оригинальность сюжетной линии, и длительное сохранение интриги, метод «салями» (выдача сенсационной информации очень маленькими порциями для усиления любопытства зрителей), и т. п. В-третьих, существенно различаются процессы просмотра и восприятия документального фильма. Авторское кино предполагает «полное погружение» зрителя в сюжет фильма, как бы вырывание его из повседневности, о чем уже шла речь выше, в то время как телевизионное допускает периодическое переключение внимания зрителя на бытовые дела. Как известно, телевизор можно смотреть параллельно с приготовлением еды, уборкой помещения, стиркой и т. п.⁷. Получается, что телевизионное документальное кино значительно меньше нуждается в рекламе, чем авторское; зато оно должно быть более привлекательным для зрителя (например, за счет зрелищности, остросюжетности, сохранения интриги и других приемов).

В нашем исследовании пропагандистских возможностей документального кино в условиях цифровизации социальных коммуникаций мы не акцентируем внимания на различиях, особенностях авторского и телевизионного вида данного жанра кинематографа. С точки зрения пригодности для политической пропаганды оба вида идентичны по своей сути. Только телевидение традиционно считается органом пропаганды государственной власти, а авторское кино – инструментом политической пропаганды как власти, так и оппозиции и иных политических сил. Приведение же в настоящей статье размежевания документального кино на эти два вида имело единственную цель – показать некоторые различия в способах рекламирования документальных фильмов.

Среди инновационных приемов рекламы большой популярностью в настоящее время пользуется интернет-таргетинг. Это «технология выявления из общего числа пользователей интернета целевой аудитории, соответствующей заранее заданным критериям, например, определенному возрасту, географии проживания, социальному статусу, сферы деятельности, с последующим направлением рекламной продукции исключительно этой части пользователей сети»⁸. Используется и такой метод: искусственно создается информационный вакуум вокруг какой-то животрепещущей темы, обуславливающий рост общественной потребности в получении четкой, ясной информации по данному вопросу. А затем, когда ситуация уже накалена до предела, на всеобщее обозрение представляется тематический фильм. Естественно, к нему мгновенно приковывается все внимание общественности. А после премьеры документального кино возможны

две ситуации: разочарование в кинокартине или удовлетворение (полное или частичное) информационной потребности.

Заметим также, что на рубеже XX–XXI столетий во многих странах мира, в том числе и России, широкую популярность приобрели фестивали документального кино, прежде всего авторского. Самым крупным ежегодным российским фестивалем с 2007 г. является «АРТДОК-ФЕСТ» (г. Москва), учрежденный Союзом кинематографистов России совместно и Автономной некоммерческой организацией «Премия Лавр». Также ежегодные международные фестивали документального кино проводятся в Перми (фестиваль «ФЛАЭРТИАНА»), Екатеринбурге (открытый фестиваль «Россия»), Санкт-Петербурге (фестиваль «Послание к человеку») и т. д. Из зарубежных кинофестивалей, где проводится конкурс документальных фильмов, можно назвать: «Bygon Bay International Film Festival» (Австралия), «Newport Beach Film Festival» (США), «Sofia International Film Festival» (Болгария), «Vienna Independent Film Festival» (Австрия) и многие другие. Однако наш выборочный анализ содержания документальных фильмов, представленных на этих кинофестивалях за последние десять лет, свидетельствует о не пропагандистском их характере. Или, во всяком случае, о не явно выраженном пропагандистском подтексте. На этом основании мы не можем отнести кинофестивали к способу рекламы документальных фильмов, содержащих в себе элементы политической пропаганды. Хотя и здесь бывают исключения. Как, например, в случае с упомянутым в начале этой статьи фильмом «Аэропорт Донецк», который был представлен на фестивале документального кино «АРТДОКФЕСТ» (Москва – Санкт-Петербург) 8–16 декабря 2015 г.

Подведем теперь некоторые итоги. В настоящей статье мы отталкивались от двух исходных базисных положений, придав им статус аксиом: 1) документальное кино (как жанр кинематографа) любой политической тематики является средством пропаганды в силу своей способности эмоционально воздействовать на зрителя и внушать ему определенные мысли; 2) технология комбинированного визуально-аудиального воздействия на зрителя в документальном кино весьма многообразна (включает множество психологических приемов), динамична и легко настраивается на конкретную аудиторию. Отталкиваясь от этих положений, можно предположить, что технологию воздействия на зрителей в документальном кино всегда тщательно подбирают – с целью достижения наибольшего пропагандистского эффекта – под характер конкретной аудитории. Это значит, что техника воздействия должна непрерывно эволюционировать вместе с развитием общества и коммуникационной среды, с изменениями потребностей и особенностей целевой аудитории. Появляются новые приемы;

часть старых приемов исчезает из кино, другая часть видоизменяется. Классические же приемы успешно используются с самого начала XX в. и по настоящее время.

Классический подход является универсальным. Он показал свою результативность на протяжении последних почти 100 лет (достаточно сопоставить отдельные информационно-пропагандистские приемы, использующиеся, например, в современных документальных фильмах «Море в огне» (режиссер Джанфранко Рози, Италия, Франция, 2016 г.), «Белые каски» (режиссер Орландо фон Айнсидель, Великобритания, 2016 г.), с приемами в более ранних фильмах: «Каменистая дорога в Дублин» (режиссер Питер Леннон, Ирландия, 1968) «Испанская земля» (режиссер Йорис Ивенс, США, 1937), «Шагай, Совет!» и «Шестая часть мира» (режиссер Зигга Вертов, СССР, 1926)) и поэтому с высокой долей вероятности будет использоваться в обозримом будущем. Классический подход органически вписывается во все новые форматы документального кино. Что же касается всех инноваций, то степень их использования в современном документальном кино напрямую зависит от развития информационно-коммуникационных технологий и в целом от цифровой среды общества.

Отсюда следует вывод: все инновационные подходы являются лишь катализаторами, усилителями классических подходов в использовании документального кино в качестве политической пропаганды. И не более того. Поэтому в цифровую эпоху классические и инновационные подходы представляют собой сопутствующие, дополняющие друг друга и – самое важное – взаимоусиливающие технические приемы пропаганды.

Таким образом, можно резюмировать следующее. Документальное кино, в отличие от художественного, игрового, в силу своей специфики отражения и преподнесения зрителям реальных событий оказывает значительно более сильное психологическое воздействие на человека, что способствует более эффективному достижению пропагандистской цели. В условиях «цифровизации» социально-политических и общественных отношений пропагандистская техника использования документального кино претерпевает определенные изменения. Но эти изменения касаются лишь формы пропагандистского воздействия, сущность и содержание остаются неизменными.

И последний штрих. Документальное кино, несмотря на все его достоинства и радужные перспективы развития, все же изначально имеет ограниченную зону воздействия. И посредством телевидения, и посредством социальных сетей, различных интернет-приложений, мессенджеров. Всегда есть часть общества, невосприимчивая к документалистике, даже представленной в красочном зрелищном формате. А с развитием цифровых технологий еще появляется множе-

ство иных форм представления, раскрытия политической информации (те же самые авторские блоги, например), что создает конкуренцию документальному кино как средству пропаганды. Это накладывает ограничения на использование документальных фильмов в процессе политической пропаганды.

Примечания

- ¹ См.: Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В. Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2011.
- ² См.: Документальное кино // Сними фильм : [портал о киноиндустрии]. URL: <http://snimifilm.com/almanakh/dokumentalnoe-kino> (дата обращения: 17.12.2018).
- ³ См.: Ухов Е. Пять причин смотреть документальное кино // Film.ru – все о кино : [нац. кинопортал].

URL: <https://www.film.ru/articles/protiv-techeniya-dokumentalnoe-kino> (дата обращения: 14.11.2018).

- ⁴ См.: Сергеева Ю. Социальные сети в 2018 году : глобальное исследование // WebCanape : Разработка и продвижение эффективных сайтов. URL: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/> (дата обращения: 27.12.2018).
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Степанян А. В. Особенности авторского и телевизионного документального кино // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2018. № 2 (80), ч. 1. С. 44.
- ⁷ См.: Шергова К. А. Становление жанров документального телекино (1960-е – начало 2000-х гг.). М. : Академия медиаиндустрии, 2016. С. 20.
- ⁸ Коробов А. А., Болдырева Е. П. Политическая пропаганда в современной телекоммуникационной среде : механизмы повышения эффективности // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2018. Т. 18, № 3. С. 100.

Образец для цитирования:

Коробов А. А., Серебряков С. А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 212–217. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217>

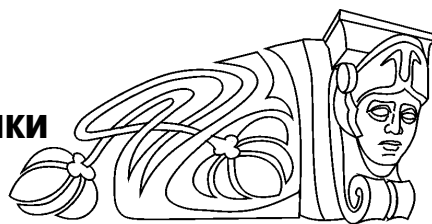
Cite this article as:

Korobov A. A., Serebryakov S. A. Documentary Movie as a Mean of Political Propaganda: Classical and Innovative Approaches in a Digital Epoch. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 212–217 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217>

УДК 323.1(985) (470.1/2):574.4(211)

Этносистема Российской Арктики в контексте северной экосистемы: к пониманию особенностей этнополитики в полярном мега-регионе

А. К. Магомедов, И. Н. Соколова

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

Соколова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской лингвистики и перевода, Ульяновский государственный университет, falcon.i17@mail.ru

В работе исследуются особенности этнополитической ситуации в Российской Арктике и суб-Арктике. В центре исследования – накопленные и отложенные этнополитические проблемы региона. Авторы предлагают новую исследовательскую перспективу – рассматривать этносистему Арктики в тесной связи с полярной экосистемой, что позволяет проводить этнополитический анализ в терминах единой экосоциосистемы.

Ключевые слова: коренные народы Севера, индигенный активизм, кризисная риторика, миграционные процессы, арктические сообщества.

Ethnosystem of Russian Arctic in the Context of Northern Ecosystem: Understanding the Specific of Ethnopolitics in Polar Mega-Region

А. К. Magomedov, I. N. Sokolova

Arbakhan K. Magomedov, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, armagomedov@gmail.com

Irina N. Sokolova, <https://orcid.org/0000-0001-6121-5080>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, falcon.i17@mail.ru

This paper examines crucial characteristics of the ethnopolitical situation at Russian Arctic and sub-Arctic. Accumulated and deferred ethnic problems of the region are in the center of analysis. The authors propose the new analytical perspective – to consider the ethnosystem of the Arctic in close connection with the polar ecosystem which allows for ethnopolitical analysis in terms of a single eco-social system.

Keywords: Arctic indigenous people, indigenous activism, crisis rhetoric, migration processes, Arctic communities.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-218-222>

В основу данной работы легли материалы полевого исследования А. К. Магомедова, полученные в октябре 2018 г. во время командировки в Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). Основными респондентами и инфор-

мантами стали местные политики и управленцы, а также представители интеллектуальной элиты коренных народов Севера и рядовые ненецкие оленеводы из тундры. Именно их голос «из тундры» стал одним из важных источников исследования. Во время опросов и интервью основное внимание фокусировалось на оценке этнической ситуации в округе. Авторы благодарят Эдуарда Хабэчевича Яунгада, руководителя ассоциации «Ямал – потомкам», депутата Законодательного собрания ЯНАО; Олега Прокпьевича Сюгня – начальника отдела организационной работы департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО; Юрия Вячеславовича Лапгандера, начальника отдела АПК и делам коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Приуральского района ЯНАО, которые организовали трехдневную поездку к родовым угодьям ненецких оленеводов-кочевников, расположенных за 200 км от Салехарда. Маршрут путешествия пролегал по факториям «Пунг-Ю», «96 км железной дороги Обская-Бованенково», «Степино» и «Паюта». Авторы также признательны Галине Павловне Харючи – зав. сектором этнологии государственного казенного учреждения «Научный центр изучения Арктики» (Салехард) – за ценные советы и рекомендации.

Рабочая гипотеза исследования

Общепринятое понятие «межэтнический конфликт», используемое для объяснения кризисных проявлений в сфере этнических взаимоотношений, не подходит для понимания социальных реалий Российской Арктики и суб-Арктики. Этносистему Крайнего Севера желательно исследовать в контексте полярной экосистемы. События 2013–2018 гг., связанные с появлением на политической арене российского Севера протестного движения ненецких оленеводов «Голос тундры» (об этом далее), показали, что в этнополитическом анализе и этнологической экспертизе нуждается весь Крайний Север, взятый как единая экосоциосистема. Именно такой подход позволит превратить этнополитический мониторинг и этнологическую экспертизу в способ минимизации последствий конфликтогенной конкуренции между, например, нефте- и газодобычей, с одной стороны, и технологиями оленеводства, с другой.

Небольшая справка о масштабах и направлениях арктических исследований в России и за рубежом

Проблемы Российской Арктики давно находятся в центре внимания мировых СМИ, аналитических центров и академических программ. Арктическая проблематика исследуется также в многочисленных учреждениях США, Канады, Западной Европы, Японии, Китая и т. д. К числу наиболее известных исследовательских подразделений по Арктике можно отнести «Арктические инициативы фонда Фулбрайта», которое начало работать с 2015 г. В рамках заявленной «Пан-Арктической» программы данного подразделения действуют конкурсы академических и гражданских инициатив по Арктике. В 2014–2017 гг. был реализован совместный японско-финский исследовательский проект «Последние рубежи российской энергетики – вызовы устойчивому развитию российского Крайнего Севера» под руководством проф. Шиничиро Табата (университет Хоккайдо, Саппоро, Япония) и проф. Вели-Пекка Гынкюнена (Александровский институт при университете Хельсинки).

Одним из наиболее активно развивающихся направлений арктических исследований в мире является арктическая урбанизация и развитие городских и сельских полярных сообществ¹. Самым заметным достижением данного направления можно признать проект по комплексному изучению городских центров Арктической зоны России в постсоветский период. Он был инициирован норвежским Баренц-Институтом и Университетом Дж. Вашингтона (США) и осуществлялся в 2012–2015 гг. Результатом проекта стала книга под редакцией проф. Марлен Ларюэль «Новая мобильность и социальные изменения в российских арктических регионах»². В центре исследования данной книги – миграция, трудовая и возрастная мобильность, проблема межэтнических и межобщинных взаимоотношений.

К сожалению, в отечественной науке население арктических городов и в целом человеческий фактор Севера исследуется крайне слабо. На этом фоне в отечественном североведении доминируют исследования, посвященные, главным образом, военно-стратегическим (безопасность, милитаризация), ресурсно-коммуникационным (добыча природных ресурсов и Северный морской путь), геополитическим (международное право и раздел Арктики) аспектам Арктики³. Например, в дайджесте экспертно-аналитических материалов по Арктике, опубликованном в 2016 г., явно преобладающими являются четыре направления: 1) международные отношения и политика – 13 книг и докладов; 2) экономика Арктики, проекты освоения – 14 книг и докладов; 3) климат и экология Арктики – 12 книг и докладов; 4) Северный морской путь – 10 книг и докладов⁴. На этом фоне особенно отчетливо просматривается еще один крупный недостаток

отечественных арктических исследований – невнимание к культурным аспектам освоения полярных регионов, к проблемам идентичности, мотивации, миграции. Даже в советские времена выходили книги, посвященные человеческому и гуманитарному измерению Арктики⁵. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что проблема этнических взаимоотношений в Арктике и суб-Арктике остается, к сожалению, периферийным сюжетом для отечественных исследователей. Гораздо активнее развиваются арктическая антропология и историческая этнология, наиболее ярким представителем которых является российский антрополог, член-корреспондент, сотрудник Института истории и археологии УрО РАН А. В. Головнев⁶.

Если перейти к анализу межэтнической компоненты арктической жизни, то в качестве одной из основных особенностей Севера можно признать более высокую, нежели в других регионах России, толерантность полярных сообществ. Высокая межэтническая «пластичность» и готовность к взаимовыручке являются частью этой общей атмосферы. Следствием распада СССР стала деградация социальной, транспортной и хозяйственной инфраструктуры Арктики. Частью этого процесса стал миграционный отток населения северных территорий. В результате за постсоветские десятилетия в большинстве северных регионов сформировалось отрицательное сальдо миграции населения. С 1990 по 2011 г. численность населения Севера России уменьшилась с 9807 тыс. чел. до 7967 тыс. чел., т. е. совокупные потери северных территорий составили 1 млн 840 тыс. чел. Тем не менее, несмотря на описываемые процессы, в Российской Арктике проживает две трети всего арктического населения планеты, здесь больше, чем где бы то ни было на Крайнем Севере, городов с населением свыше ста тысяч человек. Важной особенностью расселения в Арктике является то, что, хотя это в целом территория с низкой плотностью населения, уровень урбанизированности здесь один из самых высоких в стране – около 80%⁷.

Коренные народы Севера и Российское государство: накапливающиеся проблемы в контексте стремительного ускорения промышленного освоения Арктики

Данный аспект является не только потенциально конфликтным для российской внутренней политики, но выигрышным с точки зрения медийных и публично-политических атак на Россию. В Германии даже существует «Общество защиты притесняемых народов» (GfbV), которое развернуло активную деятельность против российских энергетических компаний, работающих на Севере. Руководитель этого Общества Ульрих Делиус в своей публичной деятельности

заявляет, что «Роснефть» своей деятельностью в Арктике «вбивает гвоздь в крышку гроба коренных народов Севера». Совместно с послом Украины в Германии они организовали информационные вбросы по поводу того, что доходы российских нефтегазовых компаний идут на войну против Украины, а деньги, полученные от торговли ресурсами, закрепляют худшие привычки российской элиты и народа⁸.

В России доля коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) относительно всего населения, проживающего в Арктике, незначительна. Общая численность КМНС, проживающих в северных регионах на начало XXI в., составляла 8,0–8,5% населения. Самая большая концентрация коренного населения в Таймырском районе Красноярского края – 24,8%, в Ненецком и Чукотском АО – 18,7 и 31,3% соответственно⁹. Для сравнения: на Аляске доля коренных жителей составляет 14,9%, в арктической Канаде – 50,8%.

В последние десятилетия темпы освоения северных земель стремительно ускорились, что связано с развитием нефтегазовой и горнодобывающей отраслей. Застарелой и назревшей проблемой является порядок определения принадлежности к коренным народам, поскольку с этим связана проблема доступа аборигенов к земле, охотничьим и рыбным ресурсам, а также проблема льгот, которые должны получать представители коренных малочисленных народов. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», принятый в 1999 г. и обновленный в последующие годы, вводил серьезные ограничения для аборигенов. Так, в Законе говорится о том, что, если человек хочет считаться коренным, то должен отвечать следующим критериям: а) придерживаться традиционного образа жизни, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотой; б) жить в местах проживания своих предков¹⁰. Однако эти пункты вызывают большие вопросы, поскольку многие аборигены Арктики заняты в ТЭК, различных отраслях индустрии либо являются лицами свободных городских профессий. Неопределенность официального статуса коренных народов несет в себе высокий конфликтный потенциал. В частности, данный вопрос весьма остро был поставлен президентом Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Григорием Ледковым на выездном заседании Совета по межнациональным отношениям, который прошел в Ханты-Мансийске под руководством В. В. Путина 26 октября 2018 г. Г. Ледков вынужден был констатировать, что из-за того, что государство не выработало критериев, по которым можно идентифицировать коренные народы Севера, аборигены не могут решить многие повседневные проблемы, включая получение положенных им по закону льгот и преференций.

Некоторые зарубежные ученые, исследующие положение коренных народов Севера, представляют данную ситуацию как циничное и целенаправленное притеснение прав аборигенов со стороны Российского государства. Весьма показательна точка зрения американской исследовательницы, профессора Джорджтаунского университета Марджори Балзер, которая пишет, что «государство намеренно сужает определение “коренные” настолько, насколько это возможно для того, чтобы как можно меньше людей имели доступ к земле и охотничьим ресурсам. Новые правовые ограничения в отношении коренных народов Севера, изложенные в новых законах, направлены на дальнейшее искоренение земельных прав аборигенов Севера в пользу российских энергетических, транспортных и горнодобывающих проектов». В этом, на ее взгляд, заключается «стратегический холод Российского государства в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и их организаций»¹¹.

Однако самосознание некоторых коренных народов и их идентичность в последние годы формируются на основе этнической и родовой мобилизации на низовом уровне, экологической активности, заботе о земле предков и языковой солидарности. Упорство индигенной этничности растет как ответ на экологические и технологические вызовы. Именно данные обстоятельства привели к возникновению массового протестного движения «Голос тундры», организованного по сетевому принципу.

Аборигенная мобилизация на основе экологической активности: «Голос тундры» как протестное социальное движение локального уровня

Здесь необходимо разъяснить значение термина «индигенность», который будет использоваться в нашем исследовании. Данный термин используется для обозначения термина «коренной», что является также эквивалентом «аборигенности» или «автохтонности». В социальной антропологии данный термин применяется для обозначения недоминантных групп населения, связанных с определенной территорией и обладающих более или менее признанными качествами аборигенности. Дискурс «индигенности» поддерживает и легитимизирует требование специфических прав для коренных народов по принципу «первые по времени – первые по праву».

Исследователями отмечается тот факт, что политикой возрождения индигенных культур заняты преимущественно городские жители, которые имеют хорошее образование и возможность общаться на международном уровне. Население, занятое традиционным хозяйством, часто лишено возможности такого участия и в принципе не

включено в данные политические процессы¹². Однако события последних лет показали, что это мнение ошибочно. 2016 г. ознаменовался выходом на политическую арену Ямала такой фигуры, как оленевод-частник Ейко Сэротэтто. Он создал в соцсетях («ВКонтакте») сообщество «Голос тундры»¹³, которое со временем было преобразовано в политический проект. Многие проблемы аборигенного населения Ямала стали известны именно благодаря Ейко Сэротэтто. В основе описываемых процессов лежат ресурсные проблемы российского Севера. Здесь необходимо отметить главное. Полуостров Ямал – крупнейший очаг оленеводства в мире, а ненцы по-прежнему связывают свое благосостояние и смысл жизни с оленем. Однако природно-климатические потрясения последних лет – гололед зимой 2013–2014 гг. и вспышка сибирской язвы летом 2016 г. – встревожили ненецкое сообщество, особенно когда власти Ямала объявили о планах сокращения поголовья оленей. Сэротэтто разместил петицию на имя Президента России о сохранении поголовья оленей, жалобу на ущемление прав аборигенов и обвинения в адрес чиновников профильного департамента в том, что они не знают настоящей жизни тундровиков. Далее была размещена петиция «Сохранить дом ненцев», в которой утверждалось, что сокращение числа оленей выгодно газодобывающей отрасли («ТЭК мешают кочевники и наши олени»). В ответ окружные власти обвинили оленеводов в информационной войне. Дело даже дошло до того, что активисты группы «Голос тундры» были объявлены «иностранными агентами». В частности, директор департамента внутренней политики ЯНАО Сергей Климентьев, выступая в региональном Заксобрании, заявил, что в регионе искусственно создается точка напряжения, чтобы сформировать новую политическую реальность: «Это большая наступательная информационная операция, которая, конечно же, имеет свой сценарий и свое управление»¹⁴. Однако, думается, властям нужно обратить внимание на назревшие проблемы вместо того, чтобы скропалительно обвинять активистов сообщества в подготовке «полярного Майдана»¹⁵. По словам приуральских и ямальских оленеводов, самая большая проблема, с которой они столкнутся в ближайшем будущем, – нехватка пастбищ, которые отгораются под промышленные нужды¹⁶. Аналогичные рассуждения высказывали оленеводы Тазовского района: именно соперничество в сфере землепользования лежит в основе негативной оценки представителей ТЭК¹⁷.

Север как место притяжения внутренних и внешних мигрантов: миграционные сети и проблема диаспор в городах Арктики

На протяжении последних десятилетий отдельные районы севера России пережили при-

ливы и отливы населения, во многом связанные не столько с внутренней ситуацией этих районов, сколько с более общими социально-экономическими процессами, происходившими в стране в целом. Ярчайший пример внешних причин миграций на Север можно было наблюдать в летние месяцы 2014 г., когда множество мигрантов с востока Украины, охваченного боевыми действиями, оказались на севере России, за тысячи километров от «горячей точки», еще до официального распределения беженцев по регионам. Так, в Ноябрьске, по последним данным переписи населения, более 40% жителей – этнические украинцы¹⁸. В этой связи особенно актуальными становятся межэтническая политика и межобщинная ситуация в «нефтегазовых» городах Приполярья, куда прибывают трудовые мигранты из российских регионов и из ближнего зарубежья. Потенциальные конфликты и линии напряжения возможны по следующим позициям: 1) между различными сообществами и диаспорами; 2) между властями и землячествами (культурно-национальными автономиями); 3) между «силовиками» и этническими меньшинствами. Количественное увеличение мигрантов и диаспоральных общин в полярных городах может привести как к новым этническим конфликтам, так и к использованию новой человеческой энергии и профессионального потенциала для укрепления региональной экономики и гражданского общества.

Таким образом, исследование показало, что общеупотребляемое понятие «межэтнический конфликт», используемое для объяснения кризисных проявлений в сфере этнических взаимоотношений, не совсем релевантно для понимания этносоциальных реалий российского Севера. Описанные в статье ямальские события 2013–2018 гг., в основе которых лежат ресурсные проблемы, доказывают, что этносистему Арктики и суб-Арктики во многих своих чертах необходимо рассматривать в контексте полярной экосистемы. Именно такой подход позволит превратить этнополитический мониторинг и этнологическую экспертизу в способ минимизации последствий конфликтогенной конкуренции между, например, нефте- и газодобычей, с одной стороны, и технологиями оленеводства, с другой.

Примечания

- ¹ См.: Berman M., Lance H. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movement in the Arctic // Proceedings of the International Conference on Urbanization of the Arctic, Nuuk, Greenland. August 2012. Stockholm : Nordregio, 2012. P. 108–122.
- ² См.: New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / ed. by M. Laruelle. Abingdon : Routledge, 2017.
- ³ Типичный пример такого рода изданий : Кравчук А. А. Неореалистический подход к анализу военно-поли-

- тической обстановки в Арктике // Полис. 2019. № 1. С. 136–148.
- ⁴ См.: Арктика 21 век : политика, экономика, экология : дайджест экспертно-аналитических материалов / сост. В. С. Ефимов, Е. Е. Верховцева. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016.
- ⁵ См.: Яновский В. В. Человек и Север. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1969 ; Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М. : Политиздат, 1989.
- ⁶ См., например: Головнев А. В. Риски и маневры кочевников Ямала // Сиб. ист. исследования. 2016. № 4. С. 154–171. DOI: 10.17223/2312461X/14/8
- ⁷ См.: Шанаров А. Е. Этнонациональная политика России в Арктике : основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117.
- ⁸ См.: В Германии раскритиковали уходящего в «Роснефть» Шредера // Newsader. 2017. 14.08. URL: <http://newsader.com/38681-v-germanii-raskritikovali-ukhodyashego> (дата обращения: 25.09.2018).
- ⁹ См.: Шанаров А. Е. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации (с изм. на 27 июня 2018 г.) : федер. закон. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения: 11.03.2017).
- ¹¹ Balzer M. M. Indigeneity, Land and Activism in Siberia // Land, Indigenous Peoples & Conflict. 2015. № 2. P. 4.
- ¹² См.: Владимирова В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сиб. ист. исследования. 2015. № 1. С. 29.
- ¹³ См.: URL: https://vk.com/golos_tundry (дата обращения: 22.10.2018).
- ¹⁴ URL: <https://www.nakanune.ru/> (дата обращения: 01.11.2018).
- ¹⁵ См.: Иванов А. Тундровый Майдан и Навальный-оленеvod // Завтра. 2016. 3 октября. URL: http://zavtra.ru/blogs/tundrovij_majdan_i_naval_nij-olenevod/ (дата обращения: 23.11.2018).
- ¹⁶ Интервью автора с оленеводами на фактории «Паюта» Приуральского района ЯНАО 27.10.2018 г.; с Тимуром Акчуриным, исполнительным директором «Союза оленеводов Ямала», Салехард, 24.10.2018 г.; с Михаилом Хотэгто, руководителем общины оленеводов «Идебс», Салехард, 23.10.2018 г.
- ¹⁷ См.: Мартынова Е. П. «Чужие» в Тазовской тундре // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 4 (24). С. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhie-v-tazovskoj-tundre> (дата обращения: 29.08.2018).
- ¹⁸ См.: Анисимова Я. Отголоски войны // Слово нефтяника. 2014. 27 июня. URL: <http://slovo.ru/index.php/sotsium/717-otgoloski-vojny.html> (дата обращения: 07.11.2018).

Образец для цитирования:

Магомедов А. К., Соколова И. Н. Этносистема Российской Арктики в контексте северной экосистемы: к пониманию особенностей этнополитики в полярном мега-регионе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 218–222. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-218-222>

Cite this article as:

Magomedov A. K., Sokolova I. N. Ethnosystem of Russian Arctic in the Context of Northern Ecosystem: Understanding the Specific of Ethnopolitics in Polar Mega-Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 218–222 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-218-222>

УДК 323.2

Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности

Р. В. Арзуманян

Арзуманян Рачья Вагаршакович, кандидат технических наук, директор, Центр стратегических исследований «Ашхар», г. Степанакерт, Арцах, Республика Армения, hratchya@yahoo.com

В понимании бархатной революции в Армении важная роль принадлежит логике постсоветского пространства. Как и все прочие постсоветские государства, Армения была обречена стать страной с олигархическим политическим строем, хотя армянский случай оказался самобытным. Важным элементом постсоветского транзита Армении стала проблема Арцаха. Апрельская война 2016 г. показала с очевидностью: в условиях олигархического политического строя Армения оказывается обречена на военное поражение, что в конечном счете привело к бархатной революции 2018 г. Республика Армения вошла в 2019 г., завершив транзит исполнительной и представительной ветвей власти. Вместе с инициированием судебной реформы и транзита власти в Арцахе новая власть должна приступить к системным реформам. Успех реформ во многом будет зависеть от способности новой власти сохранять целостное видение изменений, ад-хок адаптируя не только тактику, но и стратегию реформ.

Ключевые слова: бархатная революция, транзит власти, трансформация институтов, системные реформы.

Velvet Revolution in Armenia: Challenges and Opportunities

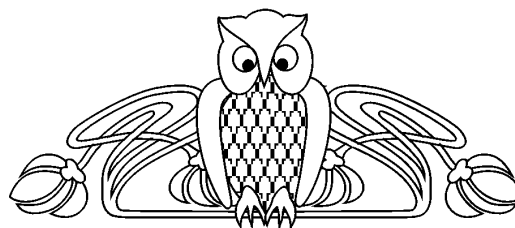
H. V. Arzumanyan

Hratchya V. Arzumanyan, <https://orcid.org/0000-0002-8397-1501>, "Ashkar" Center for Strategic Studies, 23a Tigran Mets St., Stepanakert, Artsakh 375000, Republic of Armenia, hratchya@yahoo.com

In the understanding of the Velvet revolution in Armenia, an important role belongs to the logic of the post-Soviet space. Like other post-Soviet states Armenia was doomed to become a country with an oligarchic authoritarian political order. The important element of the post-Soviet transit of Armenia became the Artsakh problem. The April 2016 war made it obvious that under the conditions of an oligarchic authoritarian political order, Armenia is doomed to military defeat, which ultimately led to the 2018 Velvet revolution. The Republic of Armenia enters 2019 after completing the transit of executive and representative branches of power. Together with the initiation of judicial reform and the transit of power in Artsakh, the new government should begin to develop and implement systemic reforms. The success of reforms will largely depend on the ability of the new government to maintain a holistic vision of the changes taking place, adapts ad hoc not only tactics, but also in the strategy of reforms.

Keywords: Velvet revolution, transit of power, transformation of institutions, systemic reform.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230>

Контексты бархатной революции в Армении

В понимании бархатной революции в Армении¹ важная роль принадлежит контексту и логике постсоветского пространства. Политическая и социально-экономическая структура армянской государственности после развала СССР оставалась советской, а властная элита тяготела к авторитарным моделям власти и была нацелена на освоение доставшегося в наследство экономического потенциала Советского Союза. Как и все прочие постсоветские государства, за исключением стран Балтии, Армения была обречена стать страной с олигархическим авторитарным политическим строем. Декларируемые намерения новых государств выстроить современное государство и гражданское демократическое общество непосредственно после распада СССР не имели под собой основания и в конечном счете свелись к имитации некоторых из демократических процедур и институтов, реальное содержание которых не имело ничего общего с гражданским демократическим обществом. Такое развитие постсоветских государств является объективным, так как необходимо время и смена хотя бы одного поколения, прежде чем можно было говорить о действительном транзите от авторитарного политического строя к демократическому.

Происходящее на постсоветском пространстве не есть что-то уникальное, аналогичную картину можно было наблюдать, например, при развале колониальной системы после Второй мировой войны. Многие бывшие колонии, став самостоятельными странами и заявив о своем намерении идти демократическим путем, в конечном счете стали авторитарными и даже тоталитарными государствами.

Тем не менее, несмотря на общие закономерности, армянский случай оказался самобытным и отходящим от логики постсоветского пространства. В первую очередь, это связано со спецификой Армянской ССР, которая ко времени развала Советского Союза могла быть отнесена к развитым странам. Советская Армения обладала развитой и многообразной индустрией. В армянской экономике большое место занимала ИТ-сфера от производства микроэлектроники и ЭВМ до операционных систем и программных комплексов, обслуживающих большие военные системы СССР. До 30% взрослого населения Армении имели высшее образование, а наличие ар-

мянской диаспоры и контакты с внешним миром делали общество более открытым.

Проблема Арцаха. Следующей важным элементом постсоветского транзита Армении стала проблема Арцаха (Нагорного Карабаха), которая практически сразу стала общеармянской. Историю проблемы можно проследить как минимум к XIX в. и появлению Российской империи на Южном Кавказе. В том виде, в каком она известна после развала СССР, проблема возникла в 20-е гг. XX в. вместе с формированием СССР. Преодолевая международную изоляцию, руководство СССР в рамках налаживания двусторонних отношений с кемалистской Турцией передало Арцах и Нахиджеван в состав Азербайджанской ССР. Попытки арцахского армянства в 1988–1990 гг. разрешить проблему мирными методами в рамках правовых норм СССР вызвали жесткую реакцию центрального советского руководства и властей Азербайджанской ССР. В ряде городов Азербайджана, включая столицу Баку, имели место погромы и резня армянского населения. В конечном счете, к 1991 г. армянство Азербайджана оказалось вытеснено из страны. На территории Нагорного Карабаха внутренние войска МВД СССР и ОМОН Азербайджанской ССР проводили депортацию армянского населения.

Откликом на политику Кремля и Азербайджана стало провозглашение Республики Арцах, которая с первых дней своего создания была вынуждена организовывать самооборону. К 1992 г. военные действия Азербайджана против Арцаха приобрели характер экзистенциальной войны, в которой армянский народ решал задачу физического выживания арцахского армянства и части беженцев из Азербайджана, осевших в Арцахе. Решение данной задачи потребовало от вновь созданных государственных структур Арцаха скорейшего создания Армии обороны, способной вести широкомасштабные военные действия, а не только иррегулярные, которые были характерны для 1988–1991 гг. Задача была успешно решена, и Арцах оказался в состоянии одержать победу в военных кампаниях 1992–1994 гг.

Существующая в настоящее время граница между Арцахом и Азербайджаном является результатом военных действий и зафиксирована в соглашении о перемирии, заключенном при посредничестве России в Бишкеке в 1994 г. Небольшие изменения в прохождении границы произошли в апреле 2016 г., когда Азербайджан в очередной раз прибег к попытке решить проблему Арцаха в рамках широкомасштабных военных действий. Таким образом, на территории бывшей Азербайджанской ССР были созданы два государственных образования – признанная международным сообществом Азербайджанская Республика и непризнанная Республика Арцах. Гарантами безопасности Арцаха выступают Республика Армения и армянский народ в целом, включая армянскую диаспору.

Экзистенциальный характер противостояния Азербайджану исключал для армянской государственности возможность следования логике постсоветского пространства. Армянский народ был вынужден строить современное государство, способное вести войну с противником, обладающим большим экономическим потенциалом и возможностями. Только гражданское демократическое общество в состоянии обеспечить долгосрочную мобилизацию народа. Данный императив не давал армянской государственности следовать путем создания олигархического авторитарного политического строя. Заключение перемирия 1994 г. привело к отходу от данного императива, когда в Армении стал складываться олигархический авторитарный строй, хотя общество неоднократно пыталось вернуться на путь строительства современной демократической Армении. Можно упомянуть президентские выборы в Республике Армения 1996, 2003, 2008, 2013 гг., расстрел парламента 27 октября 1999 г. Тем не менее, нахождение в постсоветском пространстве, влияние России, а также необходимость поддерживать сложившийся военный баланс в рамках региональной системы безопасности Южного Кавказа позволяли армянской власти подавлять протесты.

Складывающийся олигархический авторитарный строй входил в глубокое противоречие с приверженностью армянского народа демократическим ценностям и необходимостью обеспечить национальную безопасность Армении в долгосрочной перспективе. Как следствие, значительная часть населения Армении покидала страну, осознавая фундаментальную несправедливость складывающегося политического строя и его неспособность решить задачи обеспечения национальной безопасности. Данные тенденции достигли своего пика к 2016 г., когда благодаря поставкам Россией и Израилем наступательных вооружений и военной техники Азербайджану оказался нарушен военный баланс, что спровоцировало Азербайджан на разворачивание – в очередной раз – широкомасштабных военных действий.

Апрельская война 2016 г. сделала очевидной для армянского народа тот факт, что в условиях олигархического авторитарного политического строя Армения оказывается обречена на деградацию государственности и военное поражение. Возвращение в течение двух лет в общество солдат срочной службы, непосредственно принимавших участие в военных действиях и донесших до общества всю глубину предотвращенной катастрофы, сделали неизбежным национальное восстание и бархатную революцию.

Динамика бархатной революции

Триггером начала национального восстания и бархатной революции стало нарушение социального договора, заключенного Сержем Саргсян

ном с армянским обществом в 2015 г. во время принятия новой Конституции и перехода к парламентской форме правления. Понимая все угрозы перехода к парламентской системе в условиях войны и незрелости политических партий, общество согласилось принять новую Конституцию при условии, что Серж Саргсян не будет претендовать на занятие в третий раз должности первого лица государства. Пойдя на третий срок, Серж Саргсян резко взвинтил ситуацию в Армении. Более того, оторванность от общества привела к тому, что уже во время процесса назначения на пост премьер-министра Серж Саргсян позволил себе ряд высказываний, пересекающих красную черту. Общество увидело в словах Сержа Саргсяна угрозу повторения сценария 1 марта 2008 г., когда на улицах Еревана пролилась кровь.

Разворачиваясь к этому времени акция политической оппозиции «Сделай шаг» во главе с Николом Пашиняном во многом независимо от самого лидера стала менять свой статус вследствие радикализации общества. Начав акцию в одном из армянских городов в качестве оппозиционного лидера, возглавляющего политический протест, Никол Пашинян вошел в готовый восстать Ереван уже в другом качестве и, к его чести, оказался готов принять новую роль и возглавить восстание, имеющее целью свергнуть Сержа Саргсяна и правящую Республиканскую партию Армении.

К середине апреля акции протеста приобрели общенародный размах, а Никол Пашинян получил мандат общенационального лидера, призванного осуществить политический транзит и демонтаж олигархического авторитарного политического строя в Армении. Табу на пролитие крови наложило отпечаток на восстание, которое приобрело ненасильственный бескровный характер при соблюдении принципа верховенства закона. Сформировался самобытный стиль и почерк армянской бархатной революции, первый этап которой завершился отставкой Сержа Саргсяна и назначением премьер-министром Никола Пашиняна.

Следующим этапом политического транзита стало проведение досрочных парламентских выборов. Предпринятые попытки реванша со стороны политических сил старого режима привели к резкому и недвусмысленному отпору со стороны общества и пониманию необходимости пойти как можно быстрее на досрочные парламентские выборы, которые состоялись в декабре 2018 г. И если на первых этапах бархатной революции апелляция Никола Пашиняна к верховенству закона и ненасильственным методам борьбы воспринимались как замедляющий революционный процесс подход, события осени 2018 г. показывали, что это был оправдавший себя шаг. Выбранная стратегия крайне затрудняет противодействие со стороны проигрывающей олигархической системы, которая не привыкла

оперировать ненасильственными методами и в рамках публичных форм ведения политической борьбы.

Более того, попытка контрреволюционного реванша в начале октября 2018 г. показала, что апеллирование к верховенству закона приучает общество к ненасильственным методам борьбы, способствует укреплению соответствующей политической культуры, что само по себе является важным достижением бархатной революции. Поддержка армянского народа является главным и на сегодняшний день практически единственным фактором, позволяющим Николу Пашиняну сохранять власть. Прямой мандат народа, как пробудившегося суверена, делает крайне сложной задачу нейтрализации Никола Пашиняна прежним режимом. Намерение же лидера отдать обществу функции контроля политического транзита на основе принципа верховенства закона и ненасильственных методов поднимает уровень политического самосознания общества, создавая предпосылки для проведения досрочных выборов и перехода к следующему этапу бархатной революции.

Возможные пути разворачивания следующего этапа бархатной революции

Осмысление возможных путей разворачивания бархатной революции требует формирования фрейма, в рамках которого будет проводиться анализ. При этом важно понимать, что решающим элементом изменений в обществе являются институты, без рассмотрения путей эволюции или трансформации которых невозможно сформулировать принципы проведения реформ.

Институты государственной и политической системы общества. В рамках данной работы будет использоваться определение Самюэля Хантингтона институтов (институций) как «стабильных, ценных, повторяющихся паттернов поведения»². Хантингтон перечисляет четыре пары критериев, позволяющих оценить степень развития институтов, формирующих государство: жесткость – адаптируемость, сложность – простота, автономия – субординация, когерентность – разъединенность³.

Чем более адаптательным, сложным, автономным и когерентным является тот или иной государственный институт, тем более эффективным он будет. Адаптательный институт в состоянии оценить изменения во внутренней и внешней среде и изменить собственные структуры, функции и процедуры для выживания и выработки отклика на вызовы и угрозы⁴.

Критерии «автономия» и «когерентность институтов» тесно связаны. Автономия характеризует степень развития корпоративной идентичности, позволяющей провести границу и отличить конкретный институт от других ин-

ституты и социальных структур. Когерентность является системной мерой степени согласованности функций элементов и организаций института или политической системы в целом. В политической системе с низкой когерентностью имеет место перекрывание функций различных институтов, что затрудняет или даже исключает возможность выявления доминирующего института, ответственного за обеспечение данной функции.

В патримониальных или испытывающих упадок обществах члены семьи или клана лидера получают перекрывающиеся полномочия в системе государственного правления и власти. Более того, для определенных лиц могут быть созданы специальные позиции во власти. Ло-яльность в таких обществах оказывается более важным критерием, нежели профессионализм, талант государственного или политического деятеля. Формальная структура государственного аппарата в этом случае перестает соответствовать реальному распределению власти, приводя к потере институциональной когерентности или даже разрывам в системе власти и государственного управления⁵.

Политический транзит и развитие общества являются исторически детерминированным процессом, когда каждая из стран идет по собственному пути, который формируется в том числе историческим контекстом. Рассуждая в рамках данной логики, можно прийти к спорному заключению, что разворачивание политических институтов в другом обществе требует создания схожего исторического контекста, в котором они зародились. Однако такой взгляд не совсем корректен, и политическая история показывает, что институты, обеспечивающие преимущества своим обществам, копируются и улучшаются другими через обучение, мимикрию и адаптацию собственных институтов. Последнее является неизбежным, так как институты консервативны и обладают большой инерцией. Общества крайне редко идут по пути полного разрушения существующих институтов, и новые институты наслаиваются на существующие, позволяя старым действовать в течение длительных периодов времени⁶.

Понимание важности исторического контекста появления институтов помогает осознать сложность их имплементации в других обществах. Зачастую политические институты зарождаются в результате не политических, а других вызовов и угроз. Например, верховенство закона исторически имеет религиозное происхождение, и попытки укоренить его, опираясь исключительно на политические факторы, представляется крайне сложной задачей⁷. Институты являются продуктом длинной цепи событий, однако исторический контекст имеет меньшее значение, чем функциональность института, что позволяет другим обществам его развернуть, причем

порой совершенно непредвиденными способами. Например, крайне сложно и просто невозможно было бы представить ситуацию, которая сложилась в Республике Армения в начале октября 2018 г., когда общенациональный лидер призывал своих сторонников на улицах Еревана следовать принципу верховенства закона и ненасильственным формам борьбы против членов парламента, попытавшихся осуществить контрреволюционный переворот.

Насилие и дисфункциональное равновесие. Обладая естественной консервативностью, институты зачастую медлят с адаптацией к изменениям во внутренней и внешней среде. Кроме того, любой институт или система институтов обеспечивают преференции и прибыль определенным группам в обществе. Да, выстроенная политическая система общества может обеспечивать общественные блага для всех своих членов, однако это не означает отсутствия элитных групп, обладающих привилегированным доступом к национальным богатствам, возможностям и благам. Используя привилегированный доступ, такие группы стремятся извлечь ренту из занимаемого положения, обеспечить большую скорость наращивания капитала, сохранить общественное положение и проч. Более того, элитные группы, обладая своей долей в контроле институциональных механизмов, стремятся защитить сложившийся статус-кво. Хотя общество в целом извлекло бы выгоду из институциональных изменений и реформ, элитные группы могут сопротивляться, если изменения несут им уменьшение прибыли и выгод, стремясь сохранить ставшее застойным и дисфункциональным равновесие⁸.

Способность общества инициировать институциональные изменения зависит от способности нейтрализовать элитные круги, заинтересованные в сложившемся статус-кво и способные наложить вето на реформы. И это уже сущность политической жизни и искусство политического лидера инициировать реформы, используя комбинацию власти, законности, запугивания, переговоров, харизмы, идей и организации. Исторический опыт показывает, что социальная мобилизация оказывается важным источником и инструментом разрушения дисфункционального равновесия традиционных элит, замурованных в рамках коалиций, получающих ренту с государственных и общественных институтов. Происходящее в Армении может рассматриваться в качестве классического примера способности общества к таким действиям.

Стабильность застойного равновесия объясняет одну из причин, почему насилие играет столь важную роль в институциональных реформах. Порой оно оказывается единственным способом убедить элитные группы, блокирующие институциональные изменения и реформы⁹, и речь идет о том, какую форму оно приобретает. В этом смысле можно говорить о правовом, по-

литическом, экономическом, военном и прочих видах насилия. Отдельно стоит отметить страх насильственной смерти, который сильнее стремления к материальной выгоде и способен обеспечить необходимую мотивацию для проведения реформ¹⁰. Тем не менее, насильственные методы реформирования институтов становятся все менее приемлемой формой выхода из политических тупиков. Путь к созданию современного и эффективного государства в XXI в. может быть менее насильственным, когда основная тяжесть по осуществлению институциональных инноваций и реформ ложится на ненасильственные механизмы. Ярким примером такого подхода к реформам является бархатная революция в Армении, которая может рассматриваться как эталон данного подхода к реформам на постсоветском пространстве.

Логика транзита общества. Центральным постулатом книги Самюэля Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах» является утверждение, что политическое развитие обладает собственной логикой, которая связана, но отличается от логики экономического и социального развития. Общество может не справиться с политическим транзитом и пережить упадок и даже катастрофу, когда экономическая и социальная модернизация оказываются не согласованы с политическим развитием. Необходимо различать политические, экономические и социальные размерности реформ общества, понимать, как они соотносятся и взаимодействуют друг с другом в условиях конкретного общества.

Такой взгляд на политическое развитие как процесс со своей собственной логикой вступает в противоречие с классической теорией модернизации, разрабатываемой мыслителями XIX в., такими как Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и другие, стремившимися осмыслить связанные с индустриализацией и становлением промышленного и финансового капитализма изменения в европейском обществе. Классическая теория модернизации стремится объяснить ее логику, опираясь на исторический период начиная с протестантской Реформации. Хантингтон, вступая в полемику, утверждает, что основные институты и процедуры современности не обязательно усиливают друг друга. Демократия, например, не всегда способствовала политической стабильности. Политический порядок, который фактически отождествляется Хантингтоном с категорией государства, должен иметь приоритет над демократизацией, и стратегия развития, ставшая известной как «авторитарный переход», подтверждает данный вывод¹¹. Можно привести пример Южной Кореи или Тайваня, которые осуществили модернизацию экономики при авторитарных правителях и только позже открыли свои политические системы для демократического транзита.

Европейский путь модернизации не является одновременным движением по всем размер-

ностям транзита и развития после Реформации, а, скорее, представляет собой серию сдвигов на гораздо большем масштабе времени, охватывающем как минимум пятнадцать веков. На этом пути индивидуализм на социальном уровне развития мог предшествовать капитализму, внедрение принципа верховенства закона – формированию современного государства, а феодализм и сопротивление центральной власти становился базисом современной демократии¹².

В XXI в. перспективы политического развития более разнообразны вследствие возможностей интенсивного экономического роста, предоставляющего больше ресурсов государствам для реформ на основе мобилизации новых социальных сил, которые со временем стремятся стать политическими акторами. Например, в разворачивающейся бархатной революции в Армении большую роль играет работающая в сфере высоких технологий молодежь, которая находится на этапе самоорганизации и осознания себя в качестве новой социальной группы.

В настоящее время страны имеют возможность выбрать разработанные и апробированные в мире модели транзита и развития¹³. Другой стороной медали оказываются отрицательные явления и процессы, которые в эпоху глобализации легко пересекают границы государств. В XXI в. стало гораздо сложнее обеспечивать функции, связанные с традиционным представлением о политическом порядке и государстве. Другими словами, в настоящее время нет возможности говорить только о «национальном транзите и развитии», но надо принимать во внимание акторов и силы, находящиеся вне государства, когда необходимо давать целостную оценку как обществу, так и его международному контексту¹⁴ – вывод, который более чем актуален для Армении и Южного Кавказа.

Таким образом, необходимо прагматически рассматривать и принимать во внимание исторические аспекты происхождения политических и государственных институтов. С другой стороны, институты не могут быть просто переданными другим обществам независимо от сложившихся в нем норм и правил, политических сил, поддерживающих их разворачивание. Строительство и укоренение института не инженерная задача и требует тяжелой работы по убеждению людей в необходимости институциональных изменений. Она требует создания поддерживающей изменения коалиции, которая сможет преодолеть сопротивление заинтересованных в сохранении старой системы элит. Также необходимо убедить людей принять новые паттерны поведения в качестве установленного порядка. Зачастую новые институты должны дополняться культурными сдвигами. Например, избирательная демократия не будет эффективно функционировать в условиях отсутствия независимой прессы и самоорганизующегося гражданского общества, позволя-

ющего сохранять контроль над правительством. Выживание и развитие институтов оказывается связанным со способностью удовлетворить потребности общества, и в этом смысле они являются универсальными. Именно данный факт позволяет делать общие выводы касательно политического транзита и развития политических и государственных институтов, помня о необходимости их соответствия требованиям внутренней и внешней среды.

Возможное будущее бархатной революции

Республика Армения вошла в 2019 г., завершив транзит исполнительной и представительной ветвей власти. Можно предложить следующую логику и этапы последующих армянских реформ.

Транзит власти в судебной ветви власти. В 2019 г. Республика Армения получит возможность осуществить изменения в судебной ветви власти, что позволит говорить об окончании транзита и возможности перехода к системным реформам. Изменения в судебной власти являются крайне важными. Может сложиться ошибочное впечатление, что судебная власть играет обеспечивающую, а не формирующую роль в протекающих процессах. Однако история становления политических систем и революционных изменений в Европе показывает, насколько важной и даже определяющей оказывается роль судебной системы. Достаточно обратиться к опыту Франции и Великой французской революции¹⁵.

История построения французской государственности, начиная с династии Бурбонов и вплоть до революции 1789 г., развивалась в рамках двух трендов. Первый был связан с постоянно увеличивающейся централизацией французского государства и сокращением политических прав подданных. Второй касался способа, при помощи которого происходила централизация. Централизованное французское государство выстраивалось не на основе наемной бюрократии и функциональной специализации, но приватизации государственных должностей, когда государственные учреждения превращались в наследственную частную собственность. Французское государство институционализировало извлечение ренты из государственных учреждений. Само слово «рента» происходит из практики французского государства распродажи государственных активов, например, права собрать определенный тип налога. Неэффективность и возможности для коррупции в такой системе были огромными.

Растущая мощь французского государства к началу XVIII в. позволяла ему наступать на права подданных, в первую очередь права собственности, но не через открытое принуждение, а манипуляцию правовой системой. Чтобы уменьшить бремя государственных долгов, госу-

дарство обратилось к государственному рынку. Были созданы специальные суды, палаты правосудия (*chambres de justice*), которые угрожали кредиторам расследованиями личных финансов. Учитывая коррумпированность последних, они соглашались уменьшить сумму государственного долга взамен на отзыв расследования. В XXI в. в ряде государств также можно наблюдать методы селективного использования антикоррупционных расследований для поднятия государственных доходов и запугивания политических противников.

Также происходили важные сдвиги в равновесии сил между различными социальными и политическими акторами. Растущая капиталистическая экономика увеличивала богатство и численность буржуазии. Но основные вызовы оказались связаны не столько с экономикой, сколько с победой идеей Просвещения, быстро распространяющихся по Европе. Защита прав подданных в эпоху Просвещения апеллировала не к феодальному праву и его попыткам ограничить власть короля, но к способности представлять общество состоящим из людей с равными правами. Однако попытки политиков под влиянием данных идей изменить старую систему через реформы проваливались. Политическая система монархии оказалась неспособна к трансформации, так как государственная власть была выстроена на широкой коалиции элит, привлекающих ренту из общественных и государственных активов, апеллирующих к традиции и феодальному праву.

Тем не менее, монархия не могла прямо атаковать права феодальных институтов, не подвергая угрозе делегитимации всю систему права, на которую опиралась ее собственная власть. Верховенство закона как важный компонент современной политической системы развился во Франции задолго до появления подконтрольных обществу политических институтов современного государства. Как следствие, принцип верховенства закона защищал не современную политическую систему и рыночную экономику, а традиционные социальные привилегии и неэффективную финансово-экономическую систему монархии. Даже те, кто на вершине иерархии власти осознавали интеллектуальное банкротство старой системы и необходимость фундаментальных изменений, не обладали необходимой властью и мощью, чтобы разрушить дисфункциональное равновесие, установленное коалицией рентьеров государственных должностей. Следствием становился рост напряженности в социальных группах, не входящих в элиту, что в конечном счете привело к революции и разрушению системы.

Таким образом, монархическая Франция перед Великой французской революцией является ранним прототипом того, что сегодня можно называть обществом, ориентированным на извлечение административной ренты. В таком об-

шестве элиты находятся в постоянной борьбе за захват и контроль государственных должностей и учреждений с целью создания условий для извлечения ренты. В случае с Францией данные притязания оформлялись в том числе апеллированием к праву и верховенству закона.

Являлась ли система, ориентированная на извлечение ренты, стабильной? В случае Франции она просуществовала почти два века и создала политический фундамент для превращения в доминирующую континентальную державу. Однако великолепие французской судебной власти маскировало слабости системы в целом, одной из наиболее важных из них было сильное чувство несправедливости в социальных слоях, выпавших из властной коалиции, что в конечном счете прорвалось во время революции. Интересно, что сами участники коалиции не имели желания защитить систему. Монархия была бы рада отойти от ренты государственных должностей и постов, и она попыталась это сделать несколько раз к концу своего существования. Однако сами государственные служащие были заинтересованы исключительно в личной прибыли, но не выживании или реформировании системы, и не могли принять идею реформ.

Французский случай показывает значение верховенства права и закона в политическом развитии, особенно во время революционных изменений. Власть закона, появившаяся в Средневековье, позволяла ограничивать тиранию монарха. Однако она также ограничивала возможности построения современного государства, поскольку защищала старые социальные классы и обычаи, которые должны были быть отменены для построения современного общества. Феодалное право и верховенство закона развились, так как государства понимали, что должны уважать права собственности традиционных элит. Они не могли прямо конфисковать активы элиты и должны были обратиться к правовым инструментам для оформления своих претензий.

Таким образом, опыт Франции показывает, что реализация принципа верховенства закона является необходимым, но недостаточным условием успешности революционных реформ и создания развитого современного государства и общества. Более того, верховенство закона может стать инструментом, при помощи которого консервируются социально-экономические и общественные отношения в обществе, не давая ему возможности сделать рывок к достойному будущему. Причем выбор между консервацией и рывком к новому оказывается личностным, замкнутым на конкретную личность, а не абстрактным. Таковым он будет и в случае Армении, которая в настоящее время делает выбор между сложившимся в постсоветский период олигархическим авторитарным политическим строем, ориентированным на паразитическую эксплуатацию геополитических, военно-политических и прочих

возможностей Армении узким кругом лиц и группировок, и возможностью рывка и прорыва к достойному армянскому будущему, процветающей, стремительно развивающейся Армении.

Транзит власти в Арцахе. Завершение транзита власти в Республике Армения позволит инициировать аналогичный процесс уже во втором армянском государстве. Бархатная революция в Ереване инициировала аналогичные процессы и в Арцахе. Однако армянский народ достаточно быстро пришел к пониманию, что одновременные революционные изменения в обоих армянских государствах являются крайне рискованными, учитывая состояние войны. Могла сложиться ситуация, когда активизация внешнего конфликта в условиях внутривластной нестабильности привела бы к потере управляемости, хаосу и в конечном счете поражению. В армянском народе был достигнут консенсус, что процесс транзита власти в Республике Армения и Арцахе должен быть разнесен во времени. Более того, после окончания транзита власти в Республике Армения появляется возможность осуществить аналогичный процесс в Арцахе не революционными методами, но в более мягкой форме трансформации, когда смена власти происходит в контролируемой форме без необходимости использования методов уличной борьбы.

Также можно говорить о консенсусе, что трансформация власти в Арцахе должна происходить не на основе соглашения внутри властной элиты, но публичного политического процесса, как это имело место в Республике Армения. Кроме того, на ключевые должности президента и спикера парламента Арцаха не могут претендовать коррумпированные личности. Это должны быть лица, не запятнавшие себя в коррупционных и прочих преступных схемах и принимаемые значительным большинством арцахского общества. В оставшееся до очередных президентских и парламентских выборов время арцахское общество должно решить данную проблему и выдвинуть из своей среды политиков и общественных деятелей, способных проводить системные реформы.

Инициирование процесса системных реформ. Вместе с инициированием судебной реформы и транзита власти в Арцахе новая власть должна приступить к разработке и имплементации системных реформ. Задача усложняется тем, что бархатная революция во многом оказалась неожиданной для ее организаторов, вынуждая действовать параллельным методом, когда процесс реформирования будет осуществляться одновременно с разработкой проекта реформ. Учитывая самобытность бархатной революции, будет крайне сложно найти аналоги в мировой политической истории, на которые можно будет опереться. Также будет сложно найти прецеденты системных реформ в условиях активной военной угрозы в динамичной среде безопасности.

Одним из немногих ориентиров для таких реформ может служить подход С. Хантингтона, когда необходимо различать политические, экономические и социальные размерности и говорить о нескольких взаимосвязанных реформах с выделением тех, что станут локомотивом качественных изменений в обществе. Первыми в Армении были инициированы политические изменения, однако не факт, что после окончания транзита власти на первом месте по-прежнему будут оставаться именно политические реформы. И важно понимать, что в данном случае речь идет не только и не столько о теории, сколько о практике, которая будет определяться складывающимися внутриармянским и региональным контекстами.

Успех системных реформ в Армении во многом будет зависеть от способности новой власти сохранять целостное видение происходящих изменений, вынуждая ад-хок изменять не только тактику, но и стратегию реформ. Это требует от новой власти определиться с институтом, который возьмет на себя задачу создания и поддержания целостной картины армянского общества, государственности в процессе реформ. Наиболее логичным является передача данных функций Советам безопасности армянских государств, решив задачу синхронизации деятельности данных структур в Республике Армения и Арцахе. Аппараты Совета безопасности Армении могли бы стать центром разработки и сопровождения армянских реформ, позволив отделить их от будничной государственной и политической деятельности и имея в фокусе аспекты обеспечения национальной безопасности армянского народа.

Тем не менее, в настоящее время можно уверенно говорить только о завершении этапа транзита власти и необходимости подготовки к сложному этапу судебных и системных реформ в условиях динамично меняющихся контекстов,

как внутри Армении, так и регионе. Активность, которая должна быть отнесена не только и не столько к науке, но искусству политики, национальной безопасности и стратегии.

Примечания

- ¹ В дальнейшем в тексте под термином «Армения» будут пониматься оба армянских государства – Республика Армения и Республика Арцах (Нагорно-Карабахская Республика).
- ² Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven ; L. : Yale University Press, 2006. P.12.
- ³ Ibid. P. 12–24.
- ⁴ Проблемы адаптабельности военных институтов см.: Арзуманян Р. В. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть : парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М. : ИД «Регнум», 2012. (Selecta XIX).
- ⁵ См.: Fukuyama F. *The Origins of Political Order : From Prehuman Times to the French Revolution*. 1st ed. N. Y., NY : Farrar, Straus and Giroux, 2011. P. 474–475.
- ⁶ Ibid. P. 437–438.
- ⁷ Ibid. P. 439.
- ⁸ Ibid. P. 483–484.
- ⁹ См.: Bates R. H. *Prosperity and Violence : The Political Economy of Development*. 2nd ed. N. Y., NY : W. W. Norton & Company, 2009 ; North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. *Violence and Social Orders : A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N. Y., NY : Cambridge University Press, 2009.
- ¹⁰ См.: Fukuyama F. *Op. cit.* P. 489.
- ¹¹ См.: Zakaria F. *The Future of Freedom : Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N. Y., NY : Norton, 2003.
- ¹² См.: Fukuyama F. *Op. cit.* P. 463.
- ¹³ См.: Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1962.
- ¹⁴ См.: Fukuyama F. *Op. cit.* P. 507.
- ¹⁵ Ibid. P. 336–354.

Образец для цитирования:

Арзуманян Р. В. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 223–230. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230>

Cite this article as:

Arzumanian H. V. Velvet Revolution in Armenia: Challenges and Opportunities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 223–230 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230>

УДК 316.334

Стратегии занятости: в поисках концептуального обоснования инновационной политики

Е. Л. Лукьянова

Лукьянова Евгения Львовна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет, lukyanova.jenya@gmail.com

В статье рассматриваются различные подходы к определению стратегий занятости, одного из самых распространенных понятий в современных исследованиях рынка труда. Выявляются особенности использования каждого из подходов: их ключевые категории, методологические допущения и получающиеся типологии. Указываются ограничения в применении описываемых подходов и пути их преодоления. Показывается близость стратегий занятости к другим понятиям – трудовым, профессиональным, карьерным стратегиям, стратегиям трудоустройства, а также обосновывается необходимость их выделения в самостоятельную категорию ввиду происходящих глобальных изменений самой сферы занятости. Автор останавливается на инновационных элементах стратегий занятости как самых перспективных для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, занятость, стратегии занятости, трудоустройство.

Strategy of Employment: in Search of Conceptual Justification of Innovation Policy

E. L. Lukyanova

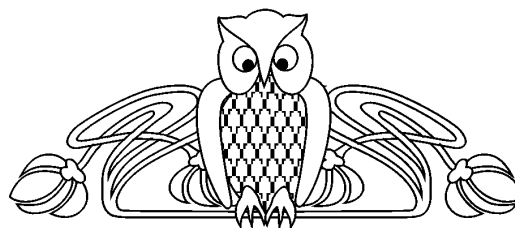
Evgenya L. Lukyanova, <https://orcid.org/0000-0002-5144-0124>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, lukyanova.jenya@gmail.com

The paper considered approaches to definition of strategy of employment, one of the most widespread concepts of modern researches of labor market. Features of each approach are described: their key categories, methodological assumptions and turning out typology. Restrictions are specified in application of the described approaches and a way of their overcoming. We show proximity of strategy of employment to other concepts – to the labor, professional, career strategy and we also prove their allocation in independent category in a type of global changes of the sphere of employment. The author stops on innovative elements of strategy of employment as the most perspective for further studying.

Keywords: youth, labor market, work, strategy of employment, employment.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-231-237>

Сегодня все российские регионы нацелены на развитие инновационного потенциала. Для этого создаются особые экономические зоны, открываются технопарки, формируются промышленные кластеры. Достигнутый опыт свидетельствует о том, что готовность местных рынков труда может стать существенным факто-

ром, влияющим на успешность преобразований в реальном секторе экономики. Инновационная политика невозможна без внимания к вопросам кадрового обеспечения и повышения квалификации персонала. Особенно это актуально на региональном уровне. В регионы впервые за много лет приходят крупные современные компании, делающие ставку на автоматизацию и компьютеризацию производства. Здесь свою деятельность разворачивает малое и среднее инновационное предпринимательство, также базирующееся на передовых наукоемких технологиях. Для них критически важным является качество имеющейся рабочей силы. Инновационный сценарий региональной политики предусматривает повышение уровня занятости населения, увеличение оплаты труда, а также улучшение условий работы. Для целого ряда российских областей задача формулируется как возвращение специалистов на малую родину, активизация интереса выпускников вузов и ссузов к предприятиям своего края. Оказалось, что стратегии занятости, сложившиеся за долгие годы экономической нестабильности, в первую очередь обращены к мегаполисам, в то время как трудоустройство в родном городе считается мало престижным. Как будет показано, стратегии занятости являются комплексным показателем не только текущего состояния рынка труда, но и субъективных ожиданий жителей от реализации инновационных экономических программ у себя в регионах.

В последнее время «стратегии занятости» стали весьма расхожим научным термином. Чаще всего его используют тогда, когда хотят показать последовательность действий той или иной социальной группы на рынке труда, начиная от выбора профессии, поиска работы и заканчивая решением об увольнении или выходе на пенсию. Такое понимание стратегий занятости обычно встречается в региональных исследованиях, а также в отчетах органов власти. Несмотря на простоту подхода, он помогает обнаружить основные «болевые точки» региональных рынков труда, а также ошибки в трудовом поведении самих работников, недочеты в деятельности служб занятости и т. п. При этом основное внимание уделяется способам реализации тех или иных стратегий занятости. Ученые стремятся определить, какой алгоритм действий будет предпочтительным в разных экономических условиях. Например, какая доля экономически активного

населения воспользуется услугами государственных центров содействия трудоустройству, а какая обратится в коммерческие рекрутинговые агентства, разместит свой резюме в Интернете? Сколько согласятся пройти переобучение и освоить новую профессию, а сколько ни за что не захотят сменить специальность? Какое количество рискнет попробовать себя в роли предпринимателей, а какое ограничится традиционной наемной занятостью? Эти и другие вопросы позволяют наглядно представить происходящие на рынке труда процессы, показать их отражение на микроуровне.

Молодежь выделяется как особый объект исследований. Для многих ученых она служит наилучшим маркером того, что происходит в сфере занятости и социальной политики в целом. Молодежь очень пестрая в социальном плане группа, поэтому в ней можно найти проявления разнообразных стратегий. Юноши и девушки проходят все этапы трудового становления, на каждом из которых меняются требования работодателей. Молодежный рынок труда в целевых государственных программах занятости даже выделяется в отдельный сегмент из-за специфики складывающегося там соотношения спроса и предложения. Этот сегмент является одним из самых противоречивых. С одной стороны, в целом ряде отраслей – торговле, транспорте, связи, строительстве – неуклонно растет востребованность молодых специалистов¹, с другой – на промышленных предприятиях не спешат делать ставку на молодежь, считая ее квалификацию недостаточной даже после окончания вуза. В исследованиях рынка труда как нигде оказывается важен транзитивный статус молодежи, характеризующий специфику ее перехода от учебы к работе. В этом возрасте происходит профессиональная социализация, усваиваются принятые в обществе образцы трудовой культуры.

Молодость вообще рассматривается как время решающих жизненных выборов, в том числе профессионального пути и будущих карьерных устремлений. С этих позиции стратегии занятости определяются как «серия последовательных осознанных выборов, совершаемых индивидом и основанных на соотнесении своих шансов... с существующим на данный момент спросом, а также тактическое реагирование на его изменения»². Эти выборы необязательно обусловлены одной лишь экономической необходимостью, важным фактором служат культурные предпочтения. Хотя некоторые авторы настаивают на целесообразном характере поведения молодежи на рынке труда³, другие им возражают с той точки зрения, что занятость в целом нельзя свести к простой схеме издержек/прибыли, подсчета шансов и сравнения их с наличными возможностями⁴. Тем более по результатам эмпирических исследований выходит, что так называемых рационалистов, интересующихся ситуацией на

рынке труда и в соответствии с ней ориентирующих свои планы, не так уж много. Гораздо чаще встречаются другие типы стратегий: «креативные», «предприимчивые», «прагматики» и «инфантильные» – для которых характерно как разочарование в выборе профессии, места работы, так и принятие решений под воздействием случайных обстоятельств⁵.

Тем не менее, описываемый подход позволяет выстраивать наглядные траектории движения юношей и девушек от школы к профессиональному обучению, а затем к трудовой деятельности. Для того чтобы последняя не выглядела игрой случая, важным является рассмотрение ресурсов, которыми располагает как сама молодежь, так и ее ближайшее окружение. Все виды капитала – материальный, социальный, человеческий – влияют на диапазон имеющихся выборов, который часто зависит не столько от состояния рынка труда как такового, сколько от социального положения молодежи. Неслучайно данный подход относят к числу структурных. Он направлен на решение важной социальной задачи выявления неравенства в трудовой сфере. Его индикаторами служат ограничения в доступе к разным стратегиям занятости, позволяющим максимально полно реализовать выпадающие шансы. Актуальной повесткой является возможность молодежи воспользоваться теми ресурсами, которые предоставляются в рамках программ регионального развития в целом и инновационных проектов в частности. Основная трудность применения этого подхода состоит в усиливающейся индивидуализации траекторий перехода от учебы к работе и дальнейших перемещений молодежи на рынке труда.

Дискуссионным также является вопрос об эффективности тех или иных ресурсов. Если раньше все соглашались с тем, что уровень образования оказывает решающее влияние на занятость молодежи, то сейчас социологам приходится искать другие виды ресурсов в силу того, что для работодателей «вид и тип учебного заведения, профессия, строчка с указанием специальности часто не более, чем условность»⁶. Без сомнения, квалификация по-прежнему остается одним из главных показателей, но она теперь в большей степени зависит от пройденной дополнительной подготовки, характера проектов, в которых принимал участие работник, его знакомства с различными условиями найма, чем от полученного профессионального образования. Тем более, как показывают опросы, среди молодежи становится все меньше тех, кто работает в соответствии со своей первоначальной специальностью. По разным оценкам, лишь около трети юношей и девушек верны той профессии, на которую они учились, остальные переориентировались на другие сферы⁷. Интересно, что исследователи вновь возвращаются к рассмотрению молодости как трудового ресурса. Однако

подразумевают под ним вовсе не физические силы, а в первую очередь умение адаптироваться к постоянно изменяющимся организационным и техническим требованиям, быстро находить нужную информацию, а также осваивать новые навыки, словом, все то, что сейчас называют инновационными свойствами работников⁸.

Близким к изложенному подходу является определение стратегий занятости как способов преодоления барьеров на пути достижения профессионального успеха и в целом личностного развития⁹. Отличием этого направления выступает его посыл видеть молодежь крайне уязвимой на рынке труда группой с «наибольшими противоречиями экономического поведения», с нестабильными трудовыми ценностями и мотивами¹⁰. При этом ей то приписывается склонность к рискованным видам заработка, приводящим к криминальным практикам¹¹, то, напротив, она показывается как инфантильное поколение, которое, даже будучи трудоустроенным, нуждается в финансовой поддержке родителей¹². Но в каких бы тонах ни рисовалась молодежь, общим является понимание того, что ее профессиональная социализация – это сложный процесс, на пути которого встречаются как объективные, так и субъективные барьеры¹³. Сама ситуация на рынке труда, его отраслевая структура, складывающийся баланс спроса и предложения служат факторами, препятствующими достижению желаемой занятости. Особенности системы образования, ее доступность, качество ведущейся профессиональной подготовки тоже выступают в качестве преград. Сюда же относят состояние трудового законодательства, программ социальной поддержки молодых специалистов, деятельность профсоюзов по защите их прав, эффективность работы государственных центров занятости и т. п.

Субъективные барьеры очень разнообразны, они охватывают все – от профессионального опыта до личных и деловых качеств человека, а также его состояние здоровья. Была даже выделена «большая пятерка» черт характера, которые помогают молодежи в реализации своего трудового потенциала. В нее вошли добросовестность, эмоциональная стабильность, неконфликтность, экстравертность и открытость новым идеям¹⁴. Также делается акцент на коммуникативных навыках, которые становятся важны не только для молодых специалистов, вроде менеджеров и юристов, но и для их сверстников-рабочих. В исследованиях нет какого-то устоявшегося перечня субъективных барьеров, но подчеркивается сама важность их включения в число изучаемых переменных. Они позволяют отойти от анализа стратегий занятости исключительно в экономической плоскости, представить трудовое поведение молодежи не как сугубо целерациональное, а как подверженное воздействию факторов разной природы. Вместе с тем логика этого подхода та-

кова, что в нем основное внимание обращается на недостаток тех или иных индивидуальных качеств, а не на их развитие и совершенствование. Ищутся те из них, которые мешают успешному трудоустройству и полноценному освоению выбранной профессии, а также формированию позитивной мотивации к работе.

Иногда в литературе можно встретить и широкое толкование барьеров как условий, уводящих молодежь от трудовой занятости в сторону девиантного поведения или праздного образа жизни¹⁵. Авторы пытаются выделить ту часть юношей и девушек, которые «не обладают каким-либо потенциалом на рынке труда и не готовы к карьерному росту»¹⁶. Их установка проста – «чем меньше работы, тем лучше». Тогда в круг обсуждаемых аспектов попадают специфика семейного воспитания, субкультурная принадлежность друзей, личностная незрелость и даже гражданская безответственность. Чаще всего подобные алармистские высказывания звучат в отношении рабочей молодежи, которая «находится в неблагоприятном положении, поскольку на пути ее социализации в трудовой сфере весьма мало факторов, способствующих блокированию негативных проявлений»¹⁷. При этом проблематика непосредственно NEET-молодежи, т. е. тех ребят, которые нигде не учатся и не работают, остается слабо раскрытой в отечественной социологии. Хотя, по некоторым подсчетам, доля такой молодежи в нашей стране составляет 12–14%, из которых лишь немногим мешает приступить к работе плохое здоровье¹⁸. Заметим, что NEET-молодежь пока не упоминается в качестве адресной группы, на которую следует направить усилия молодежной политики. Даже 10% молодежи являются для любого региона мощным инновационным резервом.

Заметим, что в рамках этого и некоторых других подходов самым сложным считается поиск работы. Поэтому часто под стратегиями занятости подразумеваются только стратегии трудоустройства как путь попадания молодежи в разряд занятых¹⁹. А уже затем отдельно выделяются профессиональные стратегии, трудовые стратегии, стратегии трудовой мобильности и карьерные стратегии, раскрывающие специфику дальнейшего продвижения по рынку труда. Фокус на разного рода барьерах предполагает проблематизирующий настрой. Из-за этого объектом изучения часто становятся не сами занятые, а безработные, особенно те из них, кто активно занимается поиском работы: обращается в государственные центры занятости, частные агентства, ходит к работодателям на собеседования, проходит переподготовку и т. п. На их примере показываются критические моменты, с которыми сталкивается молодежь как в нахождении своего первого места работы, так и последующей его смене. В этой связи рассматриваются также стратегии решения проблем занятости²⁰.

При этом безработица характеризуется как состояние «обострения занятости» или как кризисная занятость.

Не все ученые довольствуются таким упрощенным взглядом на стратегии занятости, как просто выход на рынок труда, справедливо считая его недостаточным особенно для разработки комплексной инновационной политики региона. Большинство оперирует понятием «статус занятости» и его классификациями, полагая под стратегиями способы достижения и сохранения привлекательных статусов, равно как избегание негативных их видов. Именно статусы играют роль ориентиров при выработке поведения на рынке труда²¹. Интересными являются исследования жизненной динамики статусов занятости. Последние десятилетия были богаты на всевозможные социально-экономические и политические изменения, побуждавшие многих кардинально менять род своей деятельности. Но при таком подходе становится сложно различить между собой стратегии занятости и трудовые стратегии. Ведь под последними тоже нередко имеется в виду «осознанный выбор работником направления долгосрочной трудовой деятельности»²². Прежде для молодежи было сложно проследить продолжительную динамику статусов занятости. Сейчас стоит обратная проблема кратковременной занятости, при которой юноши и девушки относятся к текущему месту работы как своеобразной пробе сил и не боятся с ним расстаться²³. Они стремятся испытать себя в разных ролях, прежде чем окончательно найти, какой из статусов им больше всего подходит.

В связи со стратегиями занятости часто упоминается и категория адаптационного потенциала как способности приспосабливаться к меняющимся условиям на рынке труда. Столкновение молодежи с реальным положением дел может привести к «деградации трудовых ценностей, ... к исчезновению взгляда на труд как средство личной самореализации»²⁴. Поэтому отмечается, что анализ одних лишь барьеров будет неполным без изучения особенностей реагирования на них²⁵. Эти особенности выделяются на разных уровнях, как адаптация к профессии, каким-то специфическим ситуациям на рынке труда, вроде кризисов, к конкретному предприятию, рабочему месту, коллективу, к выполняемым обязанностям и т.п. Затрагивается вопрос информированности молодежи о целевых мерах поддержки ее занятости, оказываемой региональными органами власти помощи. Основным критерием для классификации стратегий занятости при этом выступает степень самостоятельности молодежи, которая раскрывает ее готовность к активному поиску, взятие на себя ответственности в решении возникающих проблем и т.п. Поддерживается инициатива самой молодежи, ее стремление к предпринимательству, карьерному росту в противовес пассивному реагирова-

нию и надежде на помощь в трудоустройстве со стороны семьи, учебного заведения и т.п. Как ни в каком направлении здесь актуальной кажется социальная защищенность молодежи, сформированность механизмов поддержки начинающих специалистов. Проводится мысль о том, что без государственного регулирования юношам и девушкам будет сложно выдержать конкуренцию с более опытными и квалифицированными работниками²⁶.

Вообще, адаптационный подход очень распространен в социологии и давно применяется к исследованию разных проблем. За это время успело накопиться немало критических замечаний, касающихся того, что как форма символического капитала адаптационный потенциал неравномерно распределен в обществе. Он также зависит от существующей классовой структуры, поскольку является производным от финансового благополучия, качества и уровня образования, культурного контекста воспитания и прочих факторов. На практике бывает сложно отделить адаптационный потенциал от других видов ресурсов. В качестве такого обычно берется какая-то комбинация последних, дополняемая теми или иными психологическими характеристиками. Предложено множество вариантов подобных комбинаций вплоть до политических установок, вследствие чего становится тяжело сопоставлять результаты отдельных исследований. Ведь стратегии занятости дифференцируются на основе факторного анализа и сильно зависят от набора используемых переменных. К тому же, по мнению ряда авторов, адаптационный потенциал не в полной мере отражает специфику рыночных экономических условий. Чтобы подчеркнуть требующуюся там активность, предпочтение отдается таким терминам, как «самомаркетинг»²⁷, который означает комплекс действий, связанных с собственным продвижением на рынке труда, выгодной продажей своей рабочей силы.

Обсуждаемыми являются и признаки эффективной адаптации. Для кого-то она заканчивается непосредственно фактом трудоустройства, кто-то уточняет важность достижения устойчивой занятости, нахождение такой «идеальной» работы, которая бы отвечала всем личным намерениям, и т.п. Третьи полагают, что по прошествии адаптации молодежь должна уметь выдерживать напряжение рынка труда, соответствовать запросам работодателя и доказывать ему свои преимущества. Четвертые говорят о более широком спектре показателей, таких как в целом удовлетворенность жизнью, относить адаптацию на рынке труда к разновидностям социальной адаптации. Утверждается, что многие аспекты трудовой деятельности существенно влияют на самочувствие молодежи. В их число входят, например, размер заработка, взаимоотношения с руководством, между коллегами, а также соотношение ожиданий и наличия

интересной работы²⁸. Еще одни подытоживают, что оценки адаптационного потенциала зависят от установок самих исследователей и чаще всего делаются с позиций среднего класса, в результате чего стратегии занятости, к которым прибегают представители низших слоев населения, изначально признаются неэффективными²⁹. Хотя выходцы оттуда могут иметь самый разнообразный опыт занятости, быть очень мобильными и активными в поиске работы. Но сама специфика тех мест, которые они находят, с рутинным, нетворческим трудом, низкой заработной платой берется за свидетельство их низкого адаптационного потенциала.

Вопросы увязки рыночной идеологии с особенностями трудового поведения также поднимаются в социокультурном подходе³⁰. В центре него лежат устоявшие на рынке труда ценности и нормы. Особый интерес вызывают профессиональные ориентации молодого поколения, поскольку «позволяют понять направленность и содержания его трудовой активности и, в конечном счете, определить степень включения в общество»³¹. Таким образом, трудовые ценности являются значимым компонентом стратегий занятости. С позиций этого подхода, сами стратегии тесно связаны с процессами профессиональной идентификации, формированием у юношей и девушек ценности себя как профессионалов, выработки у них алгоритмов использования тех ресурсов, которыми они располагают на рынке труда. Так или иначе, элементы социокультурного подхода применяются везде, где ставится задача выяснения мотивов занятости работников, их предпочтений, степени интериоризации корпоративных ценностей и т. п. К нему обращаются даже в исследованиях уровня патриотизма молодежи, где трудовая ответственность выступает в качестве ключевой составляющей активной гражданской позиции.

Давно подмечен феномен противоречия между притязаниями молодежи на рынке труда и ее реальными возможностями. Источник этого противоречия кроется в представлениях молодежи о жизненном успехе и роли труда в его достижении. Данные опросов показывают, что работа, несмотря на свою высокую значимость, не входит в ядро ценностной структуры современной молодежи. Базовыми для нее являются ценности семьи, здоровья, материального благополучия. Не более 15% студентов вузов в своих стратегиях занятости ставят целью найти интересную работу³². Но в исследованиях такого рода всегда важно учитывать контексты понимания юношами и девушками того, что такое «интересная» или «хорошая» работа. Скрытые культурные коды могут подразумевать не только ее функциональное содержание, но и уровень заработка, условия труда, стабильность, предоставляемые социальные гарантии и т.п. Сложность изучения подобных конструктов заключается в том, что моло-

дые люди в силу своих амбиций часто нацелены на поиск таких вакансий, которые бы отвечали сразу всем их пожеланиям. Не зря именно среди молодежи наблюдается самая высокая доля безработных. Вчерашние выпускники придирчиво относятся к выбору работы, находя приемлемым какое-то время после окончания учебы пожить за счет родителей в ожидании достойного предложения. Вследствие этого Международной организацией труда рекомендуется рассматривать именно удовлетворительную занятость, т. е. в целом устраивающую молодежь, в качестве ключевого критерия ее окончательного выхода на рынок труда³³.

В исследованиях, выполненных на стыке социологии молодежи и социологии труда, констатируется существенное удлинение сроков вторичной социализации, растягивание периода профессионального самоопределения юношей и девушек. Освоение ими различных форм непрерывного образования размывает границы между «рабочим» и «нерабочим», придавая занятости характер калейдоскопичности. Считается, что это обостряет конфликт между традиционными ценностями и ценностями рыночной культуры, заставляя юношей и девушек выбирать нестандартные виды занятости. К последним относят, например, дистанционную занятость, фриланс, аутстаффинг (включающий работу вахтовым методом), аутсорсинг, заемный труд, смарт-стаффинг, аутплейсмент, проектную занятость и т. п.³⁴. Социологи расходятся в их оценках, то приводя в качестве примера маргинальных и периферийных видов, то полагая их гибкими и наиболее подходящими для нынешнего рынка труда. Но сходятся в том, что их развитие приведет в скором будущем к появлению новой парадигмы занятости, которая заставит в ином направлении искать концептуальные обоснования инновационной политики.

Пока авторы не так уж много внимания уделяют инновационным аспектам стратегий занятости. Отчасти причиной этого является мнение, согласно которому в последние десять-пятнадцать лет сам рынок труда изменился коренным образом. Иными стала его отраслевая и региональная структура, появилось множество новых профессий и видов занятости, каналов трудоустройства. Оттого и все реализуемые сегодня стратегии имеют оттенок новизны, особенно если они разворачиваются в интернет-пространстве. Также в качестве инновационных признаются стратегии, приводящие к трудоустройству на предприятия нового типа. Неслучайно уровень занятости на них с недавних пор стал приводиться в качестве одного из главных показателей эффективности программ регионального развития. В освоении работниками современного оборудования и технологий, в их готовности к рационализаторской деятельности и изобретательству тоже видится инновационная состав-

ляющая. Молодежь наделяется особым инновационным потенциалом. С одной стороны, она в большей степени, чем остальные, восприимчива к переменам, с другой, по сути, является первым поколением, выросшим в условиях ускоренной технической модернизации. При этом замечается, что масштабы молодежной экспансии в сферу инноваций еще требуют изучения и разработки мер государственной поддержки.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-411-730012 «Особенности стратегий занятости молодежи в регионах с развивающимися инновационными кластерами (на примере Ульяновской области)»).

Примечания

- 1 См.: Труд и занятость в России – 2015 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm (дата обращения: 08.09.2018).
- 2 Омельченко Е. Л. Стилевые стратегии занятости и их особенности // Социс. 2002. № 11. С. 38.
- 3 См.: Бурганова Л. А., Акмалова Э. М. Стратегии поведения молодежи на неформальном рынке труда : анализ экспертного мнения // Управление устойчивым развитием. 2015. № 1. С. 45–50.
- 4 См.: Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2017. 129 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).
- 5 См.: Иванова В. С. Стратегии трудоустройства выпускников вузов // Вестн. науки Сибири. 2016. № 1 (20). С. 12–21.
- 6 Митягина Е. В. Ресурсность рабочих на предприятии электроэнергетической промышленности // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журнал. 2013. № 9 (29). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/549> (дата обращения: 02.06.2018).
- 7 См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь на рынке труда : транзитивные процессы в условиях постсоветской трансформации // Социс. 2012. № 8. С. 110.
- 8 См.: Луков В., Луков С., Погорский Э. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. 2014. № 2. С. 6–18.
- 9 См.: Ручкина Т. В. Жизненные стратегии молодежи в сфере занятости : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2000 ; Старик И. Н. Проблема трудоустройства как ограничение возможностей городской и сельской молодежи // Фундаментальные исследования. 2012. № 6 (ч. 1). С. 82–86.
- 10 См.: Князев П. А. Трансформация экономического поведения российской молодежи в условиях аксиологической динамики : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2011.
- 11 См.: Современные молодежные исследования и инициативы / под общ. ред. Т. Бендюговой. Таганрог : Изд-ль С. А. Ступин, 2015.
- 12 См.: Радаев В. В. Миллениалы : эмпирический анализ // Социс. 2018. № 3. С. 15–33.
- 13 См.: Попов А. В., Соловьева Т. С. Барьеры реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 3. С. 251–268.
- 14 См.: Развитие навыков для инновационного роста в России. М. : Алекс, 2015.
- 15 См.: Володин В. М., Михнева С. Г. Экономическое поведение молодежи в условиях модернизации российского общества // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 121–126.
- 16 Попова М. В. Особенности и стратегии поведения молодежи на современном рынке труда (на примере Ставропольского края) // Региональная экономика : теория и практика. 2012. № 29 (260). С. 35.
- 17 Косицына С. В. Рабочая молодежь в контексте городского социокультурного пространства // Вестн. КазГУКИ. 2012. № 3, ч. 2. С. 14.
- 18 См.: Варшавская Е. Я. Российская NEET-молодежь : характеристика и типология // Социс. 2016. № 9. С. 31–39.
- 19 См.: Абасов З. А. Проектирование студентами педвуза профессиональной стратегии // Социс. 2006. № 4. С. 105–110.
- 20 См.: Давыдова Н. М. Индивидуальная ситуация на рынке труда и стратегия занятости // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 13–24.
- 21 См.: Анализ рынка труда молодежи. Пакет учебно-информационных материалов по рынку труда молодежи / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, Employment Policy Department. М. : МОТ, 2015.
- 22 Тореев В. Б. Трудовые стратегии молодежи // Народонаселение. 2014. № 4. С. 95.
- 23 См.: Кремнева Н. Ю., Лукьянова Е. Л. Рабочая профессия : успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 10. С. 26–38.
- 24 Лопаткин И. В. Адаптация молодежи на современном рынке труда : социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2015. С. 5.
- 25 См.: Шилкина Н. Е. Стратегии адаптации выпускников высших учебных заведений на рынке труда // Кадровик. Кадровый менеджмент (управление персоналом). 2013. № 1. С. 112–117.
- 26 См.: Гарифуллина А. Ф., Бахтигареева А. А. Государственная политика в области трудоустройства молодежи // Экономика и социум. 2014. № 1 (10). С. 392–393.
- 27 См.: Вирина И. В. Конкурентоспособность молодых специалистов по оценкам руководителей // Социальная политика и социология. 2007. № 2. С. 174–177.
- 28 См.: Бессокирная Г. П. Социальное самочувствие рабочих // Социс. 2008. № 3. С. 34–37.
- 29 См.: Рябчук А. Адаптационный потенциал как средство маргинализации рабочего класса в постсоветских обществах // Социология : теория, методы, маркетинг. 2007 № 1. С. 105–114.

- ³⁰ См.: Темницкий А. Л. Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения // Социс. 2007. № 6. С. 60–71.
- ³¹ Хлопова Т. В., Озерникова Ж. Г. Трудовые ценности молодежи // Народонаселение. 2002. № 4. С. 73.
- ³² См.: Кошарный В. П., Корж Н. В. Трудовые ценности и установки студенческой молодежи // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 132.
- ³³ См.: Бобков В. Н., Черных Е. А. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3 (193). С. 23–55.
- ³⁴ См.: Камарова Т. А. Понятия, виды и формы «нестандартной занятости», нормативно-правовая основа их применения // Human Progress. 2015. Т. 1, № 1. С. 14–30.

Образец для цитирования:

Лукьянова Е. Л. Стратегии занятости: в поисках концептуального обоснования инновационной политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 231–237. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-231-237>

Cite this article as:

Lukyanova E. L. Strategy of Employment: in Search of Conceptual Justification of Innovation Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 231–237 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-231-237>

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 327.39(470.332)(476)

Влияние представителей правящей элиты Смоленской области на динамику отношений региона с Республикой Беларусь в рамках трансграничного сотрудничества

А. Н. Горская

Горская Анастасия Николаевна, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, gorskaya_nastya@mail.ru

В статье осуществляется анализ степени влияния и личного участия представителей правящей элиты Смоленской области в выстраивании отношений с Республикой Беларусь в рамках трансграничного сотрудничества регионов двух стран. Рассматривается эволюция состава и механизмов формирования региональной элиты с 1991 г. по настоящее время как один из критериев определения политического режима региона. Выявлена динамика межрегиональных связей с Белоруссией в контексте взаимосвязи элитных внутрирегиональных рокировок и политических процессов общероссийского и межгосударственного уровней. Показаны положительные тенденции в развитии взаимодействия Смоленской области с партнерами из Республики Беларусь. Сделан вывод о неполной реализации имеющегося потенциала сотрудничества.

Ключевые слова: губернатор, региональная элита, Республика Беларусь, Смоленская область, соглашение, трансграничное сотрудничество.

Influence of Representatives of the Ruling Elite of the Smolensk Region on the Dynamics of Relations with the Republic of Belarus

A. N. Gorskaya

Anastasia N. Gorskaya, <https://orcid.org/0000-0002-8250-272X>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, gorskaya_nastya@mail.ru

The author analyzes the degree of influence and personal participation of representatives of the ruling elite of the Smolensk region in building relations with the Republic of Belarus in the framework of trans-border cooperation between the regions of the two countries. The evolution of the composition and mechanisms of formation of the regional elite from 1991 to the present is considered as one of the criteria for determining the political regime of the region. The dynamics of interregional relations with Belarus in the context of the interconnection of elite intraregional changes and political processes of the all-Russian and interstate levels is revealed. The positive trends in the development of the interaction of the Smolensk region with partners from the Republic of Belarus are shown. The conclusion is made about the incomplete realization of the existing cooperation potential.

Keywords: governor, regional elite, Republic of Belarus, Smolensk region, agreement, trans-border cooperation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-238-244>

В результате распада СССР в 1991 г. на его пространстве образовались новые независимые государства, и единые ранее территориально-хозяйственные комплексы прекратили существование, оказавшись по разные стороны проведенных границ. Однако бывшие союзные республики в большинстве своем в силу экономических, гуманитарных и иных факторов не могли игнорировать своих соседей или более отдаленные территории и так или иначе оказались вовлеченными в приграничное и трансграничное сотрудничество.

Для России партнером, прошедшим такой путь, стала Республика Беларусь (далее – РБ). К тому же дополнительные импульсы расширению приграничных контактов между ними придает союзное строительство. Данное направление естественным образом вошло в стратегии внешнеполитического и внешнеэкономического развития двух государств¹.

Трансграничное сотрудничество – это одно из условий углубления экономического взаимодействия и формирования реально интегрированного социально-экономического пространства нескольких стран². В силу ряда причин в налаживании такого сотрудничества заинтересована не только Республика Беларусь, но и в не меньшей степени – Российская Федерация (далее – РФ). Беларусь способна предоставить рынок сбыта для российских товаров, свою оригинальную продукцию, оказать поддержку в международных спорах и в достижении совместных интересов во многих областях. Иначе говоря, отношения добрососедства с Республикой Беларусь имеют как политическое, так и экономическое, социальное, культурное значение.

Сопредельными территориями для России и Беларуси выступают Смоленская, Псковская и Брянская области РФ и Витебская, Могилевская и Гомельская области РБ. Учитывая экономико-географическое положение, данные регионы особенно важны в сбалансировании российско-белорусских отношений. Приграничный статус создает дополнительные условия для взаимодействия. Особую роль в этом процессе играют представители элит и режимы, установленные первыми лицами регионов. Существующая расстановка сил, личность главы региона прямо или косвенно будут оказывать определенное влияние

на выстраивание взаимоотношений с соседом. В связи с этим исследование политической «карты» таких областей России, как Брянская, Псковская и Смоленская, представляет дополнительный интерес. Оно способно показать расстановку сил в регионе, определить степень авторитарности региональных элит, указать ведущую группу элит, которая имеет возможность продвигать внутренние интересы и принимать собственные решения в развитии внешних связей региона, в том числе с партнерами из Республики Беларусь.

Политические режимы, которые установились в регионах, можно классифицировать по различным основаниям. Выбор оснований непременно будет связан с их значимостью в регионе здесь и сейчас, так как, несомненно, политические режимы не являются статичными и меняются во времени. На наш взгляд, верным и актуальным будет выбор критериев, предложенных С. В. Борисовым. Первостепенно он предлагает обнаружить наиболее значимые критерии для конкретного региона и разделять их на три группы. Первая группа включает критерии, имеющие значение для любых регионов нашей страны, – общеродовые критерии. Вторая группа – критерии, актуальные для определенных групп регионов, – особенные критерии. Третья группа – неповторимые критерии, значимые только для конкретного региона³.

Для нас в данном исследовании доминантна группа, содержащая общеродовые критерии, а именно критерий происхождения правящей элиты. Он послужит нам базой для дальнейших научных изысканий. А в качестве изучаемого региона мы остановимся на Смоленской области, являющейся лидером среди названных приграничных областей в развитии торгово-экономических отношений с белорусской стороной.

Элита – полноценная социальная группа, которая имеет сложную внутреннюю структуру. В ней по различным критериям, как формальным, так и неформальным, можно выделить определенные подгруппы. Формальные субэлитные группы могут быть отраслевыми (политическая, экономическая, военная субэлиты), функциональными (идеологи, силовики, администраторы и проч.), иерархическими (субэлитные слои), рекрутационными (назначенцы, избранники)⁴. Данную классификацию мы будем использовать для последующего анализа происхождения правящих элит Смоленской области.

Смоленская область – регион дотационный (хотя дотации из федерального бюджета в 2018 г. для нее были относительно небольшими, особенно в сравнении с дотациями, к примеру, Республике Дагестан или Республике Саха (Якутия)). Область не обладает существенными природными ресурсами, кроме географического расположения, и зачастую считается второстепенной для федерального центра, что не вполне оправданно в контексте исторических и геополитических условий.

С 1991 г. по настоящее время пост губернатора данной области сменили шесть представителей местных элит (таблица).

Губернаторы Смоленской области

№	Губернаторы региона	Годы руководства регионом
1	Фатеев Валерий Петрович	1991–1993
2	Глушенков Анатолий Егорович	1993–1998
3	Прохоров Александр Дмитриевич	1998–2002
4	Маслов Виктор Николаевич	2002–2007
5	Антуфьев Сергей Владимирович	2007–2012
6	Островский Александр Владимирович	2012 – н. в.

Первым губернатором Смоленской области после распада СССР стал Валерий Петрович Фатеев – «хозяйственник» родом из г. Горького, бывший директором Вяземского льнокомбината. Время его нахождения в должности характеризуется наличием конфликта с мэром Смоленска и смоленской элитой. Новый кабинет губернатор набирал по принципу равных возможностей для каждого. Практически вся областная элита была отстранена от контроля над экономическими ресурсами, а сам В. Фатеев превратился в нежелательную для местных элит персону. Таким образом, он хотел получить своего рода «народную легитимность», стремился разрушить вслед за старым строем существующие в области порядки⁵.

Надо заметить, что после распада СССР отношения России и Беларуси сохранились как дружественные, но в период руководства В. Фатеева все инициативы в области интеграции РФ и РБ выдвигались на федеральном уровне, поскольку тогда только начали складываться дипломатические отношения двух государств. К тому же и внутренняя региональная ситуация, и общая социально-экономическая ситуация в обеих странах не способствовали развитию связей приграничного и трансрегионального уровня.

Вторым губернатором Смоленской области был Анатолий Егорович Глушенков – «хозяйственник» из «местных», занимавший ранее должность руководителя Смоленского завода холодильников. На пост губернатора он пришел в ходе всенародных выборов 1993 г., где одержал победу над В. Фатеевым. Свою политику А. Глушенков строил на противостоянии прежнему курсу⁶. В период его руководства в 1994 г. президентом Республики Беларусь был избран А. Лукашенко. С этого времени и весь период правления Президента России Б. Ельцина характеризуется хорошими личными отношениями двух руководителей. Было заключено множество двусторонних соглашений, в том числе со Смоленской областью, например, Соглашение

о сотрудничестве между Смоленской областью Российской Федерации и Гомельской областью Республики Беларусь от 22 ноября 1994 г., содействующее реализации Договора о создании экономического союза⁷. В рамках соглашения были прописаны конкретные действия для налаживания отношений, например, создание группы содействия развитию регионов, а также межрегиональной клиринговой компании. В 1995 г. граница между Россией и Республикой Беларусь была ликвидирована. 25 июня 1996 г. в Смоленске прошла первая сессия Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. В 1997 г. А. Глушенков стал заместителем Председателя данного Парламентского Собрания. Таким образом, стабилизацию общей и региональной политической ситуации (сглаживание острого конфликта между региональными и местными властями) на фоне интенсивного политического диалога высокого уровня можно рассматривать как важный фактор активизации межрегионального и приграничного сотрудничества, а также включения области и ее элиты в систему российско-белорусских интеграционных связей.

Третьим губернатором области новой России становится Александр Дмитриевич Прохоров – «местный администратор», до назначения бывший мэром Смоленска. Победил бывшего губернатора А. Глушенкова во втором туре выборов. За него активно агитировала КПРФ и поддерживали представители бизнес-элиты. Однако период руководства областью А. Прохоровым ознаменовался ухудшением обстановки, и на очередных выборах он потерпел поражение. Чиновники из его ближайшего окружения в результате покинули регион.

Следует отметить тот факт, что в период 1990-х гг. губернаторский корпус по всей России формировался преимущественно из двух групп: руководителей региональной исполнительной власти различного уровня и директоров промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Эту тенденцию мы можем проследить и на примере Смоленской области с 1991 по 2002 г.: В. Фатеев, А. Глушенков – «хозяйственники», А. Прохоров – «администратор»⁸.

Разразившийся в 1998 г. экономический кризис выпал на время губернаторства А. Прохорова. Несмотря на это, общие проблемы области и Беларуси стимулировали региональное сотрудничество, чему дополнительно способствовал уже имеющийся опыт двусторонних контактов. На фоне международных политических неурядиц Президент Беларуси А. Лукашенко принял у себя группу российских губернаторов, в том числе умеренного, но близкого к оппозиции по отношению к центральной российской власти А. Прохорова, что свидетельствовало о росте интереса белорусской стороны к региону. Благодаря подписанию Соглашения по развитию выставочной деятельности в ноябре 1998 г. состоя-

лась первая национальная выставка белорусских товаров в Смоленске «Республика Беларусь – ваш партнер». В 1999 г. белорусский президент принял у себя делегацию из Смоленской области, возглавляемую А. Прохоровым, и совершил поездку с ответным визитом. В составе делегации находился и руководитель ПО «Кристалл» А. Шкадов, оказавший А. Прохорову заметную поддержку на губернаторских выборах. Среди достигнутых по результатам переговоров с губернатором Смоленской области результатов белорусский президент в качестве одного из направлений сотрудничества на перспективу обозначил создание мощной финансово-промышленной группы по огранке алмазов⁹. Именно тогда взаимоотношения Республики Беларусь и Смоленской области вышли на новый уровень. Было заключено Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Администрацией Смоленской области Российской Федерации о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 8 октября 1998 г.¹⁰, послужившее драйвером бурного роста смоленско-белорусского взаимодействия во всех сферах – появились различные совместные предприятия, открылись совместные магазины, начался активный обмен товарами¹¹. Кроме того, было подписано соглашение Смоленской и Витебской областей в сфере медицинского обслуживания¹².

Подчеркнем, что в кризисных условиях и ситуации похолодания собственно российско-белорусских отношений начала 2000-х гг. выстраивание отношений между белорусскими партнерами и российскими регионами сыграло весомую позитивную роль в сохранении интеграционных настроений¹³. А. Прохоров и А. Шкадов умело воспользовались выгодами, которое дало расширение связей с РБ. Так или иначе, данные связи наращивали авторитет и ресурсы элит, в некоторой степени снижая зависимость от федерального центра, испытывавшего серьезные трудности политического и финансово-экономического плана. Следует отметить, что в конце 1990-х гг. в отдельных районах Смоленской области существовали даже настроения в пользу присоединения к Республике Беларусь.

Следующий губернатор Смоленской области – Виктор Николаевич Маслов – «местный силовик», прямой выдвиженец Кремля, хотя и не обретший большой популярности в области. По итогам региональных выборов он обошел предыдущего губернатора на волне борьбы с криминалом¹⁴. Обретение им губернаторского статуса укладывалось в общероссийскую тенденцию. В начале 2000-х гг. произошло массовое привлечение военных в органы власти по всей стране ввиду подъема популярности выходцев из силовых структур после прихода к власти В. Путина, и назначение В. Маслова на должность не стало исключением. На выборах его кандидатуру поддержали все федеральные партии, кроме КПРФ,

руководители крупнейших предприятий, а впоследствии и большинство местных законодателей. Тем не менее, к новому губернатору имелись серьезные претензии. На думских выборах 2007 г. в Смоленской области «Единая Россия» получила очень плохие результаты, несмотря на то что В. Маслов руководил избирательным штабом партии¹⁵. В итоге губернатор ушел в отставку. Должности он лишился в 2007 г. и принял решение баллотироваться в местный парламент (возглавив список Смоленского отделения «Единой России»). Такая ротация кадров стала необходимым условием для обеспечения более благоприятного «расклада» сил на предстоящих президентских выборах¹⁶.

Будучи губернатором, В. Маслов, помимо ставших уже традиционными сфер российско-белорусского взаимодействия, большое внимание уделял вопросам борьбы с организованной преступностью и контрабандой. Такое акцентирование можно объяснить и влиянием его предшествовавшей профессиональной деятельности, и изменившимися институциональными рамками интеграции после образования Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в свете новых геополитических обстоятельств, и определенным «откатом» от выполнения положений Договора о создании Союзного государства 1999 г. Тем не менее, взаимодействие продолжало развиваться на разных уровнях: так, в 2003 г. Беларусь посетили официальная делегация и деловые круги Смоленской области; В. Маслов провел встречу с Президентом Беларуси, по результатам которой состоялось подписание Соглашения между Администрацией Смоленской области и Могилевским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 8 декабря 2004 г.¹⁷

Пятым губернатором региона стал Сергей Владимирович Антуфьев – «местный» политический деятель, партийный работник, первый заместитель А. Прохорова, после его отставки назначенный президентом временно исполняющим обязанности губернатора и поддержанный в качестве кандидата на губернаторскую должность областной думой¹⁸. Во время руководства С. Антуфьева область показала худший результат голосования на президентских выборах 2008 г., за чем последовало лишение нового губернатора поста секретаря политсовета Смоленского отделения «Единой России»¹⁹. По итогам неблагоприятных для «Единой России» думских выборов 2011 г., уступившей в регионе КПРФ, С. Антуфьев досрочно ушел в отставку²⁰.

Надо заметить, что С. Антуфьев ранее являлся заместителем председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками. Уже тогда по приглашению белорусской стороны в составе делегации он посещал республику, поэтому в должности

губернатора у него имелся определенный опыт выстраивания отношений с соседним государством. Губернатор сумел улучшить сложившуюся ситуацию, достичь определенных результатов, несмотря на то, что на уровне двусторонних отношений между Россией и Беларусью существовал серьезный конфликт из-за цен на газ и нефть. В это время межрегиональное сотрудничество продолжало набирать обороты. Были заключены соглашения с еще двумя областями РБ: Соглашение между Администрацией Смоленской области и Витебским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь от 29 февраля 2008 г., Соглашение между Администрацией Смоленской области и Минским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 10 февраля 2012 г., а также Соглашение о сотрудничестве между Администрацией Смоленской области и Минским государственным производственным унитарным предприятием «Белкоммунмаш»²¹. В 2008 г. состоялась встреча С. Антуфьева с белорусским послом В. Долголевым. Однако на протяжении его губернаторского срока импорт белорусских товаров превышал экспорт смоленских на белорусский рынок. В целом позиции сторон по многим актуальным вопросам постепенно изменились на благоприятные.

На современном этапе губернатором Смоленской области является Александр Владимирович Островский – «варяг», государственный деятель, до вступления в должность губернатора – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ от ЛДПР²². В 2012 г. назначен временно исполняющим обязанности губернатора Смоленской области. Президент России Д. Медведев внес кандидатуру А. Островского для утверждения законодательным собранием области, и тайным голосованием областная дума его кандидатуру утвердила. Впервые к такой должности был допущен член фракции ЛДПР, самый молодой на тот момент губернатор России. В 2015 г. он был повторно избран губернатором Смоленской области, уже всенародно.

Первоочередной задачей нового губернатора стал поиск баланса между интересами своей партии и работой в системе власти. А. Островским было принято решение о необходимости представления сторонников различных политических сил в своей команде. Эту идею впоследствии развила партия ЛДПР, выдвинув законодательную инициативу об обязательном формировании «коалиционных правительств». Ее суть заключалась в том, что губернатор должен назначать своих заместителей до вступления в должность из представителей политических партий, имеющих фракции в парламенте. Такое положение дел позволило бы избежать политизации острых вопросов и равно распределить ответственность за проводимый губернатором курс²³.

Тем не менее, в начале работы А. Островским были приняты достаточно сомнительные кадровые решения и сложились напряженные отношения с главами муниципальных образований и администраций²⁴. Высказывается предположение об отсутствии доверия нового губернатора местным элитам, а также его поддержки федеральными структурами²⁵. Конфликтные линии на областном уровне наиболее были выражены в отношениях губернатора с отдельными влиятельными представителями бизнес-элиты, городской администрацией и городской думой²⁶. Однако, по мнению некоторых аналитиков, А. Островскому удалось создать в регионе эффективный механизм коалиционного правительства, а также внутриэлитный и межпартийный консенсус. В состав коалиционной региональной администрации формально вошли представители ЛДПР, КПРФ и партии «Единая Россия», фактически – ЛДПР и «Единой России». А. Островский, обязанный своим назначением «Единой России», не может вступить с ней в противостояние, всячески ищет пути взаимодействия своей партии с партией большинства, лоббирует интересы ЛДПР, а «Единая Россия», в свою очередь, поддерживает работу администрации губернатора. Тем более что, по сравнению с предыдущими губернаторами, А. Островский смог обеспечить рекордно высокую поддержку В. Путину на мартовских выборах 2018 г. Уровень поддержки партии ЛДПР в регионе невысок, и такое взаимодействие с «Единой Россией» приносит ей определенные дивиденды. Значительной популярностью в регионе пользуется КПРФ, не раз опережавшая «Единую Россию» по результатам выборов, но активное взаимодействие с ней не налаживается. Однако Н. Кузнецов, член КПРФ, был назначен вице-губернатором области. Партия «Справедливая Россия» остается за пределами «коалиции» и снизила свою активность²⁷.

Отношения сотрудничества с РБ в период руководства А. Островского вышли на новый уровень. Губернатор активно участвует в форумах регионов Беларуси и России, встречается с министрами, Президентом Беларуси, инициирует совместные коллегии министерств двух регионов, активно выступает с собственными предложениями (например по созданию международного пункта пропуска на границе с Беларусью) и продвигает их во взаимоотношениях с федеральным центром²⁸. А. Островским заключено множество новых соглашений: с Гродненским областным исполнительным комитетом (23 ноября 2015 г.), Брестским областным Советом депутатов (29 июня 2017 г.), Брестским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь (25 декабря 2017 г.), подписаны планы мероприятий в сфере сотрудничества. Проводятся переговоры с послом Беларуси в РФ о принятии новых совместных программ²⁹. Иначе говоря,

сотрудничество Смоленской области и партнеров из РБ проявляется в формах координации деятельности региональных властей, реализации совместных мероприятий, осуществлении совместных программ.

Таким образом, элиты Смоленской области сыграли большую роль в сбалансировании отношений с Республикой Беларусь в целом и межрегиональных связей в частности. Среди них стоит выделить не только первых лиц в структуре региональной власти, но и представителей бизнеса, заинтересованных в увеличении собственной прибыли и влияния в регионе через внешние каналы. На протяжении почти всего постсоветского периода в Смоленской области существовал определенный конфликт местных элит по нескольким линиям: область – город, область – центр, область – парламент, область – бизнес и т. д. Смена шести губернаторов обусловила частые корректировки в расстановке внутрирегиональных сил, которые могли выступить агентами развития межрегиональных связей и приграничного сотрудничества. Ни один губернатор не смог закрепиться на несколько сроков, стать самой сильной фигурой и многие годы устойчиво находиться во власти. До 2000-х гг. властные позиции занимали в основном выходцы из советского партийно-хозяйственного актива. Межэлитная конкуренция осуществлялась, прежде всего, между действующими главами парламента, региональной и городской администрациями.

Базис сотрудничества Смоленской области и белорусских партнеров, безусловно, заложен на федеральном уровне. Он образуется не только соответствующими нормативными предписаниями федерального законодательства, но и диалогом по линии высшего руководства обеих стран. Региональные элиты выступают, скорее, в качестве агентов российско-белорусской интеграции, являясь важными участниками межрегионального и приграничного сотрудничества, которое можно рассматривать как одну из главных составляющих процесса двустороннего сближения. Можно наблюдать определенную корреляцию потепления межгосударственных отношений и расширения положительных тенденций в этой сфере. Соглашения Смоленской области с партнерами из Республики Беларусь дополняют систему межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, содействуя более эффективной реализации их положений. Смоленская область, как и другие приграничные с Беларусью регионы РФ, предпринимает активные шаги по осуществлению конкретных мероприятий, чему способствуют их соседство и решения, достигнутые в рамках Союзного государства. Поддерживается неформальное сотрудничество регионов, налаживаются связи на местном уровне. Таким образом, Смоленская область превратилась в своеобразную локальную, но чрезвычайно значимую площадку взаимодействия России

и Беларуси по продвижению совместного интеграционного проекта.

Возвращаясь непосредственно к роли региональных элит в рассматриваемой сфере, следует подчеркнуть, что впервые их заметное влияние на выстраивание добрососедских отношений становится очевидным в период руководства областью А. Прохоровым. Губернатор активно взаимодействовал с белорусской стороной даже в определенной степени вразрез с новыми веяниями официального дискурса федеральной власти. В целом в начале 2000-х гг. активность региона в развитии отношений сотрудничества с Республикой Беларусь нарастала. Губернаторы из «местных» стремились продвигать интересы своего региона также несмотря на международную политическую ситуацию. Назначение А. Островского губернатором Смоленской области в 2012 г. можно объяснить необходимостью установления баланса политических элит в области. А. Островский – фигура со стороны, первоначально не вписанная в конфликты местных элит, финансовых и политических групп. За время своего губернаторства ему удалось выйти на новый уровень взаимоотношений с Республикой Беларусь благодаря установлению одного центра регионального политического влияния (в рамках «коалиционного правительства») и личному активному участию в трансграничном взаимодействии. Можно подытожить, что элита Смоленской области играет важную роль в содействии интеграции России и Республики Беларусь. Наблюдается положительная динамика двусторонних отношений, но весь потенциал сотрудничества еще не реализован.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Политические перспективы Союзного государства России и Республики Беларусь в контексте многовекторности их отношений // *Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2014. Т. 14, вып. 3. С. 66–71.
- 2 См.: *Пирожник И. И., Озем Г. З., Шадрякова А. В.* Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России // *Вестн. БГУ. Сер. 2. Химия. Биология. География.* 2010. № 1. С. 55–60.
- 3 См.: *Борисов С. В.* Актуальный политический режим в Нижегородской области : становление в 1990-е годы // *Полис.* 1999. № 1. С. 98–115.
- 4 См.: *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005.
- 5 См.: Валерий Петрович Фатеев : история одной жизни // *Вязьма Ньюз* : [сайт]. URL: <http://www.vyazmanews.net/vyazmich/4472-valeriy-petrovich-fateev-istoriya-odnoy-zhizni.html> (дата обращения 26.01.2019).
- 6 См.: *Корнеев В.* Воспоминания о былом // *Смоленск : областной ежемесячный журнал* : [сайт]. URL: <http://www.journalsmolensk.ru/zhurnal/2018/2/vospominaniya-o-bylom.html> (дата обращения: 26.01.2019).
- 7 См.: Соглашение о сотрудничестве между Смоленской областью Российской Федерации и Гомельской областью Республики Беларусь. URL: <https://dep.smolinvest.com/attachments/article/1449/soglash-s-gomelsk-obl-min.pdf> (дата обращения: 26.01.2019).
- 8 См.: *Крыштановская О. В.* Указ. соч.
- 9 См.: Смоленская область в декабре 1998 // Международный институт гуманитарных политических исследований : [сайт]. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1998/1298/67.html> (дата обращения: 26.01.2019).
- 10 См.: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Администрацией Смоленской области Российской Федерации о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 8 декабря 1998 г. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd2894.htm> (дата обращения: 26.01.2019).
- 11 См.: *Тихонов Д.* «Ты помнишь, как все начиналось?». Смоленщина и Беларусь : юбилей сотрудничества // *Смоленская народная газета* : [сайт]. URL: <http://smolnarod.ru/politroom/ty-pomnish-kak-vsyu-nachinalos-smolenshhina-i-belarus-yubiley-sotrudnichestva> (дата обращения: 26.01.2019).
- 12 См.: *Антуфьев С. В.* Проблемы межрегионального сотрудничества России и Беларуси // *Региональная экономика : теория и практика.* 2005. № 6 (21). С. 5–6.
- 13 См.: *Голубев С. А.* Российско-белорусская интеграция и российские регионы // *Регион как субъект политики и общественных отношений* : сб. / под ред. Н. В. Зубаревич. М. : Моск. обществ. науч. фонд., 2000. Вып. 107. С. 18–38.
- 14 См.: Смоленская область : партия ФСБ побеждает КПРФ Горный Алтай : Беловодье при Михаиле Лапшине. Исход Геннадия Селезнева // *Радио Свобода* : [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24197319.html> (дата обращения: 26.01.2019).
- 15 См.: *Гончаренко О. В.* Кадровая политика центра как инструмент управления региональными элитами // *ProNunc. Современные политические процессы.* 2008. Т. 8, № 1. С. 286–293.
- 16 См.: *Иванов В. В.* Глава субъекта Российской Федерации : Политическая и юридическая история института (1990–2013). М. : Праксис, 2013.
- 17 См.: Соглашение между Администрацией Смоленской области Российской Федерации и Могилевским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. URL: <https://dep.smolinvest.com/attachments/article/1449/soglash-s-mogilevsk-oblis-min.pdf> (дата обращения: 26.01.2019).
- 18 См.: *Антуфьев Сергей Владимирович* // *Замполит* : [сайт]. URL: <http://zampolit.com/dossier/antufev-sergey-vladimirovich> (дата обращения: 26.01.2019).
- 19 См.: *Вилков А. А., Дацков С. А.* Электоральный фактор переназначения и функционирования руководителей субъектов РФ в современный период // *Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2010. Т. 10, вып. 3. С. 58–63.
- 20 См.: *Иванов В. В.* Указ. соч.
- 21 См.: Надежный партнер Беларуси. Интервью губер-

- натора Смоленской области Сергея Владимировича Антуфьева // Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/nadezhnyy-partner-belarusi-intervyu-gubernatora-smolenskoj-oblasti-sergeya-vladimirovicha-antufeva.html> (дата обращения: 26.01.2019).
- ²² См.: Члены Администрации Смоленской области : Островский Алексей Владимирович // Администрация Смоленской области : [сайт]. URL: https://www.admin-smolensk.ru/authorities/administraciya_oblasti/chleni_administracii_smolenskoy_oblasti/news_775.html (дата обращения: 26.01.2019).
- ²³ См.: *Мамонов В.* «Коалиционное правительство», кадровая политика Алексея Островского и консолидация Смоленской элиты : аналитический доклад // Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК) : [сайт]. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=92&ELEMENT_ID=4736 (дата обращения: 26.01.2019).
- ²⁴ См.: *Захаров М.* Расчет на одурачивание : получил ли бывший фотограф мандат от смолян // Смоленская народная газета : [сайт]. URL: <http://smolnarod.ru/politroom/raschet-na-odurachivanie> (дата обращения: 26.01.2019).
- ²⁵ См.: Выбрал замов по себе : Что стоит за кадровыми перестановками в администрации Смоленской области // Смоленская народная газета : [сайт]. URL: <http://smolnarod.ru/politroom/vybral-zamov-po-sebe> (дата обращения: 26.01.2019).
- ²⁶ См.: Противостояние : Губернатор Смоленской области призвал мэра Смоленска уйти в отставку, а тот выложил их переписку // Ключевые новости Смоленска : [сайт]. URL: https://keytown.me/politics/protivostoyanie-gubernator-smolenskoy-oblasti-prizval-mera-smolenska-uyti-v-otstavku-a-tot-vylozhil-ih-perepisku_62408 (дата обращения: 26.01.2019).
- ²⁷ См.: *Мамонов В.* Указ. соч.
- ²⁸ См.: Россия установит международный пограничный пункт пропуска с Беларусью. Что это значит для простых людей // Белсат : [сайт]. URL: <https://belsat.eu/ru/news/rossiya-ustanovit-mezhdunarodnyj-pogranichnyj-punkt-propuska-s-belarusyu-chto-eto-znachit-dlya-prostyh-lyudej> (дата обращения: 26.01.2019).
- ²⁹ См.: Беларусь и Смоленская область наметили новые программы сотрудничества // Рос. газ. : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2018/02/26/belarus-i-smolenskaia-oblast-nametili-novye-programmy-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 26.01.2019).

Образец для цитирования:

Горская А. Н. Влияние представителей правящей элиты Смоленской области на динамику отношений региона с Республикой Беларусь в рамках трансграничного сотрудничества // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 238–244. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-238-244>

Cite this article as:

Gorskaya A. N. Influence of Representatives of the Ruling Elite of the Smolensk Region on the Dynamics of Relations with the Republic of Belarus. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 238–244 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-238-244>
